

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2015

Содержание

1. СОСТАВ ДЛЯ ЖИРОВАНИЯ
2. ЕВРЕЙСКОМУ КЛАДБИЩУ В ЩИТНО
3. МЫШКИН ВО ВРЕМЕНА КАТАСТРОФЫ
4. ПОСМЕРТНОЕ — СЛИШКОМ ЛИЧНОЕ
5. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
6. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
7. ПОЛЬСКИЙ КАПИТАЛ ШАГАЕТ ПО МИРУ
8. ЭКСПОРТА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ СОСТАВИЛ 21 МЛРД ЕВРО
9. СТИХОТВОРЕНИЯ
10. КОНЕЦ СТРАНСТВИЙ
11. ЛЕГЕНДА «О КРУЖКЕ МОЛОКА»
12. ШЕСТАЯ, САМАЯ МЛАДШАЯ
13. ПРОЧТЕТ ЛИ ЭТО ЭВА ДЕМАРЧИК?
14. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
15. О ШОПЕНЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ
16. «МИЛОСТЬ» — МУЗЫКАЛЬНОЕ «СОЧЕТАНИЕ
НЕСОВМЕСТИМОГО»
17. АФРИКАНСКАЯ РУСЬ, ДЕКАДЕНТСКАЯ ЕВРОПА И ПОЛЬША

СОСТАВ ДЛЯ ЖИРОВАНИЯ

Чем пахнет преступление шестьдесят лет спустя? Прежде всего, от него разит химией.

Например, восемьдесят с лишним тысяч пар обуви, принадлежавшей узникам, убитым в концлагере Освенцим-Биркенау, пахнут копытным маслом. Это вещество, изготавливаемое из копыт животных, отдает давно прогорклым жиром. Отлично сохраняет кожу.

К маслу добавляют ланолин — животный воск, получаемый при промывании овечьей шерсти. Приятный аромат — похоже на косметику или стиральный порошок.

Еще лаковый бензин. Тяжелый химический запах.

Так получают состав для жирования. Им натирают обувь.

Обувь пахнет иначе, чем чемоданы, в которых евреи привозили свое имущество. В музее говорят, что обувь сохранила больше человеческих запахов. Потому что она заношена, в нее впитывалась кровь, в ней потела нога. А чемодан? Кто-то подержал его за ручку. И всё.

Дверцы печей крематория, длинные кочерги, которыми передвигали обуглившиеся трупы, металлические «глазки», при помощи которых эсесовцы проверяли, неподвижны ли тела в газовой камере — пахнут паралоидом Б-44 или космолоидом, иначе называемым микрокристаллическим воском. Это запах растворителя. Растворители позволяют сдерживать коррозию.

Есть еще запах старых документов, истлевших банкнотов, которые прятали под подошвой, бумажных вкладышей для обуви, писем из лагеря. Резкий запах металлических ложек, выгнувшихся от жара. Ржавых ножниц, ножей, вилок...

Все ароматы смешиваются в реставрационной мастерской музея в Освенциме. Это одна из самых современных лабораторий подобного рода в Европе. В стерильных помещениях, выложенных белой плиточкой, группа молодых людей сохраняет для будущего материальные следы преступления.

Ни кафель, ни свежевывкрашенные стены не пахнут. Реставраторы ходят в белых халатах. Ничто не заглушает ароматы кожи, металла, химии. Пахнут коврики, которые узницы стелили на пол в бараках, пахнут старые карты и пленка, которой они были покрыты. Фрагменты материи лежат на столах, словно тела в операционной.

Кому принадлежал этот ботинок?

В последние два года больше всего усилий требует обувь. Та, которую в пятом блоке можно увидеть через стекло. Она сохранилась, потому что немцы не успели ее вывезти или сжечь. Обувь лежала в Бжезинке, в грязи, где в январе 1945 года ее обнаружили русские.

Начиная с 2003 года реставраторы занимались взрослой обувью. Теперь через их руки проходят детские ботиночки.

Павел Квек, Кшиштоф Коляса и Лукаш Вуйчик сидят на табуретках вокруг горы обуви. Склонившиеся, со скребками в руках, они напоминают поваров, которые чистят картошку. Помещение заполняет удушливый запах, который быстро проникает в легкие. На лицах маски, но горло все равно щиплет.

— Старость, затхлость, сырость, химия, — перечисляют они компоненты запаха, выковыривая из подошв камешки. Из некоторых ботинок сыплется солома. К другим прилипла грязь. Значит, в газовую камеру ребенок шел под дождем или по лужам.

Еще в обуви попадают опилки. Это память о предшественниках — реставраторах, которые обрабатывали обувь в специальной центрифуге. Бросали во вращающуюся бочку, наполненную опилками, мелким гравием, кедровым маслом и ланолином. Обувь отлично пропитывалась, но при этом деформировалась, поэтому ее стали реставрировать вручную.

Павел Квек: «Здесь нельзя слишком задумываться. Поначалу я брал ботинок в руку и гадал, кому он мог принадлежать. Кому подходил по размеру. Но так невозможно, это мешает работе. Я приспособился, ничего...»

Они выковыривают камешки и опилки, вытряхивают пыль. Каждый день, семь часов подряд — так что поневоле начинают болтать. Сидя вокруг горы обуви, они обсуждают девушек, вечеринки, происшествия в городе.

Бывает, что-нибудь находят. Вот, например, недавно — упаковку от крема «Нивея» и вкладыш, сделанный из контрольной по математике, в детском ботинке — на листочке отчетливо видны столбики цифр.

Порой их болтовня напоминает разговоры подмастерьев сапожника. Что, мол, по обуви можно определить социальное положение жертв. Ботинки из дешевого материала вперемешку с обувью из хорошо выделанной кожи. Некоторые дамские туфли и сегодня выглядят шикарно, видно, что за них заплачены немалые деньги.

Или что та обувь тяжелее сегодняшней. Кожа толще, хуже выделана, твердая, как камень, в подошвах много гвоздей, подковок, пряжек.

Что деревянная обувь деревянной обуви рознь. Бедняки были вынуждены ходить на неудобных подошвах из цельного куска дерева, а те, что преуспели больше, шли в газовую камеру на подошвах из нескольких кусочков дерева, соединенных полосками кожи и ткани. В таком башмаке нога была гибче.

Очень редко попадаетесь щегольской ботинок — на подошве из искусственного материала.

Матерчатые туфли сдались первыми. Спустя шестьдесят лет ткань вся в дырках, расплзается в руках. Поедена молью. Кое-где можно обнаружить личинки.

Ребята заполняют очередной ящик. Ботинок салатового цвета, к шнурку привязана красная ленточка — может, в нем бежала в газовую камеру девятилетняя Фелиция Гольд, аж до 1944 года успешно прятавшаяся в лодзинском гетто? А может, одна из сестер Пап? Или Ливия, Эрика? Или одна из близняшек Фукс? Ботиночек, обшитый толстой драпкой — носил ли его трехлетний венгр Дьюрика Кальдор, а может, маленький бельгиец Бернар Вайланд?

Тенниски, кеды, туфли... Некоторые очень неплохо сохранились. Только вблизи видно, что все они выкручены и выгнуты, словно шестьдесят с лишним лет назад их сводило судорогой.

Мирослав Мацящик и Томаш Ижик, старшие реставраторы мастерской, могли бы пройти по музею в Освенциме с завязанными глазами. Некоторые места они узнают носом.

Например, блоки, открытые для посетителей, отличаются по запаху от тех, в которые туристов не пускают. В воздухе закрытых блоков витают старость и страдание. Что это значит — пахнет страданием? Это как будто в тяжелом воздухе застыли крики женщин, подвергавшихся гинекологическим экспериментам, или звуки побоев. Запах истязаний.

В блоках, которые уже шестьдесят лет стоят запертыми, воздух густ и неподвижен. В блоках, по которым ходят туристы, воздух другой. Дверь открывается и закрывается, порой возникает сквозняк, люди приносят запахи своих духов, свежего пота, ароматы завтрака и обеда.

Химией больше всего пахнет в четвертом блоке, где хранятся две тонны волос. Пахнет до такой степени, что людей чувствительных начинает тошнить.

Томаш Ижик: «Я бывал во многих местах, где пахло затхлостью и сыростью, но нигде воздух не казался таким тяжелым, как здесь, в закрытых блоках».

— Это запах лагеря. Так пахнет смерть, — добавляет Кшиштоф Коляса.

Ящик с ботинками отправляется дальше, через два помещения отсюда. Запах пыли и затхлости ощущается здесь слабее, потому что его заглушает аромат состава для жирования.

Среди ящиков сидят три веселые двадцатилетние девушки. Они болтают о парнях, покупках, погоде. Склонившись над столом, передают друг другу один ботинок за другим. Сильвия Кохан промывает каждый специальным реставрационным мылом. Сильвия Сикорская вытирает, а Агнешка Шершень при помощи кисточки наносит состав для жирования.

— Вот, сравните, — удовлетворенно замечает Агнешка, демонстрируя пару ботинок. На одном кожа мертвая, а на втором, с которым поработали реставраторы — сверкает живым блеском. — Когда они высыхают, выглядят, как новенькие. Восстанавливается цвет. Некоторые туфли даже носить можно было бы.

У девушек память лучше, чем у молодых людей. Они запоминают отдельные экземпляры. Когда они только начали работать в реставрационной мастерской, через их руки проходила взрослая обувь. Больших размеров. И вдруг случайно

попался сандалик со следами детских пальцев, словно только что снятый с маленькой ножки...

Или вот этот ортопедический ботиночек, размер 20, на корковой подошве. Мальчик, должно быть, хромал, когда шел в газовую камеру.

Нет, они не плакали, неправда. Наверное, какие-то другие девушки. Они пришли сюда не ради сантиментов, а чтобы работать.

Они записывают названия обувных фабрик, которые можно прочесть на внутренней стороне голенища. Десятки названий и адресов: «Роял», «Липсия», «А.Выпышинский, Варшава, Нецала, 5», «Синдерелла», «Гаага — Амстердам», «Паризия», «Мастерская элегантной обуви, Антоний Шеля, Лодзь, ул. Пётрковская, 96»...

Внимательно осматривают туфли на каблуке или на платформе. Порой кто-нибудь вздохнет с сожалением — такие модели уже не выпускают. Девушки не любят высокие сапоги — их сложно чистить. Сильвии Кохан запомнилась туфля из змеиной кожи, изготовленная на фабрике «Дермата». Ее явно носила какая-нибудь модница. Она так красиво блестела после жирования, так красиво...

Большинство реставраторов живут в городе Освенцим или его окрестностях. С раннего детства — бок о бок с лагерем. Это неотъемлемая часть их мира. Те, что постарше, еще, возможно, играли в войну в здании Старого театра, где немцы хранили газ «циклон Б». Это было изумительное место для игр. Поколение их родителей помнит, как пахло из кондитерской, расположенной на территории бывшего лагеря. Грибники очень уважают леса вокруг лагеря в Бжезинке.

Томаш Ижик, год рождения 1979: «Мы привыкли к лагерю. Горы обуви все мы не раз видели через стекло. И вдруг стекло исчезает, а мы оказываемся по другую сторону. Берем ботинки в руки, прикасаемся к старой коже. Нет множества, есть конкретные предметы, принадлежавшие конкретным людям. История распадается на индивидуальные судьбы. Ты задумываешься, на какую ногу годился этот ботинок, какой ребенок в нем ходил. Конечно, в какой-то момент нужно сказать себе: «стоп». Если хочешь здесь работать, следует сосредоточиться исключительно на материи. Это не равнодушие, а необходимость. У нас тут другие задачи:

определить, в каком состоянии вещь, как можно ее очистить, законсервировать, сохранить. Мне нравится, в три часа дня я сажусь в машину и еду домой. Стараюсь оставлять мысли об обуви здесь».

Главный реставратор Витольд Смрек работает в лагере двадцать лет. Он не рассуждает о трагедиях, нравственности, величайшем преступлении в истории человечества. Подобно своим подчиненным, избегает громких слов. Предпочитает отвести в угол коридора, где на нескольких стендах, в покое, спрятанное от глаз посетителей, хранится то, что было обнаружено во время реставрации. Витольд Смрек в который уже раз разглядывает брошки в виде продуктовых карточек (на одной сохранилась надпись: «В День матери от Сали»), окаменевший кусочек хлеба, найденный в одной из сторожевых будок, бутылка, компасы, медальоны – бессмертники пленных, шомпола винтовок, крошки оплавленного стекла из бараков возле так называемой «Канады» ^[1]: «Лишь здесь я действительно ощущаю их жизнь. Беру в руки эти предметы и могу всё себе представить...»

Реставраторы не только омолаживают материю. Они также сомневаются. Когда следует сказать: «Хватит»? Имеет ли смысл воскрешать прошлое и возвращать уцелевшим во время Холокоста вещам давно угасший лоск?

Есть отличные средства. «Duraglit» для реставрации металла. Танин, двунариевая соль, лимонная кислота. Ацетон, толуол, фосфаты. Все они служат человеческой памяти.

В мастерской на одном из столов лежат лагерные вещи повседневного пользования. Томаш Ижик показывает ложку и нож: «Что более подлинно? Что расскажет больше? Эта вычищенная до блеска серебряная ложка с выгравированной птицей — или проржавевший нож? Может, надо оставить эту обувь в покое, пусть рассыплется в прах, пусть ее съест моль...»

Такая судьба ждет выставленные в музее волосы. Время от времени реставраторы промывали их в детергентах и дезинфицирующих средствах. Возник спор: являются ли волосы человеческими останками? Если да, реставрировать их нельзя. Если нет, можно воспринимать их наравне с ложками или ботинками.

Верх одержала первая точка зрения.

— Они уже сейчас ломкие, но прежде чем окончательно рассыплются в прах, пройдет не менее нескольких десятилетий. Они будут по-прежнему экспонироваться. Вплоть до момента технической смерти, — говорит Витольд Смрек. — А ботинки проживут гораздо дольше. Кожа — прочный материал.

Девушки с кисточками: «Мы часто обсуждаем то, что делаем здесь. Когда мы только начинали работать, некоторые знакомые удивлялись. Одни полагали, что это отвратительное занятие, другие говорили, что надо оставить обувь в покое и не возвращать ей прежний лоск. Пусть рассыплется. Не стоит. Это омерзительно».

Сильвия Сикорская: «Я скажу коротко и банально. Я горжусь тем, что здесь работаю. И что благодаря мне ботинки проживут дольше».

2005

Из книги: *Najlepsze buty na swiecie*. Wyd. Czarne. 2014

-
1. «Канадой» назывались склады для хранения. Прим. пер.

ЕВРЕЙСКОМУ КЛАДБИЩУ В ЩИТНО

Обрезанный в поэзии, всю сознательную жизнь я
прикидывался евреем.

Некоторые поверили. Свой польский нос каждый из
них держит по ветру,

усердно вглядываясь в чужие профили. Я был этим
чужим. Или это генетические амбиции

детей царедворцев, крестьян, разорившейся шляхты,
лесников и фермеров

вынудили нас в юности — меня и сестру — сотворить
себе идентичность, отказаться

от семейной генеалогии, так что раз отец антисемит,
то мы — юдофилы,

и вот так, обрезанный в поэзии, я стал другим,
сломанным, выброшенным,

активирующим польские комплексы, сам будучи
стопроцентным комплексом

загнанных в угол поляков, так боящихся рабства и
потому навязывающих его другим.

Приливы и отливы любви и ненависти. XX век,
соединивший и разделивший нас кровавыми швами,
нас, поссорившихся товарищей по побегу,
истосковавшихся по нормальной жизни, успеху,
собственной прекрасной стране. Не узнаю этих мест.

Десять лет назад я приехал сюда другой дорогой.

За железнодорожным полотном. На углу улицы воздух
теперь дрожит от собачьего лая. Приют для животных.
Новые особняки с ухоженными палисадниками.
Железная калитка открыта. Стоят, шатаются,
рассыпаются в прах мацевы. Еврейское кладбище.

Вполне хорошо сохранившееся. Срезая дорогу, мимо
проходят двое панков.

Unser Gatte und geliebter Vater Isidor Flatow. Aron Cohn^[1].
На немецком и иврите.

Эти два языка переплелись в такой узел, что из него
потом выросла смерть.

Юдентум и Германия. Иов, Екклесиаст, Мендельсон,
Дойчланд, Кох, Гиммлер.

Не ради слезливой экзотики забрел я сюда, не сердце
меня привело,

не культ избранного народа, религии, территории,
высокой расплаты.

Но память глаз моих. Память мысли. Память о том,
как из списка живых легко вычеркивают людей и
миры. Без сантиментов мистических, племенных,
хтонических.

Выхваченная из другого измерения, заросшая травой
площадка с колоннадами и мацевами. Чужая, тесная и
незыблемая в окружении новой цивилизации.

Как скульптуры с Острова Пасхи. Как менгиры с
багровой Луны.

Отнестись к ним с почтением, понять и оставить в
этом потоке времени,

который всасывает и нас, убивает, лишает памяти и
разбрасывает, словно камни,

по не освоенной никогда и никем кладбищенской
Земле.

Обрезанный в поэзии, навсегда я останусь евреем.

1. Наш супруг и любимый отец Исидор Флатов. Арон Кон. (нем.)

МЫШКИН ВО ВРЕМЕНА КАТАСТРОФЫ

Тринадцать лет тому назад Янина Кац-Хьюитсон в парижской «Культуре» назвала Петра Равича «забытым писателем». Книга «Кровь неба» сделала ее автора на какое-то мгновение, в 1961 году, звездой французской литературы. Позволит ли Равичу польский перевод этой книги стать столь же важным для польских читателей автором, как хотя бы Ежи Косинский? Двух этих литераторов объединяет довольно многое. Здесь стоит упомянуть не только их польско-еврейское происхождение или тот факт, что они внесли свой вклад в литературу, принадлежащую иному, не польскому языку — это, в конце концов, случайное и поверхностное сходство. Равича и Косинского сближает, прежде всего, манера писать о Холокосте, которую они изобрели независимо друг от друга (книга Косинского была опубликована через четыре года после «Крови неба», и мы знаем, что Равич одобрительно высказывался о ней).

Их стиль прямо противоположен манере, выбранной Тадеушем Боровским или Примо Леви, которые стали на путь литературной аскезы. У Равича же и Косинского мы имеем дело со стиранием границ между вымыслом и документальностью, с барочным разгулом фантазии, которая самые шокирующие картины пропитывает черным юмором, а зачастую и эротикой. Добавим к этому еще и литературного героя с его провокационной пассивностью в отношении ужаснейших преступлений. Физическая пассивность была бы в его случае совершенно обоснованной — ведь он, еврей, живет в ежеминутной опасности. Но здесь речь идет о пассивности моральной, которая может привести к обвинению в безразличии, любовании и, наконец, духовном оправдании преступления. Равич идет здесь гораздо дальше, чем Косинский — его герой не ребенок, а взрослый человек, к тому же интеллектual и поэт, то есть личность, от которой мы могли бы ожидать морального сопротивления, достойного нашей романтической традиции.

Львов, Освенцим, Краков, Париж

Петр Равич родился год спустя после окончания Первой мировой войны, во Львове. Он воспитывался в среде еврейской

интеллигенции — его отец был уважаемым адвокатом. Окончив польскую гимназию, он приступил в 1937 году к учебе на юридическом факультете Львовского университета, который вскоре оставил и занялся изучением ориенталистики. В университете он познакомился со своей будущей женой Анкой (по словам Данило Киша, в будущем друга Равича, брак был заключен еще в 1939 году, однако все остальные источники говорят о послевоенном периоде). Советскую оккупацию Равич пережил во Львове, где остался даже после прихода немцев — украинские документы и хорошее знание украинского языка давали ему возможность не скрываться. В 1942 году он был арестован в окрестностях Закопане (его будущей жене удалось бежать из поезда), а в 1943 попал под видом украинца в Освенцим.

В 1944 году его перевезли в лагерь в Литомержице, который освободили судетские чехи. По окончании войны он вместе с отцом, которому тоже удалось выжить, поселился в Кракове. Продолжил в Ягеллонском университете прерванные занятия по ориенталистике. Окончил он их с отличием в парижской Сорбонне. В Париж переехала и его жена.

Автор «Крови неба» был полиглотом — к моменту прибытия во Францию он, помимо польского, хорошо знал французский, украинский, русский и немецкий. Позже он выучил еще английский, арабский, иврит и санскрит. Исключительные способности к языкам позволили ему вначале работать корреспондентом иностранных газет, а затем начать самостоятельную литературную карьеру. Его дебютный роман «Кровь неба» был выпущен в 1961 г. издательством «Галлимар», а через год удостоен премии «Ривароль», присуждаемой иностранцам, пишущим по-французски (ту же премию получил, в частности, Эмиль Чоран). Роман был горячо принят прессой, в рецензиях появились сравнения с Достоевским, Жарри, Жене и Беккетом.

Однако ни поэтические произведения Равича, которые сам он ценил очень высоко, ни опубликованные в 1969 г. «Записки контрреволюционера» — критически-ироничный взгляд на студенческий бунт 1968 года — аплодисментов уже не вызвали. Чеслав Милош в рецензии на «Записки...» писал: «удивительно, что выходцы из восточной части Европы, оставили ли они свои родные страны навсегда или на время, относятся к студенческому мятежу на Западе, как правило, довольно неприязненно, причем вне зависимости от своих политических убеждений. (...) Память «кровоточащего неба» не располагает к энтузиазму в играх с рычагами общественного

механизма. (...) Молодежные движения в западных странах имеют в своей основе невысказанную тоталитарную тоску. Тогда как опыт террора в его разновидностях до и после 1945 года лишает тотальные решения привлекательности по ту сторону Эльбы».

С момента выхода «Записок...» писательская карьера Равича была практически окончена, хотя в качестве литературного критика он до конца жизни сотрудничал с престижной газетой «Монд». После себя он оставил неизданный до сих пор дневник и рукопись огромного романа, написанного на многих языках. Юзеф Чапский вспоминал, что Равич «был лишен даже тени честолюбия и писательских амбиций» и свое положение использовал, чтобы быть «связующим звеном не только для поляков или русских, но вообще для литературы из-за железного занавеса». Славомир Мрожек подчеркивал религиозность Равича, а также красноречивые подробности: что свою квартиру он умышленно довел до разрухи (хотя необыкновенно щепетильно соблюдал личную гигиену), что он предпочитал дождливую погоду солнечной, что был душой определенных кругов парижской богемы, которая относилась к нему как к «раввину-исповеднику», наконец, что он «проповедовал теорию всепрощения, ибо единственно этого можно требовать от нас, извивающихся в навозе червей».

Невозможно писать о Равиче, не пытаясь приблизиться к тайне его самоубийства. Писатель покончил с собой в 1982 году, вскоре после смерти своей жены Анки. Нам не составило бы труда внести его в список «опаленных» самоубийц наряду с Тадеушем Боровским, Паулем Целаном или Примо Леви. Мрожек, однако, подчеркивал, что одержимость самоубийством зародилась у автора «Крови неба» еще в довоенный период, и связывал самоубийство Равича со смертью жены. Чеслав Милош, посвятивший Анке Д'Астре трогательное стихотворение, а также одну из статей в «Азбуке», писал о необыкновенной связи, соединявшей эту пару, несмотря на бесконечные разногласия и ссоры, которые, в конце концов, привели к тому, что они расстались.

Насколько повлияли переживания времен войны на последнее решение Равича? Быть может, прав был Милош, когда писал, что смерть писателя заставляет нас думать как о связи, соединявшей его с женой, так и о том, что «нельзя выйти из Катастрофы без психической травмы».

Приключенческий роман о Катастрофе

Книга Равича — это, в сущности, гротескный приключенческий роман о временах Катастрофы. Действие начинается в 1961 году, то есть в год ее издания, в одном из парижских кафе. Повествователь, среди толпы «отверженных мира сего» (изгнанников из восточной Европы? выживших в Холокосте евреев?), знакомится с Борисом, который заводит рассказ о временах войны. Этот рассказ складывается из ряда портретов, отступлений, эпизодов, приключений, иногда с нарушением хронологии, отражающих отдельные этапы путешествия Бориса и его молоденькой любовницы через не совсем реальную Украину и неназванную Польшу. Многие из них сразу же врезаются в память, как, например, история еврейской больницы, которая должна была стать безопасным убежищем, но превратилась в место бойни, похожая история швейной фабрики Гарина, рассказ о посещении героями горного курорта (в котором мы узнаем Закопане), или, наконец, описание пребывания в тюрьме на Украине. Но ни один из этих эпизодов невозможно должным образом пересказать, а некоторые просто трудно читать, такое неприятие они вызывают.

В романе Равича нет ни тени этического или эстетического различия, герои лишены трагизма, все без исключения персонажи — комические и отвратительные фигуры. Это относится как к немецким палачам и польским «помощникам смерти», так и к членам обреченного на смерть сообщества. Разоблачаются даже героические с виду поступки — к примеру, поведение бесстыдно подчеркивающей свое великодушие женщины, спасающей еврейских детей. А приключения Бориса — это квинтэссенция абсурда.

Герой, и клеймом, и предметом гордости которого является обрезанный пенис (первоначальное название книги — «Член и искусство сравнения» — было отвергнуто издателем), благодаря «хорошей» внешности, владению немецким и украинским языками, а также найденным на улице украинским документам, не раз избегает смерти. На горном курорте он знакомится с отдыхающими там высокопоставленными немцами, даже получает предложение занять должность управляющего домом отдыха для «поправляющих здоровье полицейских», а также томик «эзотерических стихов» с посвящением «милейшему и обаятельнейшему из славян». В другом месте он встречается немецкого лейтенанта, который приглашает его в армейскую столовую. Из ее окна виден покрытый грязью двор, на нем кочаны капусты, на которые то и дело мочатся солдаты, среди кочанов бродят свиньи. Когда капустные кочаны оказываются

головами закопанных в землю умирающих евреев, герой разбивает оконное стекло, а офицер, вместо того, чтобы его застрелить, извиняется за некрасивый вид и обещает навестить его дома.

Квинтэссенцию абсурда (и литературный шедевр) представляют собой и финальные сцены романа, когда арестованный на Украине герой, наконец, попадает в тюрьму. Помещенный в камеру с другими евреями, он упорно отстаивает свою украинскую идентичность. В конце концов, его переводят в камеру для неевреев, где сокамерники унижают его как еврея. Когда потерявшие терпение гестаповцы все же решают раз и навсегда разобраться с его происхождением, герой предлагает, чтобы его идентичность подтвердил какой-нибудь украинец. Благодаря ловкой психологической игре, Борису удается не только убедить коллаборациониста в своем украинском происхождении, но и вызвать у него угрызения совести — ведь тот предал истинные национальные идеалы... Остается выяснить еще вопрос с обрезанием — Борис утверждает, что оно было результатом не религиозного обряда, а необходимой медицинской операции, что, как ни странно, подтверждают врачи.

Можно ли так писать?

Книга Петра Равича заставляет задать наивный вопрос: можно ли так писать о Катастрофе? Примо Леви считал недостатком «Крови неба» излишнюю литературность. В великолепном эссе «Свидетели, невыразимость и трагедия» (2002) Мария Янион пронизательно затрагивает важнейшие дилеммы, стоящие перед писателями, которые занимаются тематикой Холокоста. Основанием здесь служит утверждение Лиотара (эхом отзывающегося в «Соседях» Гросса^[1]), что «окончательное личное свидетельство о Холокосте могло бы исходить единственно из уст того, кто лишился в нем жизни». Однако, говорит Мария Янион, кроме невозможности говорить о Катастрофе, существует и психологическая потребность выживших, потребность свидетельствования. Это свидетельство «помещается (...) в поле соотношения между возможностью и невозможностью говорить».

Остается проблема самого повествования. Опыт Холокоста, выходящий за пределы понимания для разума Просвещения, не поддающийся синтезу, обнажает непригодность устоявшихся литературных форм. Как сказал Энтони Истхоуп, «“просвещенческое повествование” и “окончательное решение” не согласуются между собой». Вывод из этого может

показаться экстравагантным и даже подозрительным: разве тема Холокоста не идеальная для постмодернизма тема, разве не могла бы постмодернистская литература стать идеальной формой для этой темы?

Если говорить о сомнениях, возникших у Марии Янион, то Равич писал архисознательно. «“Литературный метод” — это непристойность по определению. Еще бóльшую непристойность он представляет собой благодаря элементам, из которых складывается: процедура, метод, образ поведения, эти понятия — как непрестанно, изо дня в день повторяющийся путь между конторой и домом, преодолеваемый страдающим геморроем чиновником. (...) Литература: антидостоинство, поднятое до ранга системы, единственного правила поведения. Вознаграждаемое порой искусство копаться в блевотине. А ведь, кажется, *navigare necesse est*^[2]: НУЖНО писать». Прав был Примо Леви, когда говорил о буйной литературности книги Равича. В момент появления она, должно быть, вызывала ужас. Загадочность повествования, неясный статус рассказчика (передающего слово герою-Борису, но первое лицо рассказчика изменяется, в конце концов, на третье, и оставшуюся часть романа излагает уже сам рассказчик на основании записок Бориса, которым, возможно, и является; в повествование также включен дневник другого героя, Давида, работающего в больнице кочегаром), свободное пересечение границ между прозой, поэзией и даже драмой (кстати, Равич наиболее хорош в прозе, когда он держится поближе к земле; некоторые философские рассуждения и поэтические отрывки, которые сам автор высоко ценил, выглядят значительно слабее), неясные границы между вымыслом и нон-фикшн, фрагментарность и случайность (в книге лишь на первый взгляд присутствует хеппи-энд, так как заканчивается она за минуту до того, как герой попадает в Освенцим, о чем мы узнаем из эпилога), наконец, неукротимая барочная фантазия, предвещают постмодернистскую литературу. Должно ли это вызывать наше недоверие? Не обязательно. Если подлинными свидетелями могут быть лишь мертвые, и если, как было угодно Равичу, «литературный метод — это непристойность по определению», то фундаментальной и первоначальной ошибкой становится уже сам выбор темы Холокоста. Это ошибка, в равной степени относящаяся и к Паулю Целану, и к Тадеушу Косинскому, и к Примо Леви, и к Петру Равичу.

Что представляет собой герой?

Самой большой загадкой романа Петра Равича остается его герой. Вопрос, кто такой Борис и каково его отношение к миру — это ключ ко всей книге. Интерпретация в духе постмодернизма освобождает нас от обязанности давать однозначный ответ. Борис одновременно и идеальный образ свидетеля, и загнанный на охоте зверь, и alter ego другого героя, Давида, которому доставляло садистское удовольствие как вести дневник преступлений Холокоста, так и активно соучаствовать в них. Равич, впрочем, отвергал обвинения в том, что все герои его книги — отрицательные, так как в его понимании черно-белые персонажи являются «продуктами скаутской морали».

Одним из важнейших фрагментов книги выглядит рассказ о беседе цадика из Мирополя с Богом, большой отрывок из которой здесь имеет смысл привести. «В ответ на замечания ребе, который обвинял Господа в страданиях, испытываемых его народом, Бог стал перечислять беззакония, допущенные последними поколениями: жестокосердие богачей, чрезмерную гордыню мудрецов и презрение, которое они выказывали простым людям; бесчисленные нарушения Закона писанного и Закона, передаваемого устно. (...) Тогда ребе прервал Господа: — Все это правда. Слишком хорошо известны мне грехи моих братьев и мои собственные. Но чья в этом вина? О ком написано, что Он сотворил добро и зло, что это Он посеял зло в сердцах смертных? (...). Напрасно возвещаешь Ты доброту, благородство, милосердие, сидя на своем мраморном троне посреди крылатых львов и ангелов и посреди пламени. Стенания вселенной, дым наших приношений и жертв доходят до тебя слишком издалека, снизу. И Ты, Ты возмущаешься проступками Твоих созданий, отданных на волю их слабостей, их отчаяния, их нужды? (...). Теперь Господь прервал ребе: — Ты и вправду считаешь, безумец, что я всего этого не знаю? Что мне это не известно, что я этого не чувствую? Телом моим и кровью постигаю страдания каждого из твоих братьев. Я с бродячим торговцем, пересекающим немилосердную равнину, чтобы заработать на хлеб. (...) Я с отцом, который видит, как умирает его ребенок, и я с этим умирающим ребенком. Я этот отец и это дитя. Я эта смерть. (...) Я с богохульником, что восстает против меня, ибо уже не может вынести всего этого, я тот богохульник и его богохульство. (...) На что ребе: — Это правда. И все же: Ты есть со всеми ними, со всеми нами, ты как царь, что переоблачается в нищего (...) ради познания жизни и смерти своего народа. (...) Ты напрасно пробуешь на вкус нашу бедность, Ты знаешь, что Тебя ожидает Твое великолепие, (...) бесконечность Твоих вселенных. (...) Но Бог ответил: — А ты? А вы? Разве помимо наихудших ваших бед не даровал я вам таких

же богатств, не открыл таких же дворцов? Разве наималейший среди вас не такой же богач, переодетый бродягой?».

В свете этой притчи Борис может оказаться живущим во времена Холокоста Мышкиным, для которого мир даже в такие времена остается райским садом. Хотя нам и трудно согласиться с такой интерпретацией, похоже, сам Равич был близок к подобному мышлению. Писатель отвергал концепцию исключительности Холокоста, подчеркивая в то же время неотъемлемость зла для человеческой природы, зла, по отношению к которому нам оставлен путь не осуждения (поскольку все мы грешны), но безграничного сочувствия. В конце книги он писал, что всякое заметное в ней сходство с действительностью случайно, а «описанные события могли бы случиться в любом месте и в любое время в душе всякого человека, планеты, минерала».

7 сентября 2003

1. Ян Томаш Гросс (р. 1947) — польско-американский социолог и историк, специалист по европейской истории XX века и истории Холокоста. В своей книге «Соседи» описал уничтожение еврейской общины местным польским населением в местечке Едвабне в 1941 году. Прим. пер.
2. *Navigare necesse est, vivere non est necesse* (лат. плыть необходимо, жить — не настолько). Согласно Плутарху, эти слова произнёс римский полководец Помпей, поднявшись на корабль, который вез в Рим хлеб из Сардинии, Сицилии и Африки, и приказывая готовиться к отплытию, несмотря на сильную бурю.

ПОСМЕРТНОЕ — СЛИШКОМ ЛИЧНОЕ

Умерла Анна Равич. Ушла в расцвете сил так внезапно. Осознаём ли все мы, знавшие ее, что мы потеряли? Как бы она обиделась на меня, если бы сегодня я написал о ней в слишком розовых тонах!

Пожелай я охарактеризовать ее в нескольких словах, то сказал бы, что ее дружба была трудной и как же часто агрессивной и даже несправедливой, но столь исключительной по своему содержанию, такой силы и масштаба, нередко такой теплоты, что ее трудно было приравнять к какой-либо другой. Спустя всего несколько недель после ее смерти покончил с собой Петр Равич.

Эта смерть была так непосредственно связана с уходом Анки, что мне кажется, я думаю не о двух смертях, но о смерти одной. Смерти этих двух существ, столь разных, то поссорившихся насмерть, то самых близких друг другу, и может быть, именно так близких в последний период их жизни.

Что очаровывало меня в Анке, так это ее сложная личность, складывавшаяся из стольких граней, не просто разных, но даже противоположных, и еще ее смелость. Она была еврейкой, погруженной во все то, что вынес ее народ, во все эти ужасы. Память о пережитом никогда не покидала ее, была просто физически ощутимой: страшно даже вспомнить, как сильно она чувствовала ее в смерти самых близких и любимых и в своей собственной судьбе.

Была ли Анка Равич также полькой? Мне всегда казалось, что была, настолько небезразличны были ей и наши судьбы. Однако сама она не хотела, чтобы ее считали полькой (слишком много там было травм). А ведь с самого раннего, счастливого детства в далекой Дисне на креслах, где были у нее первые польские друзья и польская школа, и влияние Жеромского, вынесла она особое внимание к социальным недугам и человеческим бедам, которыми была отмечена вся ее жизнь.

Потом был Львов, университет, советская оккупация, коммунизм, который полностью завладел ею; от этого коммунизма она отошла, как и многие другие. Я мечтал, чтобы

она когда-нибудь написала о тех временах с присущей ей жестокой откровенностью. Она не сделала этого, но не раз повторяла мне, что тот, кто размышляет о той эпохе, не осознавая, какой трагедией была безграничная вера в коммунизм, которая со временем перевоплощалась в ненависть, тот ничего о ней не знает.

Говоря о ней, я не забываю, насколько сильна была в ней русская тема: литература, язык, который она так хорошо знала, сосуществование здесь, в Париже, с русской эмиграцией, сопереживание ей, тесные связи с русским «Континентом».

*

Писать о Петре мне еще труднее, чем о ней. Мы очень редко виделись с ним, так как он вел почти исключительно ночную жизнь, по кафе, а я был далек от этой жизни. Он знал почти всех, и все знали его в парижском литературном мирке, где, кажется, у него были одни друзья. Между нами никогда не возникало даже намека на трения, я был или, вернее, мы были, — наверное, я могу так сказать, — как-то связаны друг с другом; его неспособность к ненависти, его обезоруживающая, часто печальная улыбка, его многочисленные статьи в «Монд», затрагивающие польские и русские проблемы в рецензиях книг, издание которых он старался протолкнуть во Франции. Я чуть не забыл о его великой книге «Le sang du ciel» ^[1]. Переведенная на девять языков, она получила одну из главных литературных премий в Париже, казалась началом большой литературной карьеры. Но Петр, хотя писал много, не спешил с публикациями. Похоже, он был слишком ленив, а прежде всего, лишен даже тени честолюбия и писательских амбиций.

Когда я размышляю о них обоих, об их многолетнем и столь бурном союзе, то думаю, что трудно было бы найти людей настолько разных, которые настолько иначе реагировали бы на жизнь: ее хищная воля к жизни, ее агрессивность и его тихая пассивность лунатика. Разве написал бы Петр книгу, которая завоевала не только мимолетную славу, но и устойчивое положение в литературном мире, если бы не Анка?

Свое положение он использовал, кажется, исключительно ради того, чтобы стать связующим звеном не только для поляков или русских, но вообще для литературы из-за железного занавеса — он писал о ней либо снабжал предисловиями выходившие в Париже книги.

Его небольшая книжка «Bloc-notes d'un contre-révolutionnaire» ^[2] прошла почти незамеченной, огорчив записных леваков, так

как за хепенингом 1968 года он сумел разглядеть тоталитарную нетерпимость.

*

Совсем недавно мы разговаривали с Анкой о Виткации. Я говорил ей, что только люди нашего поколения, для которых польский, русский, немецкий и французский были языками, на которых обычно говорили его читатели, только они могут оценить, то есть, по-настоящему прочесть эту прозу, где автор столь блестяще и бесцеремонно полонизировал русские, немецкие, французские слова, создавая просто новаторские неологизмы, ведь именно это делало его прозу превосходной.

Анка неожиданно ответила мне на это: «Подумай, какое у нас преимущество, что мы родились на Белой Руси, где разнообразнейшие влияния, где столкновения, традиции столь различных и очень часто противоположных тенденций создавали стимул для мысли даже у тех, кто не осознавал этого». И мне вдруг стало ясно, что общий климат той страны, которую мы называли кресами, порождал и между нами какую-то таинственную форму близости.

Легко повторять, что незаменимых людей нет — не только каждый человек незаменим, но каждая настоящая встреча обладает неповторимой уникальностью. Этот акцент, этот колорит наших отношений уже не повторится, и он встречается все реже с тех пор, как мы оказались оторванными от той страны, нашей страны.

Прощание с ними — это также прощание с тем миром, и может быть, еще и поэтому их уход причиняет такую боль.

1982

-
1. «Кровь неба» (франц.) Здесь и далее прим. пер.
 2. «Записки контрреволюционера» (франц.)

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

«47% от общего числа собирающихся принять участие в президентских выборах 10 мая будут голосовать за Бронислава Коморовского. 17% активных избирателей планирует поддержать Анджея Дуду из партии «Право и Справедливость». Таковы данные опроса, проведенного агентством «TNS» 13–18 февраля. (...) За кандидата от «Союза демократических левых сил» Магдалену Огурек собираются голосовать 6% опрошенных, а за кандидата от крестьянской партии ПСЛ Адама Ярубаса — 4%. (...) По 1% голосов респондентов получили Януш Паликот («Твое движение»), Януш Корвин-Микке («Коалиция обновления Республики — Вольность и Надежда», сокращенно КОРВиН), Анна Гродская (Партия «зеленых») и Павел Кукиз (беспартийный кандидат). (...) 22% опрошенных пока не знают, за кого будут голосовать. 29% участников опроса собираются пойти на выборы, а 42% колеблются». («Газета wyborcza», 24 февр.)

• «Если бы выборы в Сейм состоялись в ближайшее воскресенье, «Гражданскую платформу» поддержало бы 37% опрошенных (...), а «Право и Справедливость» — 33%. (...) По 7% голосов получили бы «Союз демократических левых сил» и крестьянская партия ПСЛ. (...) Объединение КОРВиН поддерживают 4% респондентов, «Твое движение» — 2%, а «Национальное движение» — 1%. (...) Не определились со своими политическими симпатиями 8% участников опроса. Данные опроса, проведенного институтом «Nomo Nominis» 27 февраля». («Жечпосполита», 3 марта)

• «Поляки не боятся европейской интеграции и хотят ее укрепления. 83% наших граждан поддерживают общеевропейскую политику обороны и безопасности, 77% высказываются в поддержку общей зарубежной политики, а 74% респондентов видят смысл в создании энергетического союза. Таковы результаты последней серии опроса общественного мнения «Евробарометр», проводимого каждые полгода. (...) 70% поляков поддерживают общую миграционную политику. (...) 73% опрошенных высказываются за подписание договора о свободной торговле, условия которого Евросоюз обсуждает в настоящее время с США. (...) Значительно меньшее

количество респондентов (64%) высказывается за принятие в ЕС новых стран-участниц. (...) 40% опрошенных положительно относятся к возможному переходу Польши на евро, а 48% высказываются против. При этом весной 2013 года сторонников отказа от злотого было всего 29%». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 16 февр.)

- «Принимая во внимание реальную покупательную способность злотого, самая низкая ежемесячная зарплата в нашей стране составляет 738 евро «брутто». Это ненамного меньше, чем в Испании (798 евро), которая по объему экономики занимает четвертое место в «сфере евро». Семь лет назад, перед самым началом кризиса, Польшу и Испанию разделяла самая настоящая пропасть. В то время в Польше минимальная зарплата составляла 462 евро, а в Испании — 755 евро. С тех пор покупательная способность минимальной заработной платы в нашей стране выросла на 55%». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 5 марта)

- «В октябре 2007 г. Польша была второй страной в ЕС по уровню безработицы (8,9%), занимая в соответствующем рейтинге 26 место среди 27 стран Евросоюза. Сегодня мы находимся на 14 месте (8%) — нам удалось подняться к середине списка», — Яцек Ростовский, бывший министр финансов. («Политика», 25 февр. — 3 марта)

- «Органы самоуправления оказывают сегодня около 80% государственных услуг. В частности, они обеспечивают доступ к образованию, здравоохранению, занимаются обслуживанием дорог, социальной политикой, поддерживают рынок труда. Самоуправление отвечает за большинство инвестиций в стране, являясь также главным получателем денежных средств ЕС. На его плечи ложатся и расходы, связанные с такой проблемой, как депопуляция страны, то есть старение поляков. (...) Среди мэров крупных городов большинство составляют выпускники юридических и экономических факультетов, многие — с научной степенью. До того, как занять свои посты, эти люди уже получили важный управленческий опыт. (...) Пока гмина функционирует и получает новые инвестиции, ее жители не настаивают на смене руководства. Это приводит к тому, что власть не меняется, многие руководители занимают свои кресла вот уже четверть века. (...) И если бургомистры, старосты и мэры за эти годы становятся профессионалами и соответствующим образом относятся к своей работе, то с депутатами все обстоит наоборот — их уровень неуклонно снижается. (...) Среди депутатского корпуса наблюдается негативная селекция, престиж у этой работы нулевой, а

прожить на депутатскую зарплату невозможно. Поэтому в депутаты идут либо желающие подработать, либо те, кто долго специализировались в решении сугубо местных вопросов. (...) Некомпетентность депутатов становится причиной многих локальных проблем. Территориальное самоуправление стало почти полной копией польского парламента, поскольку действует на основе принципов партийности». (Анна Виттенберг, «Дзенник газета правна», 6–8 марта)

- «Самоуправление всячески закрывает глаза на проблему уничтожения зеленых насаждений, хотя это и обходится ему в миллионы злотых. К таким выводам в своем последнем отчете пришла Высшая контрольная палата (ВКП). (...) Речь идет о массовой вырубке деревьев в связи с привлечением новых инвестиций. (...) В отчете говорится, что ВКП проверила 201 инвестиционный проект, всего на территориях, предназначенных под инвестиции, находилось 25 377 деревьев, и выяснилось, что чиновники не согласовали вырубку только в 59 таких проектах (0,2%). (...) Расплывчатые законодательные формулировки в сочетании с ангажированностью местных властей приводят к постепенному исчезновению зеленых насаждений в городах», — Томаш Жулцяк. «В соответствии с находящимся на рассмотрении в Сейме правительственным законопроектом о внесении изменений в закон о гминном самоуправлении (...), ставки оплат, начисляемые при вырубке деревьев, могут уменьшиться в одиннадцать раз». («Дзенник газета правна», 10 марта)

- «Нечитабельные тексты, огромное количество ошибок экзаменаторов, отсутствие контроля со стороны Министерства национального образования — так выглядит польская система внешних экзаменов, в чем не оставляет сомнений отчет ВКП. (...) Палата обращает внимание на тот факт, что каждая четвертая работа (чаще всего это касается экзамена на аттестат зрелости и профессионального экзамена), отданная на повторную аттестацию по заявлению учащегося, оказалась проверена из рук вон плохо. Ответственные за ошибки экзаменаторы не понесли никакого наказания, а другие работы, которые они проверяли, так и не были переаттестованы. По мнению ВКП, повторной проверки требуют почти 110 тыс. работ за 2009–2013 годы». («Жечпосполита», 4 марта)

- «Наши профсоюзы выделяются в Европе своей крайней политической ангажированностью, а также острым взаимным соперничеством. Они постоянно выясняют, кто из них главнее и радикальнее, и соображения экономического характера становятся в этом контексте делом десятым. Государство им

должно — и всё тут, а указывать, у кого нужно забрать денег, чтобы отдать их шахтерам или крестьянам — это занятие, недостойное настоящего профсоюзного деятеля. Сегодня, когда не за горами выборы, все это стало видно невооруженным взглядом. Я с ностальгией вспоминаю необыкновенно ответственных профсоюзных активистов «Солидарности», которые повсюду встречались мне в Польше в нестабильную эпоху реформ начала 90-х годов. (...) В сегодняшней структуре нашей экономики странным образом пересеклись два процесса: учредительная приватизация, проводившаяся «снизу» и являющаяся результатом предпринимательской деятельности, и смена видов собственности, организованная государством. Процессы, инициированные «снизу», по своей природе оказались весьма динамичными и в выгодном свете представляли Польшу на фоне остальной Центральной и Восточной Европы. Приватизация же, проводимая государством, а также органами местного самоуправления, происходила разными темпами и часто зависела от политической воли и готовности идти на риск у отдельных министров, привыкших, что пассивность и бездеятельность ненаказуемы, а вот решительность, наоборот, создает проблемы», — Януш Левандовский, председатель Экономического совета при главе кабинета министров. («Польска», 20-22 февр.)

- «Наблюдая за деятельностью профсоюзов, организаций сельхозпроизводителей и т.п., я начинаю опасаться, что им сегодня совершенно безразлично благополучие нашей страны, поскольку они, кажется, используют любую возможность для извлечения собственной выгоды, часто идя при этом вразрез с общими интересами», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр. («Жечпосполита», 3 февр.)

- «Большой оркестр праздничной помощи» собрал в этом году в общей сложности 53,1 млн злотых, сообщил в воскресенье Ежи Овсяк. Это рекордная сумма (несмотря на проводимую право-консервативными и околоцерковными кругами кампанию, направленную на дискредитацию оркестра — В.К.). В прошлом году это было 52,4 млн злотых. В ходе нынешней финальной акции оркестр уже в третий раз собирал средства на опеку над престарелыми пациентами и диагностику заболеваний среди младенцев. В очередной раз собранные средства пойдут на поддержку детской онкологии и кардиологии, и впервые — ревматологии и пульмонологии». («Жечпосполита», 9 марта)

- «В нашей стране далеко не первый год клеймят позором депутатов, голосующих вопреки указаниям Епископата. Газета,

выполняющая функции органа пресс-службы горстки епископов, всякий раз сообщает, кто именно из депутатов голосовал правильно, а кто — неправильно, и призывает избирателей принять эту информацию к сведению на следующих выборах. (...) Убеждение, что католическая Церковь в лице епископов лучше знает, как сделать так, чтобы польское законодательство гарантировало благополучие страны и ее граждан — опасный миф», — о. Людвик Вишневский, доминиканец. («Тыгодник повсехный», 1 марта)

• «Глубокий раскол среди политиков, отсутствие доверия и взаимоуважения между избирателями двух главных политических партий приводят к тому, что управлять страной становится все труднее. Правящие круги не рискуют принимать важные, но при этом неблагоприятные для какой-либо политической группы решения, поскольку иначе они подвергнутся яростным нападкам. Поэтому качество работы государственных институтов находится на довольно низком уровне, при этом никто не собирается его повышать. (...) А времена покоя и стабильности в международных отношениях подходят к концу». (Витольд Гадовский, «Газета wyborcza», 17 февр.)

• «Еще при правительстве Ярослава Качинского был построен «железный занавес» между бизнесом и властью. Главы правительства не встречаются с предпринимателями, что совершенно нехарактерно для западных стран. (...) Общее состояние польской государственности оставляет желать лучшего — это касается судебной системы, внутренней и внешней безопасности. Уровень здравоохранения, пенсионного и социального обеспечения также оставляет желать лучшего. Однако кардинальные реформы в этих областях не проводятся, поскольку государство боится нарушить интересы влиятельных общественных групп, которые начнут протестовать. Довольно серьезной проблемой представляется тот факт, что правительство работает на перспективу, ограниченную всего лишь четырьмя годами. (...) Проблемой является и отсутствие стратегического мышления. Мы живем сегодняшним днем, не задумываясь, что будет через пять, десять или двадцать лет. (...) Если бы горная промышленность была приватизирована, премьер-министра не вызывали бы в экстренном порядке в Силезию, а профсоюзы не могли бы сместить с должности главу биржевой компании. Всё это наглядно демонстрирует, что польская экономика по своей организационной структуре по-прежнему очень архаична», — Анджей Арендарский, один из основателей и президент Всепольской экономической палаты. («Жечпосполита», 19 февр.)

• «По оценкам экспертов, целых 200 млрд злотых из своих ежегодных доходов тратят предприниматели в связи с введением огромного множества новых, неясных для них правил и предписаний. Общее количество страниц, появившихся в Польше в 2014 году новых нормативно-правовых актов достигло 25 тысяч. Чтобы на ходу ориентироваться в изменениях в законодательстве, бизнесменам приходится ежедневно тратить не менее трех с половиной часов на изучение правовых документов. (...) Большие корпорации могут позволить себе отслеживать такой огромный объем законодательных новшеств, но малый и средний бизнес совершенно не в состоянии продираться сквозь эти юридические дебри», — говорит Гжегож Масляк из фирмы «Grand Thornton», подготовившей отчет относительно количества принимаемых в Польше нормативно-правовых актов. («Жечпосполита», 26 февр.)

• «Среди иностранцев, работающих в Польше, первое место занимают украинцы. В прошлом году в официальном реестре было зафиксировано 26 тыс. работающих в нашей стране украинцев, а 373 тыс. работало на основании заявления работодателя о намерении предоставить работу лицу из-за рубежа. (...) Разумеется, в теневом бизнесе таких работников гораздо больше. (...) По данным пограничной службы и инспекции труда, в прошлом году 82% украинцев, получивших подтверждения о приеме на работу, пересекли границу, однако лишь 54% стали работать в официально указанных фирмах и организациях. (...) Многие украинцы уже в Польше узнают, что не получают обещанной почасовой оплаты. Несмотря на это, некоторые соглашаются работать на новых условиях. «Украинцы будут соглашаться на эксплуатацию их труда, ибо такова политическая и экономическая ситуация на Украине», — комментирует посол Украины в Польше Сергей Меньяло. (Патриция Мациевич, Агнешка Филипяк, «Газета wyborcza», 20 февр.)

• «В прошлом году самой большой категорией лиц, которые пытались попасть в Польшу на основании фальшивых документов, были украинцы (почти 1,5 тыс.). Гораздо меньший процент составляли белорусы (136 человек). (...) 95% фальшивок пришлось на польские въездные визы». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 18 февр.)

• «Появилась новая тенденция — всё больше украинцев, находящихся в Польше, не планирует ехать дальше на Запад, равно как и возвращаться домой. Согласно последнему отчету, подготовленному агентством по трудоустройству «Otto Polska»,

76% работников из Украины подумывают о том, чтобы остаться жить в Польше. 39% заявляют, что уже твердо решили выбрать Польшу своим постоянным местом жительства». («Жечпосполита», 6 марта)

• «Президент Бронислав Коморовский совместно с главами Грузии, Литвы, Молдавии, Германии, Словакии и Украины, а также председателем Европейского совета Дональдом Туском, принял вчера участие в Марше Достоинства, состоявшемся на улицах Киева. Некоторые манифестанты выкрикивали: «Дайте нам оружие!». (...) «Мы не станем делать заявлений о том, что Украине не следует поставлять оружие», — прокомментировал ситуацию президент Коморовский. (Михал Потоцкий, «Дзенник газета правна», 23 февр.)

• «“Я отправляюсь в Киев, чтобы в эту трудную минуту выразить солидарность с украинским народом”, — написал Дональд Туск в своем твиттере перед вылетом из Брюсселя. (...) В Брюсселе никто всерьез не обсуждает вопрос принятия Украины в ЕС. А если бы такая дискуссия и имела место, то решающее слово в ней принадлежало бы не Туску», — говорит Камилл Гранд, директор парижского Фонда стратегических исследований». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 23 февр.)

• «Атрофия чувства солидарности, случившаяся с нашими гражданами, поистине поразительна. (...) Недавние протесты сельхозпроизводителей, блокировавших дороги своими живописными тракторами, вызваны, по словам лидеров протестующих, недовольством помощью, которую правительство оказывает борющейся Украине. Против такой помощи, выражающейся, в частности, в предоставлении стипендий украинским студентам, высказываются также некоторые польские студенты, то есть наша, выросшая в свободной Польше молодежь». (Агнешка Холланд, «Политика», 25 февр. — 3 марта)

• «На прошлой неделе с секретной торговой миссией в Киеве побывали руководители ключевых фирм, входящих в «Польскую оборонную группу». (...) «На Украину не распространяются международные запреты и эмбарго относительно экспорта вооружения», — комментирует заместитель министра национальной обороны Чеслав Мрочек». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 23 февр.)

• «Польша отправит на Украину своих инструкторов, которые помогут в обучении украинских военных, заявил в среду в эфире радио RMF FM советник министра обороны, генерал Богуслав Пацек. (...) Генерал Пацек руководит программой НАТО

«DEEP» («Defence Education Enhancement Program») на Украине. Альянс уже организовал на Украине несколько десятков встреч, в которых приняло участие ок. 900 украинских командиров, а также 122 эксперта из стран, входящих в НАТО». («Жечпосполита», 26 февр.)

• «В четверг в Варшаву прибыл генерал Игорь Толок, директор Департамента военного образования и науки Министерства обороны Украины, чтобы обсудить оказываемую Польшей помощь в реформировании системы обучения украинских офицеров. «Переговоры продлятся до субботы», — рассказал представитель министерства обороны, генерал Богуслав Пацек». (Кшиштоф Марчук, «Польска», 27 февр. — 1 марта)

• «Мне известно, что в ходе закулисных бесед польские дипломаты недвусмысленно намекают официальному Киеву, что Украина гораздо привлекательнее без Донбасса. С этим можно было бы согласиться, если бы была гарантия, что дело ограничится одним Донбассом. (...) К сожалению, главная проблема в том, что такой гарантии сейчас нет», — Адриан Каратницкий. («Газета wyborcza», 14-15 февр.)

• «Ряд европейских политиков, среди которых был Влодзимеж Цимошевич, основали Агентство модернизации Украины. Его целью является разработка программы реформ для официального Киева. Деятельность агентства будут финансировать украинские олигархи». («Газета wyborcza», 4 марта)

• «Безопасность Польши во многом зависит от суверенности Украины. Если Украине удастся сохранить суверенитет, Польша будет в безопасности. Если же не удастся — у нас будут проблемы. Поэтому мы должны делать всё, чтобы помочь киевским властям, и помочь не только в военном смысле. Польша уже поддержала подготовку к реформам украинского самоуправления, помогает и при разработке методик борьбы с коррупцией. Оказывает помощь малому и среднему бизнесу — как финансовую, так и связанную с организацией финансирования. Мы в долгу перед Украиной, кроме того, это просто лежит в наших собственных интересах», — Богдан Клих, бывший министр национальной обороны. («Жечпосполита», 13 февр.)

• «Сфера действия введенного с августа 2014 г. российского эмбарго на европейские и, следовательно, польские молочные товары оказалась расширена. Вчера российская сторона проинформировала о введении запрета на ввоз сырных и сыроподобных продуктов из Польши. (...) По предварительным

данном Министерстве сельского хозяйства, в 2014 году, несмотря на потерю российского рынка, экспорт наших молочных продуктов вырос на 11%, достигнув почти 1,8 млрд евро». (Беата Древновская, «Жечпосполита», 24 февр.)

- «Городской совет Варшавы изменил принятое им в 2011 г. решение, согласно которому памятник польско-советскому боевому братству должен был вернуться на свое место по завершению строительства новой ветки метро. (...) Хотя постановление об отмене данного решения готовила фракция «Гражданской платформы», располагающая большинством в совете, его поддержала также оппозиционная фракция «Права и справедливости». (...) Совет по охране памяти борьбы и мученичества, который в 2011 г. позитивно воспринял идею по размещению памятника боевому братству, изменил свою точку зрения еще в 2013 году». (Павел Маевский, «Жечпосполита», 27 февр.)

- «Настоящий крах коммунизма в Польше наступит в тот день, когда людям перестанет мешать памятник «спящей четверки» (так жители Варшавы называли памятник польско-советскому боевому братству, установленный в ноябре 1945 г. — В.К.) в варшавском районе Прага, то есть когда этот памятник станет нам безразличен и не будет влиять на наше отношение к действительности», — профессор Мартин Куля. («Нове ксёнжки», 2/2015)

- «Российский МИД обвинил Польшу в осквернении мест захоронения красноармейцев. На интернет-портале министерства появился комментарий, в котором полякам ставится в вину “издевательство над памятью о людях, которые отдали жизнь за свободу и независимость польского народа”». (Петр Фалковский, «Наш дзенник», 3 марта)

- «Маршал Сената должен был возглавлять польскую делегацию на проходивших сегодня похоронах Бориса Немцова (...). Когда же российская сторона не согласилась на приезд Богдана Борусевича, вылет польской делегации был отменен. Польский МИД выступил с нотой протеста. Как сообщил пресс-секретарь МИДа Мартин Войцеховский, запрет Богдану Борусевичу на въезд в Россию является ответом российских властей на санкции ЕС, под действие которых подпадает председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. Это подтвердила пресс-секретарь посольства Российской Федерации в Польше Валерия Пержинская. (...) Президент Бронислав Коморовский следующим образом прокомментировал запрет на въезд в Россию для Богдана Борусевича: “Нам совершенно непонятно это решение, поскольку маршал Богдан Борусевич должен был

представлять польское государство еще и потому, что он своего рода икона польской демократии, солидарности и борьбы за свободу, человек, привыкший уважать противоположные взгляды и другие нации. Он был бы идеальным представителем Польши на похоронах российского оппозиционера”». («Газета wyborча», 3 марта)

- «Запущена польская версия международного информационного сервиса «Спутник» — рупора российской пропаганды. Портал принадлежит контролируемому Кремлем медиа-концерну «Россия сегодня», который был создан в 2013 г. президентом Владимиром Путиным. (...) Это уже второе пророссийское СМИ, транслируемое для поляков. На волнах радио «Хобби», у которого имеется концессия Национального совета по телерадиовещанию (НСТ), вещает радио «Спутник». НСТ обязан контролировать содержание программ, однако за все два года этого сделано не было». (Изабела Кацпшак, Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 24 февр.)

- «Скандал, связанный с выпуском ежедневных программ радио «Спутник», по которым транслируется исключительно точка зрения официальной Москвы и, как следствие, необъективная информация, даже вызвал реакцию польских правительственных кругов. «Это медиа-атака российской пропаганды, напрямую финансируемая из российского бюджета», — заявил министр иностранных дел Гжегож Схетына». (Томаш Скłodовский, «Польска», 27 февр. — 1 марта)

- «Несколько недель назад Россия открыла польский фронт на «гибридной войне», которую она ведет против ЕС и НАТО. В интернете появились страницы «Виленской народной республики» и «Львовской народной республики» — виртуальных карликовых государств, которые должны появиться на территориях Литвы и Украины. Страницы анонимны, созданы по одинаковой схеме, написаны на правильном польском языке. (...) Совершенно очевидно, что идея принадлежит россиянам, а ее реализация оплачивается российскими деньгами, поскольку аналогии с Донецкой и Луганской «республиками» напрашиваются сами собой. (...) Польское реваншистское движение само по себе развито довольно слабо, но всё может измениться. (...) Во время прошлогоднего Марша независимости в Варшаве один из его организаторов выкрикивал: «Патриот, забывший о Вильно и Львове — плохой патриот!». Толпа в ответ скандировала: «Львов и Вильно — помним!». (Мирослав Чех, «Газета wyborча», 14-15 февр.)

• «У Союза демократических левых сил появились достойные преемники. (...) I Национальная ассамблея «Перемены» состоялась в здании Союза польских учителей в Варшаве. (...) Матеуш Пискорский, бывший депутат от партии «Самооборона Республики Польша», а ныне глава «Перемен» (вице-президентом нового движения стал Конрад Ренкас, также бывший член «Самообороны»), лично пригласил на съезд Александра Кофмана, самозванного министра иностранных дел Донецкой народной республики. (...) Он также добавил, что ассамблею почтила своим присутствием представитель российского посольства. (...) Деятельность пророссийского лобби перенеслась из виртуального пространства в реальность. Журналисту «Газеты wyborczej» Самуэлю Перейре пророссийско настроенные вандалы изуродовали дверь квартиры, написав на ней краской: «Привет от Стрелкова, натовская б...дь». (...) Давиду Вильдштейну неизвестные злоумышленники соорудили могилу на одном из варшавских кладбищ. (...) Смертью грозили и журналистке польского ТВ «Република» и украинской «Эспресо ТВ» Бианке Залевской. (...) Малгожата Госевская, занимающаяся гуманитарной помощью для Украины, получила угрозы по электронной почте и телефону. (...) Мартин Рей, публицист и переводчик, который без обиняков писал о том, как связаны между собой польские сторонники РФ, начал получать угрозы как в свой адрес, так и в адрес своей семьи». (Якуб Ковальский, «Жечпосполита», 7-8 марта)

• «Я боюсь путинской России. Особенно с тех пор, как Путин и его генералы начали хвастаться, что они в считанные часы могут занять Варшаву. (...) В 1939 году достаточно было частям вермахта 9 сентября появиться под Варшавой, как тремя днями позже в Аббервилле состоялся Высший англо-французский военный совет с участием премьеров этих двух стран, на котором было принято решение о «прекращении интенсивных военных действий, поскольку таковые не могут повлиять на ход событий в Польше». (...) Несколько лет мы пассивно наблюдали за тем, как Россия тратит на вооружение сотни миллиардов долларов. В результате сегодня в военном отношении мы выглядим рядом с путинской Россией как карлики, и это еще без учета российского ядерного арсенала. Поэтому все пропутинские заявления в сегодняшней Польше, находящейся под явной угрозой, противоречат нашим государственным интересам и служат моральному разоружению поляков, только увеличивая наше бессилие». (Януш Ролицкий, «Газета wyborcza», 5 марта)

- «Ни одна страна, входящая в НАТО, не находится под угрозой. Заявления о том, что российские танки вот-вот въедут в Варшаву — это полная ерунда. (...) Я могу повторить: ни одна страна, состоящая в НАТО, не станет объектом нападения», — Лешек Миллер, председатель Союза демократических левых сил. («Ньюсуик Польша», 9-15 марта)

- «Если российская агрессия будет продолжаться, никто не сможет предвидеть возможного неконтролируемого развития событий. У каждой из двух мировых войн была своя опасная прелюдия», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр. («Польша», 6-8 марта)

- «Не исключено, что в этом году на учениях в Польше будут находиться в общей сложности около 10 тыс. военнослужащих НАТО. В течение целого года у нас будут также присутствовать военные из Канады, а также американцы». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 23 февр.)

- «Польша обратилась к властям США с просьбой согласовать закупку крылатых ракет дальнего действия «Томагавк», подтвердила пресс-секретарь правительства Польши Малгожата Кидава-Блонская. (...) Шестиметровая ракета трудна для обнаружения, поскольку на пути к цели способна маневрировать на небольшой высоте, огибая при этом рельеф местности. «Томагавк» может переносить боеголовки весом до 500 кг». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 13 марта)

- «Информация о грядущем приобретении Польшей ракет «Томагавк» вызвала соответствующую реакцию в Москве. Леонид Иванов, бывший глава департамента международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ, в интервью агентству «РИА-Новости» назвал это откровенно антироссийским жестом, пообещав, что Россия даст на него адекватный ответ». (Павел Вронский, «Газета выборча», 13 марта)

- «Открывая конференцию «Достоинство, права и свободы человека в христианском контексте», организованную Международным фондом единства православных народов, профессор Валерий Алексеев в своем реферате сформулировал несколько тезисов. Вот некоторые из них. (...) В мире появилась концепция «большой силы» (как заставить другого захотеть того, чего хочешь ты), а «бархатные/цветные» революции» стали орудием борьбы с традиционными культурами и системами. (...) Либеральная модель развития способна мутировать в тоталитарную демократию и даже в колониализм с его идеей сверхчеловека. (...) Опасной авантюрой

назвал оратор распространенное на Западе отношение к России. (...) Разговоры о «красной угрозе» вроде бы стихли, а неприязнь осталась. (...) Для Америки важно, чтобы противостояние между Западной Европой и Россией не прекращалось, и важнейшим инструментом такой политики стал конфликт на Украине». («Пшеглэнд православный», март 2015)

• «8 февраля в Брюсселе состоялась литургическая инаугурация первого зарубежного православного прихода из Польши. (...) Под ходатайством о создании польского православного прихода в Брюсселе, поданном митрополиту Варшавскому Савве, подписалось почти шестьсот взрослых прихожан». (Ян Макаль, «Пшеглэнд православный», март 2005)

• «Объявление о начале польско-японского стратегического партнерства — главная цель визита президента Бронислава Коморовского в Токио. (...) Президент намерен затронуть и тему сотрудничества Японии с НАТО, а также вопросы «проведения политики, способствующей остановке российской агрессии против Украины» и поддержки украинских внутренних реформ». («Газета wyborcza», 26 февр.)

• «Тем не менее, визит в первую очередь носит экономический характер. Бронислав Коморовский взял с собой в Японию представителей полусотни польских фирм». («Жечпосполита», 2 марта)

• «В этом году история XXI века разделится на периоды «до и после» Третьей мировой войны, либо на «до и после» марта 2014 года, если нам удастся этой войны избежать», — Юрий Фельштинский. («Газета wyborcza», 28 февр. — 1 марта)

• «Я часто встречаю бродящих по моему району несчастных со всего мира. Их отличительные черты: карта Варшавы в одной руке и распечатанный из интернета план еврейского гетто — в другой. (...) Чаще всего они разыскивают «бункер на улице Мила» и «скульптуру Рапопорта», в последнее время к этому списку добавился еще и «музей». (...) Обычно я провожу их к этому бункеру прямой дорогой, но если на пути попадают дорожные работы, то меняю маршрут. (...) Ведь здесь достаточно чуть копнуть, как из земли появляются кости. (...) Мы идем (...), как вдруг они останавливаются и заглядывают в выкопанную рабочими яму. (...) Потом поворачиваются ко мне и спрашивают: «Human bodies?». (...) Я грустно киваю головой. (...) Они оба стоят, слезы текут у них из глаз, а я совершенно не знаю, что мне делать. (...) Знали бы они, что я вот уже десять лет собираю выступающие из земли кости и ищу им достойное место. (...) Я выходил из дома среди ночи и собирал их в

пластиковые пакеты. Сначала я носил найденные кости на еврейское кладбище, чтобы тихонько похоронить их у самой стены...». (Миколай Гринберг, «Газета выборча», 21–22 февр.)

• «“Пойми, по всей России полно таких мест, где лежат чьи-то неопознанные кости. И никому они не нужны. Другое дело, если речь идет о Таллине или Варшаве... Тебе этого не понять”. “Почему?” “Был такой фильм о ваших археологах. Они откапывают где-нибудь в лесу останки польских солдат. Потом маленькими кисточками, похожими на те, которыми кладут пудру на лицо, очищают каждую косточку. Видел?” “Видел. И что?” “Ты даже не представляешь, как много меняет такая маленькая кисточка”». (Павел Решка, «Тыгодник повшехный», 22 февр.)

• «Во время бомбардировок Сараево одна девочка попала в психиатрическую лечебницу. «Чего ты больше всего боишься?», — спросили ее врачи. «Людей», — ответила девочка», — Дубравка Угрешич. («Газета выборча», 21–22 февр.)

• «Что делать, если нам нужно выйти на улицу, а там столбом стоит пыль? (...) Существуют разные типы масок. Наиболее распространены одноразовые маски, которые можно купить в любом строительном магазине. Впрочем, в продаже можно найти соответствующее оборудование для пешеходов, велосипедистов или любителей мотоспорта. (...) Самые лучшие маски могут задерживать до 99% пыли. Цены на маски колеблются от 90 до 200 злотых и выше, но к этой сумме нужно еще прибавить стоимость фильтра, необходимого для нормального функционирования маски. Десять пар фильтров обойдется в 110 злотых, при этом каждый фильтр можно использовать не дольше двух недель. (...) В минувшем отопительном сезоне, с ноября по конец марта, краковские пожарные службы проверили 1 795 домовладений. В 189 случаях хозяева были уличены в сжигании отходов. (...) Тем не менее, большая часть загрязнений происходит от вполне легально сжигаемого угля». (Матеуш Кокошкевич, «Газета выборча», 20 февр.)

• «Воздух в Польше считается одним из самых загрязненных в ЕС. Самым распространенным фактором загрязнения атмосферы в Польше являются разновидности пыли из группы PM₁₀ (их частицы имеют в диаметре менее 10 микрометров, что составляет одну сотую миллиметра). Домовые печи выбрасывают в атмосферу более половины от общего количества такой пыли, автомобили же выделяют всего 10% той же субстанции. В свою очередь, загрязнение воздуха бенз(а)пиреном в Польше в 2011 г. в пять раз превысило

допускаемый Евросоюзом минимум. 75% бенз(а)пирена являются продуктом сгорания угля в домашних печах, 11% содержатся в отходах промышленного производства и еще 6% — в выхлопах автотранспорта». (По материалам «Газеты выборчей» от 16 февр.)

• «Более 200 тыс. польских домашних хозяйств смогут начать вкладывать деньги в «зеленую энергию». (...) Сеймом были одобрены условия, выгодные для просументов, то есть тех, кто занимается выработкой электроэнергии для собственного пользования, а излишки энергии продает, направляя их в общую сеть. (...) Каждый установивший у себя соответствующее мини-оборудование, получит гарантию, что производимый им ток будет покупаться у него по стабильной цене в течение 15 лет. (...) «До сих пор мелкие производители подвергались дискриминации, поскольку могли продавать производимую ими энергию только за 80% от цены «нетто». Решение Сейма позволит малому оборудованию стать в Польше самокупаемым и широко популярным», — говорит Илона Ендрасик из фонда «ClientEarth». (Анна Кшижановская, «Дзенник газета правна», 23 февр.)

• «Просументы, то есть потребители продукции, производящейся для собственных нужд! (...) Теперь вы можете поблагодарить государство, крупные концерны и отравителей нашего воздуха за производство загрязняющей энергии, отказаться от их услуг и начать вырабатывать собственную энергию для себя же. Поляки, ставьте на крышах ваших домов фотовольтные солнечные панели, а на садовых участках — маленькие ветряки! (...) А для начала одобренный парламентом закон о восстанавливаемых источниках энергии должен из нормы права превратиться в повсеместную практику. Пока же в законодательстве отсутствуют четкие правила и прозрачные условия получения дотаций», — Петр Жук. («Пшеглэнд», 2-8 марта)

• «Прогноз погоды для Польши. Средняя температура: 1971-78 гг. — 7,4°C, 2001-10 — 8,2°C, 2011-20 — 8,6°C, 2041-50 — 9,3°C, 2061-70 — 10,1°C, 2071-90 — 10,6°C. Источник: Klimakada.Mos.Gov.pl». («Газета выборча», 18 февр.)

• «Во всем мире существуют особо охраняемые природные объекты, так называемые «строгие природные резерваты» категории I-а, согласно классификации Международного союза охраны природы (МСОП). На территории Украины находится 19 заповедников этой категории. По такому же принципу там сформированы сферы особой охраны на территориях 38 национальных парков и 4 биосферных заповедников, а также

многочисленных ландшафтных парков. (...) А чем может похвастаться Польша? Перспектива создания отдельных, строго охраняемых территорий (то есть аналога украинских заповедников) была сознательно вычеркнута из польского закона об охране природы. Само понятие строгой охраны, которая как бы существует на соответствующих территориях национальных парков, в польском законодательстве отсутствует, и под ней можно понимать всё, что угодно. На практике это приводит к своего рода «оккупации» национальных парков туристами. (...) Мне раньше и в голову не приходило, какую угрозу представляет для наших неприкосновенных природных богатств развитие туристического бизнеса в польских национальных парках», — Иван Парникоза, институт молекулярной биологии и генетики Национальной академии наук Украины. («Дзике жиче», февр.2015)

• «Министерство окружающей среды решило сократить в 2015–16 гг. период весенней охраны кабанов, а для Подлясского воеводства и вовсе этот период отменить. Это означает, что уже сегодня там можно убивать беременных свиноматок, а также кабанов с поросятами. (...) Экологи протестуют. «Обрывать поросят, оставшихся без матери, на голодную смерть — это неслыханная жестокость», — бьет тревогу Цезарий Вышинский из фонда “Viva! Акция для животных”». (Виктор Ферефецкий, «Жечпосполита», 18 февр.)

• «По данным Главного управления статистики, с 2000 по 2012 гг. популяция кабанов в Польше выросла со 118 до 255 тыс., то есть почти в два раза. (...) За охотничий сезон 2011/2012 по всей стране было отстрелено 177 247 кабанов, а за сезон 2013/2014 — уже 300 тысяч». («Пшеглэнд», 9–15 марта)

• «17 лет назад волки подпали под видовую охрану, и сегодня в Польше их насчитывается почти тысяча особей, живущих примерно в 160 стаях. С учетом доступных приютов для животных, их могло бы быть намного больше. И так удивительно, что волкам удалось пережить XX век — до середины 70-х к ним относились как к вредным и опасным животным, и потому немилосердно истребляли». (Анна Мазюк, «Политика», 4–10 февр.)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Польский фильм «Ида» режиссера Павла Павликовского, блистательного мастера документального кино, награжден «Оскаром» за лучший неанглоязычный фильм 2014 года, опередив, в частности, русского «Левиафана». Этот первый «Оскар» польской кинематографии оказался в стране тотальным потрясением: уже сама номинация вызывала изумление, хотя ей и предшествовало присуждение фильму множества престижных премий по всему миру. Будет кстати напомнить, что приблизительно в то же самое время на Берлинском кинофестивале «Серебряным Медведем» был отмечен фильм Малгожаты Шумовской «Тело / Body», и это кажется свидетельством неплохой кондиции польского кинематографа, вызывая в памяти громкие успехи «польской школы» 60-х годов.

Но интереснее, пожалуй, споры, которые вызвала в Польше премия «Иды». Лидер партии «Право и справедливость» Ярослав Качинский довольно дипломатично заявил, что, как поляк, он, разумеется, радуется премии, однако был бы еще более доволен, «если бы американская академия премировала фильм, который поддержал бы польскую «историческую политику», — например, картину о ротмистре Витольде Пилецком, который специально пошел в Освенцим, чтобы после бесстрашного побега из лагеря сообщить миру о творящихся там преступлениях, а после войны был убит коммунистами. Этот документально-художественный фильм под названием «Пилецкий» был поставлен на средства от общенародной подписки Мирославом Кшишковским и является примером кино, направленного на реконструкцию тех сюжетов польской истории XX века, которые ранее замалчивались или подвергались фальсификации. О необходимости такого рода искусства говорит Пшемислав Дакович в интервью, озаглавленном «Мы не рассказываем себе о самих себе», опубликованном в выходящем раз в два месяца журнале «Аркана» (№ 1/2015). П. Дакович — литературовед и небезынтересный поэт, имеющий в своем творческом багаже книгу «Теория польского стиха», поэтические произведения которой обращены к авиакатастрофе под Смоленском. Дакович пишет: «Надо снимать фильмы о польской истории.

Совершенно непонятно, почему до сих пор не созданы фильмы о «Sonderaktion Krakau», об обороне Варшавы в сентябре 1939 года, об обороне Львова, Гродно. А депортации, Сибирь, гибель польских Кресов? А ликвидация интеллектуальной элиты — например, казнь львовских профессоров? И ни одной картины о так называемой репатриации, о ликвидации, вычеркивании, сокращении в 1944–1945 годах половины прежней Речи Посполитой? Чик-чик, — щелкают ножницы Сталина, а мы по-прежнему делаем вид, что нас это не касается, что сейчас уже только благополучная Европа, светлое будущее и «*finis historiae*». И не надо даже особенно напрягаться при написании сценария: человеческие судьбы, наши собственные судьбы — это готовый материал для фильма. А мы себе о самих себе не рассказываем. Мы по уши увязли в польской афазии».

Афазия бывает разной, в том числе и такой, при которой деформируется исторический нарратив, превращаясь в не терпящий возражений монолог. На это указывает профессор Мартин Куля в интервью ежемесячнику «Новые книги» (№ 2/2015). Интервью озаглавлено «Что фальшь, а что правда в истории?»: «В истории мы имеем дело со своеобразными волнами. После периода, когда главенствовало убеждение, что должна существовать супернаучная история и научные исследования, благодаря которым мы сравним несколько документов и установим «истину», возникла другая тенденция в этой области, опирающаяся на убеждение, что история, по сути дела, — это «повесть». Возникает вопрос, где же тогда граница вымысла, в том числе литературного, и до какой степени эта повесть отвечает историческому знанию. Сейчас снова можно заметить очередную волну, утверждающую бóльшую специализацию и укоренение в архиве. Однако у меня возникает внутренний протест, когда я читаю: «научная история утверждает, что...» или «научные исследования подтверждают, что...» Я полагаю, что мы быстрее придем к согласию, что является в истории фальшью, чем о том, что является правдой. Если я заявлю, что Грюнвальдской битвы не было, вы мне резонно ответите, что это неправда. Но если мы начнем об этой битве детально говорить, то ваш и мой взгляд не должен быть непременно одинаковым. И никто не скажет, что с помощью архивной работы разницу в наших взглядах удалось бы устранить. Вы также спросили об «исторической политике». Что ж, политик пользуется разными инструментами, в том числе иногда обращается к «исторической политике». Это его дело. Пусть себе борется за все, что хочет задним числом усмотреть или пересмотреть в истории. Но ко мне, как к историку, попрошу с этим не обращаться».

Я, однако же, опасаясь, что это просьба напрасная и что историки, подобно артистам, будут так или иначе, особенно «патриотично» настроенными политиками, призываться на политическую службу, что, впрочем, уже многократно практиковалось. Именно так полагает бывший министр культуры в правительстве Ярослава Качинского Казимеж Михал Уяздовский. В интервью для еженедельника «В сети» (№ 10/2015), озаглавленном «Правительством руководят СМИ», он говорит: «Под правлением «Гражданской платформы» Польша не проводит систематичной исторической политики. А она имеет смысл, прежде всего, тогда, когда непрерывна. (...) Несколько лет назад на трех языках был издан сборник документов, которые однозначно свидетельствуют, что лондонское польское правительство и Польское подпольное государство наиболее последовательно и решительно боролись с Холокостом. Они не только сообщали информацию западному миру, но и вводили санкции за сотрудничество с Германией, в том числе карательные, причем очень жесткие. На фоне других оккупированных стран мы выглядим неплохо, даже лучше всех. И этот сборник документов должен быть в каждом посольстве. (...) Яна Карского [курьера, который сообщил союзникам о немецких преступлениях] необходимо показывать во всей полноте его миссии. А те документы, о которых я говорю, должны интенсивно пропагандироваться, наши дипломаты должны их вручать коллегам при любой возможности, ибо это материал, который закрывает рты».

И хотя профессор М. Куля предостерегает, что не стоит верить во всеилые архивы и хранящихся в них документов, все же нельзя отказаться от возможности закрыть рты тем, кто не верит, что эти документы о чем-либо «однозначно свидетельствуют». Интерпретация документов — и об этом знает каждый, кто этим профессионально занимался, — это все же нечто большее, чем их чтение. Еще хуже обстоит дело (и может, несколько политиков это сумеют понять) с восприятием художественных произведений, по самой своей природе многозначных. Об этом пишет Давид Карпюк на страницах «Newsweek Польша» (№ 10/2015) в статье «„Оскар” из Мокотова»: «„Ида” — это также история о том, как найти самого себя, и о цене, которую за это приходится заплатить. Две героини: девушка, готовящая стать монахиней, и надломленная жизнью сталинский прокурор. Младшая, Ида, узнает, что она еврейка и ее родителей убили во время войны. Павликовский пробует понять обеих героинь, так же, как пробовал понять героев своих документальных лент. „Ожесточенных националистов, которые смотрят на историю как на меч, задевает то, что в дурном свете показаны поляки, —

говорил Павликовский в беседе с «Newsweek». — А некоторым особо чувствительным евреям в Штатах не понравилось, что моя героиня была когда-то сталинским прокурором и у нее руки в крови. А еще больше их тревожил факт, что Ида, в жилах которой еврейская кровь, возвращается в монастырь. Я всегда хотел создавать сложные, парадоксальные характеры. Такие, которые знаю из жизни и которые люблю в кино»».

Правда искусства, как и правда жизни, не рифмуется, однако, с правдой идеологии, в особенности национальной идеологии, в которой «нашим» всегда предписывается добро и в которой никакие сложности и парадоксы не предусмотрены, то есть ситуация выбора, который приходится делать, имеет два знака: ноль и единицу. Можно, конечно, обоснованно допустить, что все те, кто громко заявляет о своей национальной принадлежности, имеют некие проблемы с собственной идентичностью. В таких случаях всегда поможет небольшая дистанция. Об этом пишет Здислав Петрасик в «Политике» (№ 9/2015) в статье с каламбурно звучащим названием «„Оскар” идет „Иде”»: «Может быть, благодаря годам, проведенным за пределами Польши, режиссер сумел взглянуть на запутанные польские судьбы издали, а кроме того, вписал их в хорошо известные нарративные структуры. Ведь «Иду» можно воспринимать и как обращение к гамлетовскому вопросу о том, как жить в мире, искалеченном злом, и как «мистическое кино дороги» или как повествование о поиске собственной идентичности юной девушкой, которая неожиданно открывает, кто она и кем может быть. Трудно, однако, было удовлетворить всех, особенно в Польше. Нашлись многие, для кого целостный образ заслонен пресловутым «оправданием сталинской преступницы» (которую в фильме играет Агата Кулеша) и «обвинением поляков в соучастии в уничтожении евреев». Историческую сторону фильма начали, однако, замечать только после его первых значительных зарубежных успехов. Фонд «Редут доброго имени» (...) требовал, чтобы начало фильма было снабжено информацией, что за Холокост ответственны немцы, а Польша была оккупирована Германией. Под петицией «Редута» уже подписались 50 тыс. человек. В то же самое время посыпались упреки с противоположного фланга — в укреплении стереотипа «еврейского коммунизма».

Можно обоснованно подозревать, что авторы этих инициатив фильма не видели и опирались на информацию из чужих уст, что, впрочем, типично для такого рода протестов. Но в целом в период, предшествовавший успеху фильма за границей, у него не было в Польше многочисленного зрителя. Яцек Жаковский в опубликованном в «Газете wyborczej» (№ 50/2015) фельетоне

«Как мы проглядели „Иду”» пишет: «Коллеги писали, что это фильм о Холокосте. Поэтому я не пошел на „Иду”. Потому что не верю, что современное кино может к этой теме что-то добавить. (...) „Ида” — это не тот фильм, о котором я читал в газетах. И это не очередной фильм собственно о Холокосте или терроре времен ПНР. Или о поляках, евреях, католиках, коммунистах, наших отношениях и винах. Если бы было так, то „Ида” не получила бы столько замечательных премий. Эти вопросы могут еще вызывать эмоции у местных стражей национальных правд и добродетелей, но, кроме как такую публику, они уже людей не электризуют. Это не то чтобы хорошо, правильно или справедливо, — просто так устроен мир. Сформированная экранизациями романов Сенкевича традиция дидактичного исторического кино, которая отождествляет фильм с учебником истории, мизансцену с фактом, а фабулу с содержанием, соединившись с нашими историческими маниями, привела к тому, что для поляков „Ида” стала лишь более или менее правдивым рассказом о прошлом. Чем-то вроде рассчитанного на сочувствие стандарта „эмпатического” репортажа субботних газетных приложений. Столь банальная „Ида” не заслуживает не только „Оскара”, но даже телевизионного показа в прайм-тайм. (...) Ее сила — это смысл, а не содержание. Тишина как ключ к человеческому опыту, в котором самое важное, наиболее травматическое, болезненное и значительное никак невозможно ни высказать, ни рассказать. (...) Павликовский захватил зрителя и жюри кинофестивалей во многих странах, ибо сумел эту фундаментальную экзистенциальную драму поведать так, чтобы она стала понятной людям, принадлежащим разным культурам. Однако — увы! — не для нас. Мы остались на уровне того, что можно увидеть и пощупать, а в особенности того, чем можно кого-то пристукнуть или получить по голове».

ПОЛЬСКИЙ КАПИТАЛ ШАГАЕТ ПО МИРУ

На протяжении многих лет успех польской экономики измерялся масштабом притока инвестиций из-за границы. Теперь он измеряется размерами инвестиций наших фирм за рубежами Польши.

Крупнейший на данный момент размер инвестиций польской фирмы за рубежом составляет 2,8 млрд долларов. За такую сумму в 2012 г. Горно-Металлургический комбинат «Польская медь СА» приобрел канадскую фирму «Quadra FNX Mining».

— В Польше реакция на эту новость была типично польская: «вот, купили хлам», «за эти деньги можно было три моста построить», — горько сетовал директор комбината Херберт Вирт, рассказывая об этом на проходивших на прошлой неделе дебатах, организованных изданием «Newsweek» и посвященных зарубежным инвестициям польских фирм.

Канадская фирма была владельцем богатых месторождений, в частности, в Чили. Благодаря упомянутой выше сделке наш комбинат пополнил узкий круг тех фирм, которые занимают первые места среди производителей сырья, оказался на четвертом месте как владелец месторождений меди и на восьмом — как ее производитель. Еще в июле 2014 г. в чилийском поселке Сьерра-Горда начала действовать построенная с нуля медная шахта. Вместе с японским концерном Сумитомо наш комбинат инвестировал в нее более 4 млрд долларов. В течение более 20 лет чилийская шахта будет ежегодно давать свыше 220 тысяч тонн меди — это почти треть того, что на сегодняшний день производит комбинат на основе залежей польских месторождений.

— В Сьерра-Горда добыча одной тонны меди стоит 2,5 тысячи долларов, в то время как в Польше это стоит более 4 тысяч долларов, — сказал президент компании Вирт. — Более дешевые залежи за рубежом дают нам возможность передохнуть, чтобы разработать более инновационные и производительные методы добычи.

Так почему же тогда эту инвестицию вначале критиковали? — За несколько лет до этого нами была осуществлена неудачная,

хотя и небольшая, транзакция в Конго. Многие также помнят инвестицию фирмы «Орлен» в литовском городе Мажейкяй. Может быть, поэтому? — размышляет Вирт.

— Наше присутствие на зарубежных рынках объясняется просто — нам это необходимо. Продажа через Интернет изменила правила игры в нашей отрасли, — поясняет Анджей Пшибыло, возглавляющий вроцлавскую фирму «AB SA», которая является одним из крупнейших дистрибуторов электронного оборудования. В 2007 году эта фирма приобрела «AT Computers Holding», дистрибутора электроники в Чехии и Словакии. — Когда мы приобретали чешскую фирму, она занимала третье место на рынке. Сегодня она на нем абсолютно доминирует, — сказал А. Пшибыло.

Креативные поляки

В 2013 г. общая сумма прямых зарубежных инвестиций превысила в Польше 160 млрд евро (по данным Польского агентства информации и зарубежных инвестиций). В свою очередь, — согласно данным Национального банка Польши, — отечественные предприятия инвестировали за рубежом уже более 50 млрд долларов.

— Польские фирмы много инвестируют за рубежом, но мы не используем этого потенциала, — сказал Вальдемар Дубанёвский из консалтинговой фирмы «PwC», бывший посол Польши в Сингапуре.

Из анкетирования, которое провел аналитический центр «Poland, Go Global!» среди 600 польских предприятий, следует, что в 2014 году зарубежные инвестиции осуществило почти 32% фирм, а годом ранее — почти 40%. «Этот спад — это, наверняка, следствие кризиса на Украине. В свою очередь это показывает, что инвестирование за рубежом иногда связано с огромным риском», — считает д-р Ирена Томис из Высшей школы бизнеса во Вроцлаве. «У нас большой, емкий внутренний рынок, который для многих фирм служит достаточным источником дохода. Так что нашим фирмам вовсе не обязательно выходить на зарубежные рынки и рисковать», — поясняет проф. Богуслав Федор, проректор по вопросам международного сотрудничества Экономического университета во Вроцлаве.

— Почему бы нам не выйти на глобальный рынок? — спрашивала д-р Ирена Томис. — Как государственные, так и частные фирмы должны решиться на такой шаг.

— Выходу на зарубежные рынки всегда должен предшествовать холодный расчет, а не какое-либо давление или идеология, — напомнил проф. Б. Федор. — Горно-металлургический комбинат искал новые месторождения, эксплуатация которых обошлась бы ему дешевле. В свою очередь фирма «Селена», вроцлавский производитель строительной химии, в своем сегменте стала технологическим лидером, и польский рынок оказался для нее слишком мал.

— Чтобы выйти на зарубежные рынки, необходимо также преодолеть барьеры менталитета, — добавила д-р И. Томис. — В США стремление к достижению успеха воспитывается с детского сада. В Польше в этой области тоже происходят изменения. Благодаря программе «Эразмус» студенты возвращаются домой, уже освоившись с другими культурами.

— Представители молодого поколения ощущают себя настоящими космополитами, — добавил проф. Б. Федор. — Главное препятствие для нас — это компетенции. У нас не так уж много людей, способных справиться с вызовами интернационализации экономической жизни. Мы ощущаем нехватку главным образом в области культурологических, познавательных компетенций. В случае зарубежной экспансии огромное значение имеет знание культурной специфики. И в этой сфере мы не даем студентам соответствующих знаний.

— А я как раз хотел похвалить поляков, — замечает президент фирмы «AB SA.» — Наши партнеры в Чехии говорят, что мы — креативны, не боимся перемен. Чехам пришлось долго объяснять, что им необходимо что-то делать по-новому, все новое вызывает сопротивление. С поляками таких проблем нет.

Бренд «Польша» ждет своего продвижения

— Польское правительство не помогало нам заключать нашу зарубежную сделку, да мы, собственно, этого и не ожидали, — заявил Херберт Вирт. — А вот в Китае, например, без помощи государства невозможно эффективно вести бизнес.

— Я не жду помощи от государства. Я лишь хочу, чтобы государство не мешало. Чтобы существовало стабильное законодательство, чтобы не было никаких неожиданностей, — добавил руководитель фирмы «AB SA» Анджей Пшибыло. — Ведь многим фирмам приходится вести борьбу на два фронта: на зарубежных рынках и в собственной стране, в частности, с проверками налоговиков.

— Вот уже 25 лет мы создаем бренд «Польша». Если бы наш бренд был синонимом качества, гарантии ведения бизнеса, это помогало бы чрезвычайно, — признает Вальдемар Дубанёвский. — Государство понемногу это делает, но у него нет прозрачной общей стратегии в деле продвижения нашего бренда, нет у него и единого агентства, которое бы этим занималось.

— Необходимо общее продвижение бренда нашего государства через определенные польские организации так, как это делают китайцы через Институты Конфуция или британцы через «British Council», — продолжил проф. Б. Федор.

— Трудно найти один инновационный польский продукт, который мог бы четко ассоциироваться с нашей страной. Ведь мы все это время развиваемся, опираясь на низкую стоимость труда, — добавил В. Дубанёвский. — При этом все больше людей понимает, что надо инвестировать в инновации, но для этого требуется воображение, потому что такие инвестиции, как правило, не отражаются на результатах в течение одного избирательного срока.

Зато президент Горно-Металлургического комбината «Польская медь» не скрывал оптимизма: «Если мы через 10 лет встретимся на подобной дискуссии, то будем рассуждать о покорении космоса. Запишите меня в число выступающих в дискуссии на тему развития металлургии на Луне».

Участники панельной дискуссии: Херберт Вирт — президент Горно-Металлургического комбината «Польская медь СА»; проф. Богуслав Федор — проректор Экономического университета; Анджей Пшибыло — президент «AB SA»; д-р Ирена Томис — ректор Высшей школы бизнеса во Вроцлаве; Вальдемар Дубанёвский — представитель фирмы «PwC», ведущий дискуссии Томаш Лис — главный редактор польского издания «Newsweek».

ЭКСПОРТА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ СОСТАВИЛ 21 МЛРД ЕВРО

Объем нашего экспорта продовольствия в четыре раза больше, чем перед вступлением Польши в ЕС.

Не оправдались прогнозы некоторых аналитиков, связанные с экспортом польского продовольствия. Еще в апреле прошлого года эксперты Института экономики сельского хозяйства и продовольственной отрасли ожидали, что общий уровень продаж продовольственной продукции сельского хозяйства на зарубежных рынках снизится в течение года на 2%. А между тем объем продаж увеличился почти на 0,9 млрд евро. В результате объем продаж этой продукции возрос уже в четыре раза по сравнению с показателями до нашего вхождения в Евросоюз.

— Прошлогодний рост был связан, в частности, с тем, что злотый был относительно слабым. Это способствовало конкурентоспособности наших продуктов на зарубежных рынках, — утверждает Михаил Колесников, сотрудник Банка продовольственного хозяйства Польши (БГЖ).

С ним согласен Анджей Калицкий, руководитель группы мониторинга зарубежных сельскохозяйственных рынков, действующей в рамках Фонда программ по оказанию помощи сельскому хозяйству. «Кроме того, увеличению экспорта способствовало падение розничных цен на нашем продовольственном рынке», — добавляет А. Калицкий. По данным Государственного управления статистики в прошлом году уровень розничных цен был на 0,9 пунктов ниже, чем в предыдущем году. По мнению А. Калицкого, объем экспорта продовольствия растет еще и потому, что польские продукты продают за рубежом под собственной маркой также работающие в Польше международные торговые сети. То же самое делают и предприятия пищевой промышленности, которые в значительной мере принадлежат зарубежным корпорациям, имеющим собственные кампании в разных странах.

Нашим главным рынком сбыта являются страны Европейского союза. Именно на этот рынок попало в прошлом году целых 79% всего польского экспорта продовольствия

сельскохозяйственного производства — спустя одиннадцать месяцев объем этого экспорта оказался на 4,8% больше, чем за тот же период предыдущего года. В странах СНГ мы продали 8,1% продовольственных товаров, отправляемых за рубеж — спустя одиннадцать месяцев это оказалось на 20% с лишним меньше, чем год назад. Такой спад побудил фирмы к тому, чтобы начать экспансию на другие рынки, часто весьма отдаленные.

Так, например, согласно предварительным данным сельскохозяйственного ведомства, самый большой рост экспорта в течение трех кварталов прошлого года отмечен в торговле с Марокко. Объем продаж нашего продовольствия сельскохозяйственного производства (главным образом пшеницы) составил там за этот период времени 54 млн евро и был в 27 раз больше, чем годом раньше. Вывоз большой партии пшеницы был вызван также значительным ростом экспорта в Саудовскую Аравию, Египет, Зимбабве и Судан. А возросший по сравнению с предыдущим годом объем продажи порошкового молока повлиял на увеличение экспорта в Алжир и на Кубу.

Важно то, что объем экспорта значительно превышает объем импорта продовольствия. Положительное сальдо в 2014 году составило около 6,2 млрд евро и тоже было рекордно высоким.

— В текущем году объем экспорта продукции этой отрасли возможно еще подрастет на 1–6%, — считает М. Колесников. По его мнению, этому будет способствовать, в частности, отмена запрета на ритуальный убой, что также может вызвать рост объема продажи мяса птицы и говядины на зарубежных рынках. Однако он добавляет, что есть и опасности: «Неизвестно, например, как повлияют на ситуацию в зоне евро изменения, наметившиеся в Греции после последних выборов. Мы также не знаем, не появятся ли какие-нибудь болезни животных, например, птичий грипп».

Анна Фрайлих

СТИХОТВОРЕНИЯ

Без ответа

Уж исчезает Калифорния
на карте
в свете белых ламп
когда же ночь там наступает
звоню
никто не отвечает
колибри спят и пересмешник
в молчащих
сумерках крошечных
в объятьях пальм
август 2002

Без адреса

— У писателя должен быть адрес —
сказал Исаак Башевис Зингер
который свою улицу
Крахмальную улицу в Варшаве
как Атлант перенес на плечах
через все наводнения мира.
И я ищу свою улицу
единственную неповторимую
на яву во сне и в отчаянье
между явью и снами

в магическом калейдоскопе
мелькают разные улицы
их запах их гул у меня под кожей
а ночная краска их тишины
зависает над подоконником
как нити бабьего лета
но названия стерлись
домов номера исчезли
и кто знает теперь
что здесь мое что чужое
и адрес какой
это а д р е с.

Из какого порта плывут до какого

1

... for this

I thirsted Absent Bliss...

Thomas Traherne, On News

Разлитое молоко
расплескавшийся океан
даже ключа не было
чтобы бросить в воду
а ведь лунная кровь
вздывается как прилив
и в стеблях
в артериях
в млечных путях

восхожу

12 июля 1999

2

Не вступают дважды в то же самое озеро.

Чеслав Милош, Элегия для Н.Н.

То ли он не пришел

она позабыла

были другие девушки/женщины

парни/мужчины

беспокоящий непонятный

голос крови

гнал их

все дальше...

а стало быть не вступают

дважды в одни и те же

волны Балтийского моря

и ступни в тот же самый песок

погрузить невозможно?

16 июля 1999

3

море

В пенное море, шумящее

Звезды падали и исчезали.

Владислав Броневский,

Прилив

И все-таки возвращение

не триумфальное

не в Каноссу
не с визитом старой дамы
я не успела к юбилею Данки
там интервью портреты виваты
а я опоздав на целые годы
у костра продолжаю слушать баллады
тот же тембр и тон
и актриса та же
сладкий сон
под морских волн привычный мотив
Сынок, видно, ты из Германии, везешь янтаря ведерко?
– Нет...

Это прилив, милая, это прилив.

19 июля 1999

4

Нет, не нарушу
гармонии мира
но почему хаос
врывается как прилив
в мой сон
который почти
тишине уже научился
а среди засушенных роз
поставленных для украшения
одна ночью июльской
лепестки свои раскрывает

и боль обнажает
– зерно болезни своей?

20 июля 1999

5

Не довольно ли
что однажды забыла
неотвратимо
– так мне казалось
и только словом ты был
только словом
на листке бумаги двухмерным
а теперь море песок
танго какое-то обещает
что так же уже никто
и твой голос
уже второй раз в той же жизни
это из пьесы другой
хотела бы я закричать
герои пускай не встречаются
ведь не хватает места
слишком людно на сцене
с Клеопатрой Гамлет не могут
вместе
в одном спектакле
повторять диалога
но повторяют

и зрительный зал молчит
а когда это зернышко
вновь зарастет жемчужиной
перестанет ли просыпаться
моллюск поутру?

23 июля 1999

6

Всё – наказание
за то что я полагала
что уже добралась
сквозь туман пробивается солнце
по утрам а ввечеру
на реке баржи считаю
в другой стране
но есть две реки
и не сосчитать
плывущие лодки
и не узнать
из какого порта
плывут до какого.

23 июля 1999

Встреча с Беллой Ахмадулиной

Поэты ее покинули
один выбрал смерть
другой новую жену из Карелии

осталась наедине
с поэзией
потому дрожат ее руки
когда берет она рюмку
первую со вчера
ведь бар только открыли
поэты ее покинули
одних казнили давно
другие почву утратили под ногами
и потому она
слов не может найти
прежде чем капля вина
не разольется
на ее языке
тогда говорит торопливо
Да, я была в Колумбийском университете
Не хочется вам вина?
– ведь я знаю
поляки пьют
а потом уже лишь пару жестов
на фоне залива в окне
сосредоточенная на красном напитке
с трудом глотает креветку
– Это она – шепчут люди
когда мимо идет она
наедине с поэзией.

Сорокоуст

Кто зимой умирает под зимнею глыбой

тому по весне

доснится сон свой

пока в эхе собора

не прозвучит слово

день распоеется сороковой

и в сосульках повиснет кристаллом

и метелью в ночь забредет

смертный телом

и именем и желаньем

голос вечный уже обретет.

*Стихотворение написано 8 марта 1996 года в
Кафедральном соборе Иоанна Богослова в Нью-Йорке, где
был отслужен сорокоуст памяти Иосифа Бродского.*

КОНЕЦ СТРАНСТВИЙ

Анна Фрайлих (1942) родилась в поселке Катта-Талдык, расположенном поблизости от города Ош Киргизской ССР, куда ее мать в результате эвакуации из родного Львова добралась в качестве беженца. Утрата Львова — после того, как семья по окончании войны поселилась в Щецине, где в конце концов нашли пристанище многие поляки, выселенные с давних восточных территорий Речи Посполитой, — оказалась настолько глубокой травмой, что нашла свое выражение и в новом сборнике поэтессы, в написанном в первые годы XXI века стихотворении «Сон о Львове». Сама автор, конечно, города не может помнить, но боль утраты стала для нее унаследованной болью. И, наверное, это не было бы так естественно, если бы она сама не стала жертвой подобного опыта. После антисемитской кампании 1968 года, подобно другим лицам еврейского происхождения, которых было более 20 тысяч, Анна Фрайлих покинула Польшу (в настоящее время в США она является почетным послом города своего детства и юности — Щецина), чтобы оказаться на чужбине и окончательно поселиться в Нью-Йорке, где она до сих пор преподает в Колумбийском университете.

Скитания и связанная с ними ностальгия сопутствуют ее творчеству — и как поэта, и как прозаика — изначально, с дебютной книги «Чтобы нарисовать ветер», опубликованной в 1976 году в Лондоне. Со скитальческой судьбой связан, особенно отчетливо выраженный в первых поэтических сборниках, вопрос идентичности и чувства потерянности. Тем не менее, уже в 1982 году в книге «Бабье лето» поэтесса постепенно укореняется в американских — точнее говоря, нью-йоркских — реалиях, чтобы в новейшем сборнике признать этот город своей, отмеченной ощущением преходящего, последней пристанью, означающей конец странствий:

Этот город — мой
как и я — его
в кристальном воздухе
мы плывем вдоль берегов
красив ли? — не суть важно

важно что он — это лодка

и что он — это пристань

Таково же название изданного в 2013 году сборника «Он — и лодка и пристань». Причем, как мы читаем в другом произведении, «каменная лодка» — это одно из наиболее частых определений, встречающихся в поэзии Фрайлих, прежде сосредоточенной на тоске, но не избегающей эротизма, парадоксов. Это один из (при)знаков укоренения писательского опыта в авангардистских поисках, что также нашло выражение в обращениях к поэзии Тимотеуша Карповича, особенно к его поэме «Отстраненный свет».

Процитированное стихотворение было написано в июле 2001 года. Два месяца спустя город стал мишенью одного из самых шокирующих терактов преступников, направивших самолеты на здания Всемирного торгового центра. Эта рана в организме города и связанное с ней горе вошли в пронизывающую всю лирику Анны Фрайлих запись боли существования в мире, кодексы которого были уничтожены. Несмотря на это, в стихотворении, пожалуй, не без лукавства названном «В духе просвещения», мы читаем:

забыли о заповедях

на разбитых скрижалях

скрижали не надо склеивать

но заповеди надо блюсти

И быть может, девизом этой поэзии следовало бы сделать известное изречение Канта: «Звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Дмитрий Легкий

ЛЕГЕНДА «О КРУЖКЕ МОЛОКА»

Здравствуйте, уважаемые сотрудники журнала «Новая Польша». Как украинец (а ныне доктор исторических наук) я давно интересуюсь историей украинско-русско-польских отношений. Ваш журнал в Казахстане, где я живу с 1966 г., является одним из немногих изданий, позволяющих окунуться в мир польской культуры, истории (в том числе ее трагических страниц, причем, без прикрас и идеологической шелухи). Студенты регионоведы нашего вуза (у которых я веду занятия) проходят ежегодно (уже несколько лет подряд) стажировку в польских вузах. Они очарованы Польшей, с восторгом рассказывают нам на семинарах обо всем, что постигли, выкладывают в интернете калейдоскоп фото-впечатлений. Участвуя в научных проектах центра «Карта» и посольства Республики Польши в Астане, я подготовил ряд статей и книг о деятельности делегатуры польского посольства в Казахстане в годы Второй мировой войны.

С уважением Дмитрий Легкий,

профессор Костанайского университета им. А. Байтурсынова,
доктор исторических наук.

ЛЕГЕНДА «О КРУЖКЕ МОЛОКА»

Я родился в Украине, моя сводная сестра — полька. Я с юности зачитывался романами Генриха Сенкевича («Потоп», «Пан Володыевский», «Крестоносцы»), на ночном столике сейчас лежит томик стихов Владислава Ходасевича («Ни грубой славы, ни гонений, от современников не жду...»), меня всегда тянуло к истории братских славянских народов.

Обращая внимание на памятную дату 70-летия окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны, по архивным данным в феврале 1942 г. в городе Кустанае Казахской ССР появилась «делегатура Польпосольства в Кустанайской области». У Кустанайской делегатуры было свое здание, своя касса. Представителем (делегатом) посольства Польской Республики был утвержден Мечислав Францишкович Романьс-кий. Заместителем делегата по хозяйственным вопросам был Вильгельм Эрнст, занимавшийся «обеспечением топливом, распределением и выдачей подарков для польских граждан», он же курировал школу и столовую. Всего в аппарате

кустанайского представительства польского посольства на март 1942 года работало шесть человек. Ванда Дорош исполняла обязанности секретаря, референтом был Тадеуш Козиол, посыльной — Кристина Матвиновская. Бухгалтер Станислав Покладский вел учет поступающих и расходующихся средств, занимался переводом документов с русского языка на польский, подготовкой исходящих документов на русском языке.

Долгое время факт формирования в нашей области польской армии генерала Андерса был военной тайной. Имеются непосредственные очевидцы тех событий. Так в личной беседе с полковником в отставке Павлом Васильевичем Даценко (служившим в органах НКВД-КГБ) были выяснены некоторые интересные факты. В первые годы войны он, в юном возрасте, был непосредственным очевидцем формирования польской армии генерала Андерса в г. Кустанае и Кустанайском районе. Он назвал имена двух поляков, братьев Здислава и Тадислава, с красноречивой фамилией Мазепа из поселка Владимировка («живших по улице Пушкина»), которые были призваны именно в польскую армию. Он так же был в дружеских отношениях с семьей польского офицера Пенецкого, сестрами Марысей и Касей, которые так и не дождались своего отца (не вернулся из советских лагерей интернированных польских солдат). По роду службы П.В. Даценко неоднократно бывал в регистрационном пункте польской армии и польского посольства в Кустанае.

В качестве примера и лирического отступления добавлю одну нашу семейную легенду «о кружке молока». В годы войны польский подросток Збигнев Иванович Яжевский (р. 1928) раскрыл когда-то своему ровеснику, моему тестю, Григорию Дмитриевичу Титаренко (ему исполнилось уже 80 лет) страшную «военную тайну», что в поселках Приозерном и Смирновке Пешковского (ныне Карабалыкского) района находились жены и дети расстрелянных польских офицеров (объединенных страшным словом — Катынь). После войны, когда Збигнев эвакуировался в Польшу, он присылал в Смирновку продукты и вещи — мыло, сладости, крепкие новые ботинки (тесть долго их носил). Все это было знаком благодарности за кружку молока в голодные военные годы, которую после каждой вечерней дойки давала всем членам семьи польских беженцев (матери, ее сестре и сыну) сердобольная украинская женщина (бабушка моей жены), у которой было своих пятеро (!) детей. Украинцы делились с братьями-поляками своей пищей, не различая своих и польских детей, — такое трудно забыть. В «период

перестройки», на рубеже 1980–90 гг. уже другие дефицитные в то время вещи (мыло, стиральный порошок, европейские духи) приходили из Польши на старый адрес с перечислением членов семьи Титаренко. Посылки шли одна за другой, долго блуждая, так как Пешковского района уже и не было, а Титаренки были в каждом поселке района. Может, Збигнев Иванович или его дети (две дочери, «врач и артистка») прочтут эти строки, пусть знают, мы, дети ветеранов тыла, будем хранить память об этой романтической истории дружбы поляков и украинцев на далекой казахской земле. Ведь в определенной мере именно это и заставило меня целый год работать над подготовкой книги о поляках, депортированных в наш край в годы войны, включающей списки всех сосланных в Пешковский, Введенский, Сырыкольский, и Мендыгаринский районы (всё, что обнаружил). Если кто из рода Яжевских (они тоже есть в списках) откликнется, я с удовольствием подарю свою книгу «Польские граждане в Костанайской области. Годы Второй мировой войны» (подготовленную к печати), на титульном листе которой значится — «Посвящается подвигу братского польского народа».

ШЕСТАЯ, САМАЯ МЛАДШАЯ

Тетя с дочкой и зятем жили в солидном доме — у них в России такие называют «особняками». В саду, среди клумб, кустов рододендронов и ровненьких грядок стояла парочка гипсовых гномиков — усатые, в красных колпачках. У тети был вид типичной тетушки-труженицы: потертый рабочий комбинезон на полном теле, округлое лицо, глаза — вероятно, голубые — за фотохромными линзами очков, толстый пучок крашенных в ослепительно-медный цвет волос под простым платком, шершавая ладонь, пальцы, потемневшие от выдергивания сорняков и сбора клубники.

С гостем из России она старалась быть по возможности любезной — не придерешься. Приняла его в беседке, увитой диким виноградом. Выпьете? Может, молока парного? Тогда, может, холодного лимонада? — ничего особенного: вода со льдом, лимон и немного ванили...

Хитров показал ей фотографию десятилетней Рут.

— Не припоминаете эту мордашку? Девочка собиралась к вам обратиться.

Тетя морщила лоб, как человек, который с трудом (но искренне желая помочь) пытается что-то вспомнить.

— Когда это было? — спросила она.

— Двадцать с лишним лет назад.

— Ну, тогда ничего удивительного...

Разговор явно пора было заканчивать, но этнолог из Москвы — упрямый русский — не сдавался.

— Ее звали Рут. Рут Дойч.

Тетя хлопнула себя по лбу.

— Дойч? Да, помню! Была такая! Господин доктор, но это же обманщица! Вы знаете, в чем она пыталась меня убедить? Что она дочь Магды! Младшая, Хайди! — Тетя еще раз взгляделась в фотографию. — Дочка Магды, как бы не так! Всем известно, что Магда своих детей усыпила. Всех шестерых.

— Убила, — поправил тетушку гость из России.

— Маленькая мошенница. Небось, надеялась что-нибудь у меня выцыганить. Убедить, что Хайди выжила, и что это она. Совсем как у вас в России — вечно возникает какой-нибудь Самозванец. Я слушала оперу. А почему, собственно, вы так интересуетесь этой соплячкой?

Один и тот же вопрос, одно и то же удивление. И один и тот же ответ, — подумал он.

— Потому что я эту девочку нашел в Берлине и привез в детский дом. Хотел узнать — из простого человеческого любопытства — что с ней произошло дальше.

— Наверное, ничего особенно замечательного, раз она занялась мошенничеством.

— А вы сами — тогда, в мае сорок пятого, когда ваша сестра отравила своих детей и покончила с собой, — не думали о самоубийстве?

— Я? Вы, наверное, шутите! — Тетушка заговорила более взволнованно: — Магда всегда была чокнутая. Я — нет, я им не далась. Я твердила, но, увы, тщетно: — Магда, как ты можешь жить с этим негодяем, этим эротоманом, вечно преследующим женщин? У нее был прекрасный любовник, но Адольф... Фюрер. — Она неопределенно хмыкнула. — Добрый дядюшка, который во все вмешивался, всюду совал свой острый нос. Он заставил их снова сойтись.

— Кажется, ваша сестра говорила, что дети должны уйти, потому что мир без Фюрера не заслуживает того, чтобы в нем жить.

— Я этого не слышала, нас не было в Берлине. Ах, эта Магда... Столько вынести — и вдруг...

— А вам мир без Фюрера как?

Тетя вскипела:

— Что вы хотите заставить меня сказать? И для кого? Для радио? Для какого-нибудь желтого издания? Я должна заявить, что мир стал лучше? Или, может, хуже? Вот была бы сенсация! Мир стал другим, совсем другим. Вне всяких сомнений. Нет тех эмоций, того экстаза. Вне всяких сомнений. Кто-то, возможно, вспоминает их с ностальгией. Я — нет! — И, уже спокойнее: —

Лучше, так и запишите себе: этот мир — лучше. Нет бомб, нет Дахау, нет штурмовиков, лагерей.

— Но есть землетрясения и наводнения, кровавые террористы, захваты самолетов, убийства спортсменов. Резня в Конго. Как с этим быть?

Она замахала руками, словно отгоняя назойливых мух.

— Это можно пережить. Взгляните. У меня дом и ухоженный сад. Знаете, в прошлом году у меня в огороде работала одна шотландка. Что скажете? Победители приезжают к побежденным на заработки. Грех жаловаться.

— А вам не приходило в голову, что ваша сестра именно этого и опасалась?

— Чего?

— Того, что дети — когда вырастут, все шестеро — убедятся: мир без Фюрера лучше, чем мир с Фюрером.

— Так вы думаете, что она... Что вы такое придумали?

— Что слышали. Она боялась, что дети вырастут, увидят мир и обнаружат, что все, во что она верила, было безумием. Не только преступлением, но и чудовищной ошибкой. Вот этого поражения она не могла допустить. Поэтому и убила детей. Поэтому! Чтобы они никогда не узнали.

Женщина молчала. Когда наконец она заговорила снова, голос звучал иначе, глуше.

— Это что-то новенькое — то, что вы говорите. Я иногда кое-что почитываю, но... Поверьте, Магда не была плохим человеком.

— Просто умертвила своих детей.

— Ну да, — отозвалась она, помолчав. — Носила их под сердцем, родила, кормила — чтобы потом... Да, вы правы, это ужасно. Зачем она их родила?

Женщина еще раз взглянула на фотографию и сказала:

— Мошенница. Хотела воспользоваться тем, что я этой Хайди, в сущности, не знала. Ведь когда... Бросьте эти поиски, она вас не стоит. Жаль тратить на нее время.

Я найду ее. Если и есть у меня тут какое-то дело, — думал он, — то не читать и слушать доклады, а именно это: отыскать ее. Заглянуть в глаза и спросить: — Хайди, как тебе живется со всем этим? — Тетя ее прогнала, тетя не верит, что она уцелела, ведь были официальные сообщения — но она жива, она где-то существует, вне всяких сомнений, Хазин вбил это ей в голову: помни, ты должна жить — это звучало, как пророчество, как заклинание: ты должна жить — и Рут живет.

Где? Кто может это знать? Кого расспрашивать? У кого она искала помощи? Возможно, у Харальда, своего единоутробного брата? Он не захочет со мной разговаривать, — подумал Хитров, — все это покажется ему подозрительным. Русский, якобы социолог, расспрашивает, вынюхивает — Achtung, Feind hort mit!^[1] Шпион. Кто еще? Лида Баарова? Нет, к ней — любовнице отца — девочка обращаться бы не стала. Вероятнее всего, она в конце концов попала в какой-нибудь детский дом. Мне нужен упорный сыщик, — подумал он, — искусный следопыт, Соколиное око, Виннету. Которого вдобавок эти дети волновали бы чисто по-человечески. Наверняка с ними сталкивались киношники, например, тот режиссер, которого Геббельс озолотил за истинно антисемитский фильм (чтобы было пикантнее — на основе соответствующим образом изуродованного романа эмигранта-неарийца). О Боже, прибежище заблудших социологов, как же он сразу об этом не подумал! Курт, обаятельный Курт, сын режиссера, гонитель затаившихся преступников, гроза эсесовцев-ветеранов, гитлеровских судей, прокуроров, скрывающих свою личность и свои подлости — большие и малые, вплоть до массовых убийств. Хитров познакомился с Куртом в Польше, в так называемом «доме творчества» под Варшавой, в особняке, который король Ян Собеский велел выстроить для сестры своей французской жены — якобы желая отдать ее на съедение комарам. Курт появился в обществе влюбленной в него литераторши, дамы с соблазнительным розовым декольте, пережившей с фальшивыми документами Освенцим — факт, возможно, сыгравший в этой любовной истории не последнюю роль. Похожий на эфеба, он очаровывал как женщин, так и мужчин. Хитров жил в этом доме творчества однажды летом, по приглашению коллег из варшавского университета. Он подружился с Куртом, который необыкновенно легко сходил с людьми — это была неотъемлемая часть его обаяния. Женя, увлекавшийся психологией, угадывал в нем, в той непримиримости, с какой Курт преследовал гитлеровцев — вытесненную любовь к отцу. Ради этой любви, чтобы облагородить отцовский образ, Курт с детства пытался искупить его вину — вину запятнавшего себя режиссера.

Тринадцатилетним мальчиком он уехал в Израиль, тяжело работал в киббуце, выучил иврит, а затем идиш. Пришла очередь польского: Курт изучил польскую литературу, особенно связанную с оккупацией, предательством и героизмом. Уехал учиться в Штаты, вернулся с американским гражданством, преследуя гитлеровских преступников, сотрудничал со всевозможными разведками, собрал собственную большую базу данных, представлял собой опасность для всех тайных служб, пользующихся услугами бывших агентов, имел деньги и офис с влюбленной в него секретаршей.

Курт! Вот кто знает всё обо всех. Из Польши он уехал — пришлось, поскольку, с точки зрения товарищей из социалистического лагеря, Курт, составивший список из шестисот гитлеровцев, которые занимают в ГДР ответственные должности, несколько переборщил. Его чуть было не посадили, но — гражданин США — он пригрозил задействовать американское посольство, а Польша как раз добивалась займа.

Где же он теперь? Вероятнее всего — в Париже. Хитров вспомнил, как свободно Курт говорил по-французски. И, кажется, сотрудничал с «Les Temps Modernes». Бывший младший лейтенант позвонил в журнал, главным редактором которого был Жан-Поль Сартр. Трубку взяла секретарша. Она вполне сносно — согласно веяниям времени! — говорила по-английски. Телефон господина Курта Х.? Just a moment^[2] — пожалуйста, записывайте.

В Дюссельдорфе господин Хайнрих Савицки, герр Гауптман, как мысленно называл своего ангела-хранителя младший лейтенант, сразу повел его на почту. Сердце выскакивало из пятидесятилетней грудной клетки, когда Хитров набирал парижский номер. Несколько длинных гудков — и вдруг голос Курта. Да, его голос, все та же любезная мягкость, деликатность, появилась только легкая хрипотца, которой раньше, кажется, не было.

— Курт, я тебя нашел! — воскликнул гость из Москвы. — Это Женя! Евгений Александрович, если помнишь.

— О, курва! — почему-то по-польски выругался Курт. — Ты в Париже? Заходи, поужинаем вместе.

— Как-нибудь в другой раз, дружок. Я в Дюссельдорфе. Приехал на симпозиум евангелистов в Мюльхайме.

— Знаю. Весьма милое переливание из пустого в порожнее. Будешь гвоздем программы.

— Возможно, но я не затем приехал.

— И звонишь в Париж, потому что у тебя ко мне дело. Ну, валяй.

— Курт, тебе что-нибудь говорит фамилия Дойч? Рут Дойч?

— Ты ее разыскиваешь?

— Да.

— Почему?

— Ну... потому что я... то есть мы с майором Хазиным...

— Знаю, — прервал его Курт. — Семен Яковлевич. Я понял, о чем речь. Женя, сначала поклянись, что ты ее не выдашь.

— Клянусь.

— Торжественно?

— Торжественно.

— Ты сказал: Дойч? Ошибаешься. Ее фамилия Тойч.

— Все-таки поменяла, — понял Хитров. — Должно быть, очень переживала после встречи с теткой.

— О, я не знал! И что же тетя?

— Прогнала ее. Мошенница! Дмитрий Самозванец! Не признала.

— А я думаю, — возразил Курт, — что как раз признала. Просто тетушке не хотелось проблем. Лучше не напоминать о себе. Может, там, в ее домике, оставалось какое-нибудь сестрино наследство, картины, серебро... Какая-нибудь жизненная ошибка... Зачем ей это?

— Говори же! Что она делает! На что живет?

— Она учительница.

— Это не назовешь сногшибательной карьерой.

— Женя, а зачем ей карьера? Карьера — это телевидение, «Бильды» да «Тагеблаты». Они бы не успокоились, пока не

докопались до колыбели. А карьера обещала быть блестящей. Рут написала потрясающую работу о Дюркгейме.

— Социология, — удовлетворенно констатировал доктор Хитров.

— Социология, антропология, Леви-Стросс, Эрих Фромм, Исая Берлин и прочие раскольники — блестяще. И вдруг она всё бросает. «Хочу учить детей, начать с самых основ». Это бегство и показалось мне подозрительным.

— Курт, где ее искать?

— Темнее всего под фонарем. Насколько я знаю, она живет неподалеку — в Кёльне. Преподает в каком-то маленьком городке, кажется, Зеельшайде. Ты ее легко найдешь. Достаточно взять телефонную книгу.

— Господи, Курт, ты себе даже не представляешь, как это для меня важно. Спасибо.

— Помни: Рут Тойч. Не Дойч. Тойч!

Заполучив вожденный телефон Рут Тойч, кандидат наук университета им. Ломоносова, Хитров Евгений Александрович позволил своему помощнику, однорукому добровольцу, отвезти себя в Мюльхайм, в окруженный зеленью особнячок Стиннесов. Шел дождь, омывая молодые листья, ветер раскачивал ветки. Вдалеке слышались раскаты грома. — Как тогда, — подумал бывший молодой лейтенант, — 2 мая в Берлине.

С крыльца сбежал невысокий широкоплечий мужчина в свитере, энергично подхватил чемоданы и отнес на второй этаж. — Следует ли оставить ему чаевые? — мучился сомнениями русский доктор наук, пока тот проверял выключатели: ночник, лампа над столом, бра возле кресла.

— Скромно, но удобно. Уютно. Можно вызвать машину. Ванная рядом. Выход в город через коммутатор.

Мужчина не спешил уходить. Чаевые?

— Если вам что-то нужно....

— Да, — сказал Хитров. — Я хотел бы поговорить с директором.

— Я директор.

Новая Германия, — подумал московский этнолог. — Нужно их изучать.

— Простите, — продолжал мужчина в свитере, — я не представился. Человек тщеславен, полагает, что все его знают. Эрих Мюллер, доктор наук. С вашего разрешения я сяду. Вы курите?

— Уже нет.

— В таком случае я тоже воздержусь. Что вы хотели, господин доктор?

Евгений Александрович достал из кармана листок с номером телефона.

— Вот. Рут Тойч. Вам знакомо это имя?

— Знакомо ли мне это имя? Милый господин доктор, в свое время во Франкфурте я был тьютором Рут. Она получила — не без моей помощи — стипендию в Сорбонне, для работы над диссертацией. Вернулась с великолепной работой о Дюркгейме. И вдруг исчезла. Перестала отвечать на письма и звонки. Мы знали, что с ней ничего не случилось — она просто полностью отстранилась.

— Быть может, пора напомнить ей о себе? Она учительница — возможно, ее заинтересует симпозиум, посвященный европейскому образованию? Или лучше так: гость из Москвы мечтает с ней познакомиться. Попробуйте.

Директор связался с Кёльном. Теперь ее номер. Снова сердце выскакивает из груди. — Того и гляди, инфаркт из-за нее заработаю. — Вот они уже разговаривают. — Фрау Тойч? — Знак рукой Хитрову: она! — Это Евангелический центр в Мюльхайме. Эрих Мюллер.

— Рут, ты меня еще помнишь?

Она ответила, что, разумеется, помнит.

— Рут, у нас тут вечером открывается симпозиум, посвященный проблемам европейского образования. Я тебя приглашаю, официально. Говорить ничего не придется. Послушаешь, что хотят рассказать другие. И еще, самое главное: приехал этнолог из Москвы, господин доктор Хитров, который мечтает — он сам так выразился — мечтает с тобой познакомиться.

— Нереализованные мечты куда безопаснее, — донеслось до Хитрова. И еще: — А он красивый?

— Сейчас пригляжусь. Да, выглядит вполне симпатично. Пятьдесят лет, очки и небольшая лысина.

— Раз он рядом, может, дашь ему трубку?

Директор протянул трубку гостю.

— Доктор Тойч? — произнес Хитров, на лбу, как в те времена, когда он был еще сопляком, выступили капельки пота.

— К вашим услугам (голос звучный, резкий, немного напоминающий Нюсин — его первой жены). Вы хотели поговорить со мной. А о чем, можно полюбопытствовать?

— О Дюркгейме.

— Когда это было...

— Не скажите. Я изучил вашу работу, — Хитров сочинял на ходу, но какая-то доля правды в этом была, особенно когда он добавил: — Она произвела на меня огромное впечатление. Я не со всем согласен, — добавил он еще, стараясь, чтобы это звучало непринужденно.

— Я тоже, — раздалось в ответ.

— Я могу рассчитывать на встречу?

— Нет.

— То есть мне придется вернуться в Москву ни с чем?

Пауза. Долгая.

— Фрау Тойч? Вы меня слышите?

— Слышу, господин доктор, слышу. Я думаю. Не отчаивайтесь, доктор Хитров. Не такая уж я эгоистка. Уделите немного времени вашему симпозиуму, а потом приезжайте в Кёльн. Пообедаем вместе. Я вас приглашаю! Согласны?

— Еще бы!

— Вы ничего не имеете против итальянской кухни? Если нет, то послезавтра в час. А у вас есть итальянские рестораны?

— Будут в следующей пятилетке, — вспомнил он фразу из анекдота. — Всё будет.

Она засмеялась. (Ну вылитая Нюся!)

— Вы не заблудитесь. Идите по Шильдгассе к собору. Любоваться им будете в другой раз. Ресторан справа, метрах в пятидесяти от секс-шопа «Беата Узе».

— Собор, секс, спагетти. Поучительное сочетание.

— А у вас есть секс-шопы?

— Будут через две пятилетки. Всё будет.

Смех, на этот раз более звонкий.

— Буду рада с вами поговорить. У меня темные волосы, короткая стрижка. Джинсовый костюм. Как у Джона Уэйна. На столике будет стоять пакет с рекламой издательства. Послезавтра в час. Пожалуйста, не опаздывайте!..

Сначала он заметил стоявший на столике пакет с рекламой большого мюнхенского издательства и только потом ее саму. Темные, коротко подстриженные волосы — как она и обещала — некрашенные. Платье с крупными цветами, открывающее загорелые плечи. (А говорила, что будет в джинсовом костюме — «как Джон Уэйн». Передумала, стоя перед зеркалом, — предположил Хитров. И обрадовался: настоящая женщина). Красивый нос, безусловно арийский, розовые губы, никакой помады, верхняя чуть приподнята — детски-умоляюще, глаза прячутся за большими темными очками. Столик на тротуаре, под зонтом. (Маркиза! — вспомнилось бывшему младшему лейтенанту). При виде Хитрова Рут поднялась и принужденно улыбнулась. Эта улыбка на мгновение сделала ее красивой — красотой умной женщины. Она подала гостю руку — нежные пальцы, да уж, эта картошку не пропалывает, белоручка, книги читает. Они церемонно представились. Рут Тойч. Хитров Евгений Александрович.

Он все медлил, не садился. Это уже не был голос его Нюси, как когда они разговаривали по телефону — этот голос принадлежал лицу, которое он рассматривал. Интересно, — подумал Хитров, — что у нее от матери... этот нос, эта вздернутая губа — материны ли?.. кажется, она была красивой, когда этот... этот... да, дьявол... когда этот дьявол ею увлекся. Там, в бункере, с цианистым калием в руках, она уже наверняка выглядела иначе.

— Какого цвета у вас глаза? — спросил Хитров, стараясь вложить в улыбку побольше сердечности и задушевности. — Можно посмотреть? — Она послушно сдвинула очки на лоб. Хитров взгляделся. — Зеленые.

— Зеленые, — подтвердила Рут и вернула очки на место. — Это важно для понимания Дюркгейма? — спросила она.

— Кто знает, — интригуяюще парировал Хитров. — Вы любите лежать на пляже или это случайный загар?

— Люблю лежать, — ответила она сухо. И вероятно, пожалев о своей резкости, добавила более мягко: — И люблю слушать, как шумит море.

Официант оказался настоящим итальянцем: брюнет, пламенный взор — всё, что пользуется спросом в северных краях. На закуску посоветовал небольшие порции spaghetti al fungo^[3], а потом, если господа не хотят мяса, — пиццу по-деревенски, сочную, аппетитную. Графин кьянти.

Ела она с аппетитом, но пила осторожно. Боится, — подумал гость из России, — вино развязывает язык, такого рода veritas ее страшит.

— Почему вы его бросили? — спросил Хитров, когда они заговорили о Дюркгейме.

— Потому что мы отдалились друг от друга. Я без конца с ним ругалась. Его пресловутая «научная объективность» — да ведь это иллюзия, ничего подобного на свете не существует. Изучать общественные явления «без предубеждений»... Это невозможно! Господин доктор, у меня масса предубеждений. И у других наверняка тоже. А у вас?

— Что ж, человек слаб. Но если мы согласимся с ним, что религия и мораль — социальные факты, плод «коллективного сознания»...

— Господин доктор, давайте не будем обсуждать это за пиццей.

— Он не имел возможности проверить свои теории «коллективного сознания» на практике, поскольку умер до революции. Вот если бы ему это удалось...

— То он сказал бы, что ваш коммунизм — религиозная система.

— Не отрицаю.

— Вы отважный человек, господин доктор.

— С вами я не боюсь. Но согласитесь, это относится и к вашему нацизму.

— К их нацизму, — подчеркнула она. — Их! Ко мне это не имеет никакого отношения. Очень рекомендую вино и мороженое.

Гость из Москвы поднял бокал.

— Skol! Но вы не пьете...

— У меня и так голова кружится.

— Тогда расскажите о себе.

— Что же мне рассказывать?

— Как дело дошло до кандидатской в Сорбонне и как вы всё бросили.

— Если вам это интересно... А собственно, почему?

— Любопытство социолога.

— Ну хорошо, любопытство социолога... А зачем вы хватаете меня за руку? Тоже как социолог?

— Простите, инстинкт. Очаровательная ручка.

Она поблагодарила. Потом небольшая пауза, она как будто полностью ушла в себя. Наконец:

— Я родилась без отца.

— То есть?

— Я не знала отца, он погиб до моего рождения. Под Нарвиком. Нет, это было уже под Дюнкерком.

— Сочувствую.

— Не сочувствуете, это ведь враг погиб.

— Враг — но и ваш отец... А мать?

— Во время бомбардировок. Мы жили в Берлине, где-то неподалеку от Рейхстага, адреса я не помню. Трое братьев и сестер, может, четверо, не знаю — откуда я могу знать?.. Когда дом превратился в руины — середь бела дня, представляете? — мама поняла, что я жива — понимаете, у трехлетнего карапуза

всегда больше шансов не попасть под какую-нибудь балку — и она, моя мама, схватила меня на руки и вынесла на улицу.

— Госпожа доктор, я потрясен. Эта мать...

— Правда же? Мы лежали в сквере, на траве, мама прикрыла меня собственным телом. Да, господин доктор, она погибла, спасая жизнь ребенку. Мои братья и сестры тоже погибли, я не знаю ни своего адреса, ни своей фамилии — я была слишком маленькой. Рут — это единственное, что я могла о себе сказать.

— То есть вполне возможно, что ваша фамилия не Тойч.

— Наверняка нет. Фамилию «Дойч» мне дали в детском доме. Вероятно, символически. Я поменяла ее на «Тойч», когда убежала.

— Значит, ребенок выжил, благодаря жертве матери.

— Матери, которая сама погибла, — подчеркнула Рут.

— То есть и вы тоже могли погибнуть во время этой бомбардировки.

— Ни за что бы себе этого не простила, — сказала она и рассмеялась. — Я киноманка. И меня охватывает ужас при мысли о том, что если бы я не уцелела, то лишилась бы целого волшебного мира. Созданного кинематографом. Фильмы Билли Уайлдера. «Бульвар Сансет». «В джазе только девушки». Феллини. Вестерны, Гэри Купер и «Ровно в полдень», Грегори Пек и «Римские каникулы». «Поющие под дождем». Чаплин. «Новые времена» и «Огни большого города» я могу смотреть без конца. Хичкок.

— Эйзенштейн, — подсказал Хитров.

— Эйзенштейн. Пудовкин. «12 разгневанных мужчин». В Матроянни я была влюблена до безумия. В Дастина Хофмана тоже, хотя немного иначе. Небытие отрезало бы меня от всего этого. А вы? — поинтересовалась она. — Вы не ощущаете над собой волшебной власти кино?

— Большинство этих фильмов я не знаю, их не было у нас в официальном прокате.

— Будут в следующей пятилетке.

— Через три. Всё это не объясняет, почему вы бросили карьеру критика и эссеиста.

— Я предпочла преподавание.

— Сжальтесь над социологом из далекой страны, прошу вас.

— Хорошо. Скажу откровенно: я утратила веру в себя.

— Это редкость.

— Подумала: соплячка, откуда у тебя такая самоуверенность? По какому праву ты навешиваешь ярлыки? Тебе не приходит в голову, что ты можешь ошибаться? Ты забыла, что за текстом стоит чей-то упорный труд, бессонные ночи, бесконечные сомнения? — Она пригубила вина. — Вершить справедливый суд? Справедливость — ложный идеал. Необходима чуткость, а не справедливость. Кажется, я вас не убедила.

— Дорогая госпожа Рут, — в голосе Хитрова невольно зазвучали снисходительные нотки. — Я немного знаю эту среду. Бывал в Переделкине, обедал в доме литераторов на улице Воровского. И ни разу не встретил человека, который, зарабатывая себе этим на хлеб, усомнился бы в собственном вкусе.

— То есть вы мне не верите?

— Вам — верю. Вы пережили свою смерть.

Рут заплатила по счету, и он понял, что обед закончен.

— Евгений Александрович, кофе выпьем у меня. Я живу на Момменштрассе, это тихая и элегантная улица, очень зеленая. Я вам покажу свои книги! У меня тысячи книг. Если вы хотите что-то обо мне узнать, вы должны увидеть мои книги.

— Ну, вот скажите, — говорила Рут, ведя его вдоль книжных полок, — разве это не настоящая жизнь? Зачем мне все эти карьеры, диссертации, «Альфа-Ромео»? «Жук», на котором я вас привезла, меня полностью устраивает. В спальне всегда со мной мои любимцы — можно сказать, спутники жизни. Бертран Рассел, американское издание. Хаксли. Поппер. Макиавелли. Согласна: сборная солянка. Но ведь и в жизни так. Как вам этот Токвиль — старинное французское издание? Не думайте, что я гоняюсь за раритетами, нет... и первые издания меня тоже не приводят в экстаз. Хотя... вот этот Монтень... Да, случается... — Смеясь: — Ничто человеческое мне не чуждо. Мое внимание привлекают не только шедевры. Я рада, что познакомилась с популярной литературой, в том числе посредственной. Благодаря этому я узнала людей, о существовании которых раньше даже не подозревала.

Джентльмен-взломщик, беглый каторжник и его безумный преследователь. Девочка, которую подобрал этот галерник...

Девочка и каторжник, ее ангел-хранитель... Она не знает, — подумал Хитров, — как хорошо я понимаю ее болтовню — ей ведь кажется, что она болтает, вернее, она хочет, чтобы я думал, будто это просто беззаботная болтовня, и не знает, насколько всё это для меня прозрачно. — Он заметил, стоя рядом с чашкой кофе в руке:

— Хуже обстоит дело с русскими.

— Великие — есть все. Я люблю Андрея Болконского, Пьера Безухова, но особенно — эту девочку, Наташу Ростову. А здесь Герцен, целых пять томов, по-французски. И чтобы удовлетворить ваш патриотизм — несколько зануд начала столетия с очень трудно запоминающимися фамилиями.

— Я вот все ломаю голову, — заметил он, — почему вы это бросили и занялись учительством.

— Потому что люблю учительство. И потом — я не бросила! Я читаю.

Они сели за столик с фруктами. Хитров настойчиво пытался заставить ее сказать правду, приподнять покров тайны:

— Чтобы научить, что мама мыла раму, не нужны Рассел и Эрих Фромм.

— Ошибаетесь, господин доктор, нужны. Нужна база, всё то, что тебя питало, культурное наследие, созданное человеческим гением. От шумеров до... — она заколебалась — скажем, до Генриха Бёлля. Римлян я не беру — честно говоря, не люблю я римлян. Их отношение к детям, эта Тарпейская скала! Отвратительно. И толпа в цирке, кричавшая гладиатору: убей! Вы знаете, как определял римскую республику Уэллс? «Демократия неандертальцев».

— Это, пожалуй, оскорбительно для неандертальцев, — вставил гость.

— Пожалуй, — согласилась она. Улыбка, мелькнувшая в зелени глаз. — Вот она какая, эта девочка дождя, девочка из-под маркизы, эта Хайди-Рут, — думал Хитров. — Я не рассказываю детям о Монтене, но благодаря Монтеню, лучше их понимаю. Да и себя саму. (По-прежнему прячется). Теперь я знаю, что все дети разные. Все живые существа разные. Нам кажется, что стая белых гусей — словно продукция, сошедшая с одного

конвейера. Это неправда. Вглядитесь в этот снимок. — Она показала ему большую фотографию: сбившиеся в стаю гуси — крупным планом головы на длинных белых шеях. — Видите? Они смотрят в разные стороны. У каждого свои устремления, своя жизнь, и для каждого его жизнь, разумеется, — главное.

— «В мире никогда не существовало двух одинаковых зерен...» — как-то так было у Монтеня, — заметил образованный этнолог из Москвы.

— Именно.

— Но, возможно, господин Монтень преувеличивал, — продолжал пикировку гость.

— Даже если... Эти дети, с которыми я работаю, знают, что стены в квартире фрау Тойч заставлены книжными полками, они уверены, что их учительница много знает — всё знает, так они говорят — я для них человек, достойный доверия. Они рассчитывают на мою мудрость, еще не ведая, что мудрость обманчива. Я почищу вам апельсин. У вас есть апельсины или надо ждать следующей пятилетки?

— Есть. С Кавказа.

— Знаете, что мне больше всего нравится в преподавании? Момент, когда я вижу, как они начинают самостоятельно открывать слова. Читать их. Мама мыла раму. А вот уже и Лара сама моет раму. Они узнают новый мир. Это удивительно. Жадность, с которой они постигают мир, любопытство, настойчивые «почему?». Когда в их глазах сияет разум, зажженный пониманием.

— Не надо меня агитировать.

— Простите.

— Я понял, что для вас в жизни важно. — Хитров загибал пальцы. — Кино. Книги. Учительство. А еще?

Твердо:

— Любовь.

Хитров почувствовал себя, как боксер, пропустивший удар. Она задела его. Дурак ты, Женя, вот ведь дурак, — подумал он, — сам не додумался. Ну, разумеется, любовь. Любовь как приятие бытия. — Он буркнул:

— Ах да, Мастроянни.

— Я сейчас не о щенячьих увлечениях. А о том, когда полностью отдаешься чувству. Студенткой я влюбилась в своего профессора. Вы скажете: так часто бывает, это, в сущности, банально. Но я уже не была подростком, не была девушкой: этап экспериментов над телом — как я это понимала — был пройден. На двадцать лет старше меня, женатый, двое детей.

Она замолчала.

— Не хотел разводиться, — догадался Хитров.

— Я и не требовала. Мы все тщательно скрывали. Для него это было физическое влечение, удовлетворение совершенно нового рода. Однажды я чуть не сорвалась. Ты все говоришь о моем теле, так его боготворишь, и ничего больше. — О чем ты? — услышала я в ответ. — О душе? Что ты умная, способная? Так мы ведь не поэтому на диване кувыркаемся. — А я ему: — Тело, всё тело да тело — когда-нибудь оно увянет. — А душа не увянет? Еще как увянет, и никаким лифтингом ее не спасти! — А потом...

— Что потом?

— Потом он меня бросил.

— Нашел другую?

— Говорил, что нет. Просто устал обманывать жену. Бог с ним. Я ужасно страдала. Несчастливая любовь — знаете, как можно этим упиваться?

— Попытка самоубийства?

— Нет! — воскликнула Рут. — Я предпочитала страдать. — Она заговорщицки улыбнулась. — И описывать свое страдание. Я исписала несколько тетрадей. — Теперь она громко рассмеялась. — Пожалуй, из этого вышла бы какая-нибудь «Новая Элоиза», если бы популярный журнальчик не опубликовал фрагменты дневников одного тогдашнего палача — неважно, кого именно: он признавался, что страдает из-за разрыва с любимой, что у него «разбито сердце» — это у него, лишенного сердца! — Ну уж нет! — сказала я себе. — То, что он, обреченный на смерть тысячи людей, детей — и детей тоже — мог страдать, оскорбляет само это чувство. И я решила: со страданиями покончено. Теперь я стану любить только счастливой любовью.

— Прекрасная клятва, — ответил Хитров. Он знал, о чьих дневниках идет речь. И какой негодяй жаловался, что у него «разбито сердце». Приближалась минута, когда ему придется признаться в том, что он знает. — Сдержали слово? — поинтересовался он.

— В общем и целом.

Рут пригубила зеленого куантро.

— Мне не следует пить, — сказала она. — Но есть, за что выпить. Вы знаете, меня всегда привлекали мужчины старше.

— Вы выросли без отца...

— Не надо упрощать, прошу вас. Мужчины опытные, мудрые. О, таких немного. Когда мне было лет пять, не больше, обо мне заботился один русский майор. Всего час или два, но я никогда его не забывала (на сей раз сердце не затрепетало, а сжалось, словно на него положили камень). У него была такая теплая ладонь. В нем было столько доброты и мудрости. — Рут засмеялась. — Я в него влюбилась. Он написал мне на листочке свою фамилию: майор Хазин. «Время пришло», — понял бывший младший лейтенант.

— Семен Яковлевич, — произнес он.

Рут посмотрела на него, потрясенная.

— Что ты сказал?!

На «ты». Как тогда!

— Семен Яковлевич Хазин.

— А ты...

— Женя.

— Женя! Помню! Женя, Женя! Это ты меня отвез.

Хитров обнял ее. Рут спросила, прижимаясь к нему:

— Можно я поплачу?

— Имеешь полное право.

Они постояли, обнявшись, Рут шепнула:

— Ты тоже... У тебя глаза мокрые.

Улыбка засияла сквозь слезы.

— Хайди, Хайди, — повторял он. — Я нашел тебя!

— Хайди? С тебя фант! — воскликнула она.

Оба расхохотались. Потом:

— Я писала ему. Из Франции, из Сорбонны. Хотела рассказать, что добилась успеха. Что работаю над диссертацией. Никитский бульвар, дом десять. Письмо вернулось. Адресат неизвестен.

— Он умер, — сказал Женя.

— Я так и думала. Он был одинок?

— Нет-нет. Нашелся кто-то, кто был рядом. После войны ни один мужчина не остался одиноким. Мужиков страшно не хватало.

— Как и здесь. Он говорил, что его дети погибли. Как это случилось — он выжил, а дети — кажется, вместе с матерью — убиты?

— Погибли в Бабьем Яру, в Киеве. Он был на фронте — мобилизовали как хорошего германиста. Немецких генералов допрашивал.

Рут тяжело опустилась на кресло.

— Боже мой, — сказала она тихо. — О чем ты думал, слушая мое вранье? Мама, которая меня спасла... прикрыла собственным телом...

— Думал: какая прекрасная ложь.

— Вот только не надо никаких «*si non e vero...*»^[4]. Никаких банальных утешений. Ты тоже врал! — воскликнула она удовлетворенно.

— Врал. Рут, мне надо выпить. Чего-нибудь покрепче, шнапса. Ситуация обязывает.

Рут вскочила с кресла и подошла к бару. — Вот! — сказала она, доставая из светящегося барного нутра бутылку. Налила полстакана водки. Только ему.

— А ты? — спросил Хитров.

— Мне нельзя пить. — Пауза и наконец: — Я беременна.

— Рада?

— Очень. Могу пригубить ликера. Мальчику во мне это не повредит.

Словно ритуал спустя годы: он — залпом — полстакана «смирнофф», она глоток куантро. Улыбнулась:

— Женя, я вижу — у тебя какое-то смутное выражение лица. Спокойно: я замужем. Все хорошо. Он американец, похож на Джеймса Стюарта. Даже зовут Джимми. Сейчас ты его увидишь, он скоро вернется с работы. Работает в супермаркете.

— Кассиром?

— В дирекции. Ответственный за качество. Джимми закончил несколько факультетов — товароведение, менеджмент... Говорим мы, в основном, по-английски.

— Рут, а он знает?..

— Нет, не знает. Зачем ему знать?.. Вдруг это окажется для него трудно? Он знает историю о маме, которая вытащила ребенка из-под бомб и прикрыла собственным телом. Знает о детских домах. То есть получается, какая-то доля правды ему известна.

— Рут задумалась. — Когда-нибудь — да, когда-нибудь обязательно... Когда мы оба повзрослеем.

Женя налил себе минеральной воды.

— Я был в Обервинтер, — проговорил он, отводя глаза.

— Тогда ты знаешь... Я не в обиде на того мальчика. Более того — кое-чем я ему обязана. Тем, что узнала, что тогда происходило — это он заставил меня узнать. Почему он кричал «сумасшедшая»? Что он знал такого, чего не знала я? О Нюрнбергском процессе воспитатели нам не рассказывали. Те, что сидели на скамье подсудимых, у нас дома не бывали. Денниц, Кейтель, Риббентроп, Геринг — никто из них. Разве что Шпеер — он приносил игрушки, а мама сокрушалась, что нас балуют — немецкие дети должны воспитываться в строгости... да всё это тебе хорошо известно.

— Вот ты узнала правду. Как ты это восприняла? Для такой девочки, как ты, это должно было стать потрясением. Истерика, слезы.

— Я приняла это с тяжелым сердцем — не более. Я ведь знала, что мать пыталась меня отравить. И безумный якобы отец —

тоже

— Сын Ганса Франка написал книгу, направленную против отца.

— У меня не было такой потребности. Это не мои родители! То, что я появилась на свет из этого живота, из этих сперматозоидов — чистой воды случайность. Я — это я. Только я! У меня нет с ними ничего общего. Да, существует заповедь «Чти отца твоего и мать твою», но как их чтить? Сказано еще: «Не убий!» Какая заповедь важнее? Церковь трактует их наравне. Но мы знаем, что они не равны, что «не прелюбодействуй» или «не произноси ложного свидетельства» не имеет такой силы, как «не убий».

— Есть страны, — сказал Хитров, который как-никак был старше, — где прелюбодеек побивают камнями, а убийц почитают героями.

— Женя, в Европе, правда, женщин не побивают камнями, но памятников убийцам понаставлено до черта.

Звук открывающейся двери.

— Джимми? — воскликнула Рут и сорвалась с кресла.

Бормотание на английском языке, что-то вроде «Well, it's me»^[5] — в нос, как ковбой в кино.

— Джимми! — продолжала Рут. — Идем, у нас гость из Москвы, я вас познакомлю.

Держит ситуацию под контролем.

— Минутку, — ответил тот.

Шаги. Хитров поднялся с кресла. На пороге стоял мулат. Высокий, худой, улыбающийся Джеймс Стюарт с темно-оливковой кожей. Он поцеловал Хайди, то есть Рут. Она представила их: — Джимми, мой муж. Господин доктор Хитров из Москвы, мой старый друг. — Nice to meet you^[6]. (Он). — Мне очень приятно... Вы были баскетболистом?

— Каждый кем-нибудь был, — небрежно парировал муж Рут.

— Джимми, — сказала Рут, — есть бефстроганов, подогрей себе с рисом, только смотри, чтобы не подгорело, а нам надо закончить разговор...

Муж отдал честь.

— Yes, Madame.

Когда он вышел, Рут спросила, с улыбкой разглядывая гостя:

— Ты удовлетворен?

— Можно было догадаться. Хотя, честно говоря, я предполагал, что это будет еврей.

Она рассмеялась.

— Я тоже. Но самых классных евреев уничтожили. А эти, теперешние... — Пренебрежительно махнула рукой. — Так, остатки...

Рут вдруг посерьезнела. Спросила шепотом, видимо, боясь, что услышит муж-мулат:

— Женя, а это может передаваться по наследству?

— Что?

Еще тише:

— Безумие.

Он знал, что ответить. Что нужно ответить.

— Рут, это не было безумием. Это хуже. Дефект личности. Фанатизм, который ослепляет, создает особую реальность. Это не наследуется. Это отбраковывается.

— Ты уверен? — переспросила Рут, внимательно глядя на него.

— Клянусь!

Она поцеловала Хитрова. Потом наклонилась к своему куантро.

— Женя, и все же есть человек, которого я обожаю.

Игра. Ну что ж...

— О, это небезопасно.

— Правда! Я обожаю нашего канцлера. У меня прямо культ личности.

— Ужасно. И ты готова отдать за него жизнь?

— Я готова пойти на выборы и отдать за него голос.

— Это уже немало, — сказал гость из Москвы, подражая ее интонациям.

— Но только если не льет дождь. Если будет лить холодный дождь, я предпочту остаться дома. — Гордо подняв голову: — Я — дочь Солнца.

Гость из Москвы кивнул на окно:

— Слышишь? Гремит. Предупреждаю: будет ливень.

Рут улыбнулась:

— Ну и пусть себе будет, ничего страшного. — Она воскликнула:

— Джимми! Джимми! Ты слышал, как гремит? Джимми!

Почему ты не отвечаешь?

— Я читаю.

— Вечно эта газета за едой, — проворчала Рут. — Неисправим. Джимми, как тебе мясо?

— Хорошо, как всегда. Прости, но это просто потрясающе! Ты должна прочитать. Оказывается, какой-то швейцарский толстосум заявил о своих правах на дневники Геббельса! Ты слышала?..

— Спокойно, — шепнул Женя.

— Права на дневники? Чьи дневники? — выдавила из себя Рут.

— Геббельса! Был такой тип при Гитлере. Ты не знала?

Женя стиснул ее руку.

— Спокойно, — повторил он.

Рут кивнула головой: я справлюсь. И ответила:

— Да, был такой, я знаю. Так ты говоришь, он оставил дневники? Но нам-то какое дело до них?!

— Это же огромные деньги! — кричал из кухни Джимми. — Этот швейцарский прохиндей подал в суд на историка, процитировавшего дневники. И отсудил себе часть гонорара. Неплохо, а? Вот бы нам такой бизнес.

Женя стоял на пороге кухни.

— Джимми, — сказал он без улыбки. — Это не бизнес, это мерзость!

— Ясное дело, мерзость, — согласился Джимми.

Женя вернулся в гостиную и обнял дрожащую Рут.

— Все хорошо... Было и прошло.

— Женя, это никогда не пройдет.

Снова загремел гром.

— Слышишь? — говорил Женя. — Станет легче дышать...

Рут закричала:

— Джимми, опять гремит! Закрой окна! Ты слышал? Будет ливень!

14 марта 2011 г.

-
1. Внимание! Враг подслушивает!» (нем.) — название книги Х.Х. Гроте о шпионаже во время Первой мировой войны (1930), ставшее девизом, под которым в Германии во время войны проводилась кампания, направленная на повышение бдительности населения.
 2. Одну минутку (англ.)
 3. Спагетти с грибами (итал.)
 4. Si non e vero e ben trovato (итал.) – Если это не правда, то хорошо придумано.
 5. Да, это я (англ.).
 6. Приятно познакомиться (англ.).

ПРОЧТЕТ ЛИ ЭТО ЭВА ДЕМАРЧИК?

С Ангеликой Кузняк и Эвелиной Карпач-Оболадзе, авторами книги «Черный ангел. Повесть об Эве Демарчик^[1]», беседует Катажина Сурмяк-Доманская

«Если уж она любила, то любила страстно. Пропадала в любви, напрочь теряя голову. Когда милиция выводила Р. в наручниках, Эва повисла у него на шее, и милиционеры тащили их обоих вместе».

— Во введении вы написали: «Эву Демарчик мы благодарим за “непрестанное странствие по нашим эмоциям”». Было тяжело?

Ангелика Кузняк: «Я все время странствую по эмоциям, настроениям, по чувствам». Это ее собственные слова, сказанные еще в 60-х годах. Мы имели в виду эмоции, которые доставляло нам прослушивание ее песен, столь любимых нами.

Эвелина Карпач-Оболадзе: А ты что подумала?

— Что речь идет о напряжении, которое сопутствует работе репортера, когда тот пишет о ком-либо, кто не хочет, чтобы о нем писали.

Э.К-О.: Но мы же не знаем, хочет она или не хочет.

А.К.: Знаем только, что сама она говорить не захотела. (...) Недавно кто-то спросил, не собиралась ли я, чтобы подкараулить свою героиню, поставить палатку рядом с ее домом. Но что бы это дало? Какой смысл насильно пытаться поговорить с кем-то, кто не хочет разговаривать? К чему? Не вижу причины, ради которой мне следовало бы преследовать Эву Демарчик.

Э.К-О.: Однако на недавней встрече с читателями в «Фактическом доме культуры» в Варшаве некий пожилой господин представился как друг Эвы Демарчик и сказал, что о данном мероприятии узнал именно от нее!

— Вы разговаривали с несколькими десятками людей, которые знали Эву. Не ставили ли они сотрудничество с вами

в зависимость от ее согласия? Они спрашивали вас, будет ли говорить сама Эва Демарчик?

А.К.: Конечно, спрашивали. Мы отвечали, что, скорее всего, нет. Ведь мы и сами до конца не знали. Но по выражениям их лиц мы видели, что это риторический вопрос. Ведь уже 15 с лишним лет она не дает никаких интервью.

— Догадываетесь почему?

А.К.: Может быть, ответом являются слова Эвы Демарчик, которые после беседы с ней записала Тереса Торанская. У нее в архиве мы нашли листок со словами певицы: «Я разочаровалась в людях».

Э.К-О.: Некоторые задавали этот вопрос, потому что сами давно потеряли с ней контакт и просто хотели узнать, как у нее дела.

— Представь, что кто-то пишет книгу о твоей знакомой и просит тебя рассказать о ней, а ты знаешь, что эта знакомая прочтет все, что ты скажешь. О какой свободе и искренности может идти речь в такой ситуации?

А.К.: С этим никаких проблем не было. Люди говорили намного больше, чем нам требовалось. Намного больше, чем мы могли использовать. Намного больше, чем мы хотели услышать. Порой я думала: «Умоляю — хватит, достаточно!»

Э.К-О.: Хотя вначале обычно чувствовалось некоторое недоверие, люди боялись чересчур личных вопросов. Со многими мы встречались по несколько раз. Необходимо было дать им время, чтобы они освоились, подумали над тем, что стоило бы рассказать. Но потом, когда они уже чувствовали себя свободно... Иногда нам хотелось заткнуть уши.

А.К.: А были и такие, которые во имя лояльности по отношению к Эве Демарчик вообще отказывались говорить. Зато они наводили нас на след, называя самих себя секретными сотрудниками.

— А не случилось ли так, что половина сказанного под горячую руку вылетала потом из текста в процессе его авторизации?

А.К.: Что ты! Мы сами были вынуждены цензурировать.

Э.К-О.: В подобных разговорах звучало много оценочных суждений. Но, если кто-то рассказывает о своих личных конфликтах, занозах в сердце или претензиях, а мы лишены

возможности сопоставить сказанное с мнением второй стороны, то ведь так не годится. Поэтому многие вещи, любопытные с точки зрения подглядывающего, в конечном итоге попадали в корзину.

— Эта ваша осторожность ощущается очень отчетливо. Едва ли не в каждом предложении у вас присутствуют ссылки на чьи-нибудь слова. Всё, о чем вы пишете, обставлено примечаниями и сносками, число которых даже чрезмерно. К примеру, написано: «Перед выходом на сцену она одеревенела от волнения», — и тут же ссылка.

Э.К-О.: Либо везде, либо нигде. Такая у нас была концепция. Мы показываем Демарчик глазами людей, которых она встречала на своем пути. У нас не было возможности оставить в этой истории свой личный след. Большинство высказываний авторизовано.

— Почему вы решили писать вдвоем?

А.К.: Когда я начинала «Черного ангела», то как раз заканчивала свою предыдущую книгу под названием «Папуша» и понимала, что самой мне не справиться. Не потянуть. Поэтому предложила сотрудничество Эвелине, которую знала по работе на радио. Поначалу мы собирали материал вместе, но время подгоняло, и я пришла к выводу, что нет смысла дублировать друг друга. В итоге Эвелина потом главным образом ездила по стране, собирала материалы, а я обрабатывала то, что она привозила.

— Ангелика, «Черный ангел» — это твоя очередная, после «Марлен» и «Папуши», книга, посвященная одной героине. Ты предпочитаешь писать о живых или об умерших?

А.К.: Об умерших наверняка легче. Если бы Эвы Демарчик не было в живых, — к счастью, это не так — мы, скорее всего, нашли бы больше материала. Но был еще один аргумент в пользу того, что написать эту книгу нужно как можно скорее. Это время. Когда герой жив, то живы и люди, которые его знают.

Э.К-О.: Некоторым из них перевалило за 80. Во многих случаях это была последняя возможность поговорить с ними.

— То, чего наверняка не хватает в вашей книге, — это интимной жизни Эвы Демарчик.

А.К.: Для меня самым важным было не обидеть ее. К нам, правда, не поступала информация, что Эва Демарчик не хочет,

чтобы появилась наша книга, но, принимая во внимание, как она замкнулась в молчании, некоторых вопросов мы предпочитали не касаться. Впрочем, не слишком ли часто в биографиях, которые пишем, мы концентрируемся на частной жизни наших героев?

— Интересно, а что вообще можно сказать при таком количестве ограничений. Что вам стало известно об Эве Демарчик, кроме тех вещей, о которых вы не могли рассказать?

А.К.: Например, почему она ушла с эстрады. И еще для меня стал понятен процесс превращения Демарчик из наивной девушки в зрелую артистку. Мы показываем его очередные этапы: «Ангел», «Мадонна», «Ревекка» и, наконец, «Пейзаж после битвы». Мы концентрируемся на ее сценической жизни, и здесь нам удалось понять и открыть много нового.

— Часто, однако, цитируя при этом другие источники. Что нового вы предлагаете читателю?

Э.К-О.: А разве ты знала все, о чем прочитала?

— Естественно, нет. Скажем, не знала, что Эва Демарчик начала плохо петь.

Э.К-О.: Вот видишь. Ты сама себе ответила.

— Но я никогда не занималась творчеством Демарчик.

А.К.: Согласна. Для людей, которые ведут собственные скрупулезные изыскания, наша книга, скорее всего, не станет переломной. Но сколько таких людей? Пять процентов? Из мнений, которые до нас доходят, следует, что для многих то, о чем мы рассказываем, было настоящим открытием. К примеру, совершенно неправдоподобный перфекционизм певицы. В этом она была похожа на Марлен Дитрих, которая проверяла перед концертом, не отклеиваются ли обои в зрительном зале. Эва Демарчик возила с собой на выступления по всему миру, в частности, на Кубу, тюки черного материала, который в случае необходимости расстилали на сцене. А приступы ярости перед концертом, в которые Демарчик впадала словно намеренно, поскольку нуждалась в адреналине? Зачастую ее музыканты сами провоцировали скандалы, зная, что они необходимы ей для хорошего выступления. Или тот факт, что после каждого концерта она покидала сцену, став на два кило легче. Порой теряла сознание в артистической уборной. Все это казалось мне более интересным, нежели флирты и романы. Принимаясь за

эту работу, мы знали совсем мало. Что был «Погребок под баранами», легендарное краковское кабаре, где Демарчик царила в 60-е годы, что был знаменитый парижский зал «Олимпия», что был создатель, художественный руководитель, режиссер, сценарист и конференсье «Погребка» Петр Скшинецкий, что был театр... У нас имелся скелет. Но не было того, что превращает его в живой организм.

— «Черный ангел» — это репортаж или биография?

А.К.: Репортаж.

Э.К-О.: Наверняка не биография.

А.К.: Репортажная повесть.

— Печально, что, когда вы писали об ее браке, то не могли даже привести полное имя и фамилию супруга. Осталась одна только начальная буква, таинственный господин Р.

А.К.: Защита личных данных. У него новая жизнь.

— Фамилия супруга или супруги — это обычно факт, появляющийся в табличке Википедии где-то рядом с датой рождения. А этот брачный союз испарился из биографии Демарчик как нечто ничтожное, преходящее, мимолетное.

Э.К-О.: Без всякого сомнения, этот союз не был ничтожным. Эмоционально он был чрезвычайно сильным. Если уж Эва Демарчик любила, то любила страстно. Пропадала в любви, напрочь теряя голову. Когда милиция выводила Р. в наручниках, Эва повисла у него на шее, и милиционеры тащили их обоих. У одного из блюстителей порядка было расцарапано лицо. Лишь когда певица увидела у владелицы кафе на краковской Рыночной площади свою пропавшую брошку, которую та купила у Р., она поверила, что муж ее обворовывал.

— Вокруг столь харизматической артистки должна была быть толпа влюбленных мужчин, причем не только обманщиков и мошенников!

Э.К-О.: Так ведь она и была! Вот возьмем тот фрагмент, где кто-то из актеров-сокурсников по краковской театральной школе рассказывает, что когда Эва влетала в аудиторию с размазанным макияжем, то в нее с ходу все влюблялись?

— Вернемся на сцену. Мне ваша книга позволила осознать, насколько новаторскими были для тех времен

интерпретации Демарчик. И какой необыкновенный дуэт создали они с композитором Зигмунтом Конечным.

А.К.: Довоенное стихотворение Юлиана Тувима «Grande Valse Brillante»^[2] раньше пел Мечислав Свенцицкий. В его исполнении эта песня звучала как душещипательный вальс. А балладу «Карусель с мадоннами» поэт-авангардист Мирон Бялошевский написал, как он сам говорил, в стиле народной припевки. Трудно поверить, правда?

Э.К-О.: Известный филолог и литературный критик проф. Казимеж Выка был очень недоволен, когда узнал, что Демарчик намеревается петь стихи погибшего в Варшавском восстании 23-летнего Кшиштофа Камиля Бачинского. И говорил: «Ну, знаете ли, уважаемая, ведь все-таки это Бачинский — а тут песенка...»

— Сегодня без ее хищного голоса эти произведения словно бы никогда и не существовали.

А.К.: Когда она спела в Сопоте «Военные стихи» Бачинского, профессор отправил ей телеграмму: «Прошу у Вас прощения. Казимеж Выка».

Э.К-О.: Для нее самым важным было петь так, как ей хотелось. Именно так, как она придумала. На сцене Демарчик не соглашалась ни на какие уступки. Ни разу не переделалась ни для кого, не спела на другом языке, если сама того не хотела...

А.К.: Ее нельзя было «купить». Это, пожалуй, и объясняет тот факт, что ни одно издательство не сумело убедить ее дать обширное интервью, которое могло бы, например, стать основой автобиографической книги. А мы знаем, что такие попытки предпринимались.

— А вы сами встречались с ней лично?

А.К. и Э.К-О.: Нет.

— Никогда не были на ее концерте, не просили автограф? Даже не видели живьем на улице?

Э.К-О.: Нет.

А.К.: Нет.

— Я тоже нет.

А.К.: Для меня Демарчик долгие годы ассоциировалась с черной виниловой пластинкой времен моего детства. Она сохранилась у меня по сей день, и я слушаю ее на совмещенном с проигрывателем ламповом радиоприемнике, сохранившемся с 60-х годов. Причем слушаю на большой громкости, потому что иначе гудение ламп заглушает музыку.

Э.К-О.: Мое первое воспоминание — это магнитофонная аудиокассета, на которую кто-то переписал пластинку «Эва Демарчик поет песни Зигмунта Конечного» и собственными руками изготовил для нее коробочку, иными словами, срисовал фотографию с конверта той самой пластинки.

— Я как-то не представляю себе, чтобы кто-то слушал Демарчик на компакт-диске.

А.К.: Поверишь ли, что на Фейсбуке мне недавно попалась следующая запись: «Кто она такая, эта дамочка? Может, моя бабуля ее помнит». Или на YouTube: «Прекрасно поет. Жаль, что никто ее не знает».

Э.К-О.: Когда нас спрашивают, зачем эта книга, — так вот, именно ради этого.

— Сколь печален этот, как вы его назвали, «пейзаж после битвы», когда художник не в состоянии смириться с тем, что его величие уже в прошлом. Но, с другой стороны, достаточно вспомнить жизнеописания других великих звезд, чтобы понять, что данный случай отнюдь не единичен.

Э.К-О.: Я не была бы так уверена, что она не смирилась. Ведь она же ушла с эстрады.

— Но у нее на счету есть несколько неудачных концертов.

А.К.: Возможно потому, что даже когда она пела действительно плохо, когда не вытягивала верхние ноты, зрительный зал все равно вставал и награждал ее овациями, которые длились по несколько минут. Постоянно были люди, говорившие, что она задела их за живое. Если бы не это, Демарчик, наверно, ушла бы со сцены раньше. Здесь я снова играю в угадайку. Быть может, она не только давала публике что-то, но и получала что-то взамен. Уж не энергию ли, которая позволяла ей глубже дышать? Вспомни Марлен, которая выходит на сцену абсолютно пьяная, сваливается с нее, ломает ногу и все равно продолжает бормотать: «Я буду петь. Буду петь». Может, для артиста пребывание на сцене — это такой вид зависимости?

— А как насчет Айседоры Дункан, оплывшей и нетрезвой, которая подтанцовывала в образе нимфы? Я была на одном из последних концертов известного певца, поэта и композитора Марека Грехуты, который, если смотреть объективно, был ужасным. Но в зрительном зале все были восхищены. Собственно говоря, я тоже.

Э.К-О.: Недавно я получила письмо от одного человека, который вложил в конверт собственное фото с запиской, что именно так он выглядел, когда ходил на концерты Эвы Демарчик.

А.К.: В какой-то момент речь идет уже не только о пении. Люди смотрят на нее и думают о своей молодости, погружаются в воспоминания. Мы, впрочем, тоже.

Э.К-О.: На авторскую встречу пришла масса народу, в основном пожилые люди. В конце пустили запись ее песни «Grande Valse Brillante». Все слушали в абсолютной тишине. Потом мы попросили человека, сказавшего, что он узнал о данной встрече от Эвы Демарчик, сообщить певице, как сосредоточенно аудитория выслушала ее исполнение.

А.К.: Но тот лишь махнул рукой: «Лучше не буду, а то она еще разнервничается из-за того, что мы публично крутим произведения без ее согласия».

— В полной мере осознавая, что Демарчик прочтет вашу «Повесть», каких фрагментов вы больше всего опасались?

А.К.: Того, который о муже-уголовнике.

— А вы случайно не знаете, как она отнеслась к вашей книге? Потому что похоже, что она ее все-таки прочитала.

А.К.: Официально — не прочитала. А неофициально — думается, она с ней все же ознакомилась.

Э.К-О.: Больше всего ее задело вовсе не то, что касалось мужа. И даже не описания последних концертов. Говорят, что сильнее всего она обиделась из-за рассказа о рукавах.

— О каких рукавах?

А.К.: Мы написали, что мама Эвы Демарчик, которая занималась шитьем одежды — причем половина «Погребка» расхаживала в изготовленных ею нарядах, — иногда шутки ради кроила кому-нибудь платье, где один рукав был короче другого. Оказалось, Эва Демарчик сочла, что эта история бросает тень на профессионализм Янины Демарчик, которая

была — и многие это подтверждают — превосходной портнихой.

Книга Ангелики Кузняк и Эвелины Карпач-Оболадзе «Черный ангел. Повесть об Эве Демарчик» (238 стр.) вышла в издательстве «Знак» в 2015 году.

1. Певица получила прозвище «Черный ангел» из-за манеры неизменно выступать в черном платье, а также потому, что одна из ранних и наиболее известных ее песен носила название «Черные ангелы». Здесь и далее прим. пер.
2. Именно так называется одна из самых известных пьес Ф. Шопена (оп. 18; в переводе — «Большой блестящий вальс»). Но в музыке песни З. Конечного шопеновские мелодии никак не используется.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Событием в предвесенней Варшаве стала большая выставка Ольги Бознанской в Национальном музее. Показанная ранее в несколько ином формате в Кракове, экспозиция била рекорды популярности, собрав 56 тысяч зрителей.

15 апреля 2015 года исполняется 150 лет со дня рождения художницы, и именно это событие стало поводом обратиться к ее творчеству. Ольга Бознанская (1865–1940) — одна из наиболее оригинальных и ценимых в мире польских художниц. Дочь француженки и поляка, родившаяся в Кракове, она в 33 года переехала в Париж и добилась там большого успеха, прежде всего, как портретист.

— Это одна из первых профессиональных художниц, получивших международное признание, — рассказала Агнешка Моравинская, директор Национального музея в Варшаве. — Она поочередно жила в Кракове, Мюнхене и Париже, имела международную клиентуру, с успехом выставлялась во многих городах Европы и Америки. Получала премии, была членом международных и польских художественных объединений.

На варшавской выставке мы увидим известные автопортреты художницы, портреты членов ее семьи, аристократов и детей, а также немногочисленные в ее творчестве пейзажи и натюрморты (она никогда не писала на пленере, а ее пейзажи — это городские виды из окна мастерской). Работы Бознанской — и это вызывает дополнительный интерес к выставке — экспонируются вместе с произведениями Уистлера, Веласкеса, Мане, Анри Фантен-Латура и японскими ксилографиями.

Выставка открыта до 2 мая.

Национальная филармония в Варшаве в марте праздновала 80-летие Тадеуша Стругалы. Знаменитый дирижер сам провел два юбилейных концерта, включавших, в частности, произведения Петра Чайковского, Феликса Мендельсона, Франца Шуберта и Густава Малера. На концертах вместе с дирижером-юбиляром выступил израильский скрипач Вадим Глузман.

Тадеуш Стругала (р. 1935, в Катовице) за свой труд удостоен многочисленных премий и наград, в том числе «Алмазной дирижерской палочки» за «выдающиеся заслуги перед

польской и мировой музыкальной культурой и в знак признания дирижерской деятельности, особо значимой для польской музыкальной жизни».

22 марта открылся, уже в 19-й раз, Пасхальный фестиваль Людвига ван Бетховена — одно из крупнейших и важнейших музыкальных событий в Польше. Мероприятие продлится до 3 апреля.

— Уже сам эпиграф фестиваля: «Бетховен — последователи и продолжатели: Брамс, Малер» определяет его главную линию. Мы услышим произведения Бетховена, Брамса и Малера, а также произведения других композиторов, созданные в этот период, — сказала Эльжбета Пендерецкая, генеральный директор фестиваля.

Прозвучат также произведения композиторов стран бассейна Балтийского моря: Яна Сибелиуса, Эдварда Грига, Арво Пярта, Войцеха Киляра, Кшиштофа Пендерецкого и Гедиминаса Гелготаса из Литвы. Поклонников оперы ожидает широкая презентация творчества Пьетро Масканьи, приуроченная к 70-летию смерти композитора.

Финальный концерт Пасхального фестиваля Людвига ван Бетховена состоится в Страстную Пятницу. На сцене Национальной филармонии выступит Национальный катовицкий симфонический оркестр Польского радио и Хор краковской филармонии под управлением Александра Лебрейха. В программе, наряду с «Kindertotenlieder» Густава Малера и «Schicksalslied» Иоганнеса Брамса, предусмотрена польская предпремьера композиции «Dies illa» Кшиштофа Пендерецкого, написанная по случаю 100-летия начала Первой мировой войны.

Фестивальные концерты будут проходить также в других городах Польши — в Гданьске, Катовице, Ополе, Радоме, Жешуве, Вроцлаве, Щецине.

Хорошие времена для поэтов! 1 марта в Варшаве начался очередной этап пропагандирующего европейскую поэзию проекта «Стихи в метро». Несколькими днями позже мы узнали, что лауреатом Международной литературной премии им. Збигнева Херберта стал Рышард Крыницкий. Конечно же, поэт, но также переводчик (в частности, Пауля Целана) и издатель (один из основателей «Издательства a5»). Рышард Крыницкий (р. 1943) издал более 15 поэтических книг, за последнее время, в частности, стихотворный сборник «Камень,

иней», «Избранные стихи», подборки «Перечеркнутое начало» и «Хайку. Хайку мастеров».

Как сказал американский поэт Эдвард Хирш (в нынешнем году председатель жюри), «Крыницкий ответил на послание Збигнева Херберта, создавая поэзию на высшем уровне серьезности, стремящуюся к концентрации и аскезе. Не отказываясь от выраженной ангажированности, она не поддавалась тому, что Херберт называл «лепетом с трибуны» и «черной пеной газет», стремясь к противоположному — к языку едва ли не сакральному». Лауреату вручат премию 12 мая на торжественной церемонии в «Театре Польском» в Варшаве.

Еще одного поэта наградил польский ПЕН-клуб. 9 марта в Доме литературы в Варшаве Адам Загаевский получил премию им. Яна Парандовского.

Родившийся во Львове в 1945 году поэт, эссеист, прозаик и переводчик, представитель поколения «Новой волны», подписавший «Письмо 59-ти», с 1976 года подвергшийся цензурному запрету, в 80-е эмигрировавший в Париж Адам Загаевский уже много лет фигурирует среди кандидатов на Нобелевскую премию по литературе. В своем выступлении лауреат сказал, что в 70-е годы, когда он начинал литературную карьеру, ему случалось «хулиганить», что принципиально не сочетается с образом патрона премии — почтенного классика польской литературы. Загаевский вспоминал, как школьником (да и позже) он читал книги Парандовского, такие как «Небо в огне», «Король жизни», «Алхимия слова», «Мифология». И признался, что лишь спустя годы сумел оценить искусство слова автора «Средиземноморского часа».

Лауреат также заметил, что XX век безжалостно давил людей, да и нынешнее столетие в целом не уступает предыдущему. Премию ПЕН-клуба им. Яна Парандовского поэт назвал одной из самых мягких форм давления.

Жюри под руководством Мацея Зарембы-Белявского назвало десять произведений, номинированных на премию им. Рышарда Капустинского за литературный репортаж. Семь из них вышли из-под пера польских авторов. Номинированная десятка это: «Время секунд хэнд» Светланы Алексиевич, «Бексинские. Двойной портрет» Магдалены Гжебалковской, «Жить — этого мало. Заметки об утрате и поиске надежды» Изы Михалевич, «Чудесная» Петра Нестеровича, «Лучшая обувь в мире» Михала Ольшевского, «Короткая остановка по дороге из Освенцима» Горана Розенберга, «Глаза, запорошенные песком. Заметки из Палестины» Павла Смоленского,

«Танцующие медведи. Репортажи из трансформации» Витольда Шабловского, «Последний круг. Самая опасная тюрьма Бразилии» Друзь Варелли и «Ангола» Эвы Винницкой. Кто войдет в финальную пятерку мы узнаем в апреле, а имя лауреата — в середине мая.

Первым лауреатом переводческой премии для переводчика им. Рышарда Капустинского стала, за совокупность творчества, Вера Вердиани, автор многих переводов польских произведений на итальянский язык, в том числе 15 книг самого Капустинского. Премия была вручена 4 марта, в 83-ю годовщину со дня рождения автора «Императора», во время итальянского вечера в варшавском кинотеатре «Атлантик». На сегодняшний день произведения Капустинского переведены на 39 языков.

Петр Нестерович за репортаж «Чудесная» получил 6 марта в Белостоке литературную премию им. Веслава Казанецкого. В решении о присуждении премии отмечается, что Нестерович — это «Колумб белостокской литературы, ищущий неизвестную землю». Репортаж напоминает о так называемом заблудовском чуде 1965 года, когда на лужайке в Заблудове 14-летней девочке явилась Богоматерь. Массовые паломничества со всего Подляшья вызвали не только раздражение народной власти, но и неодобрение Католической церкви. Литературная премия президента Белостока им. Веслава Казанецкого (1939–1989) присуждается авторам, связанным с городом. Патрон премии — поэт, прозаик и публицист — был родом из Белостока.

Целых 66 названий отобрало для конкурса нынешнего года жюри литературной премии Центральной Европы «Ангелус». Среди польских книг — «Мать Макрына» Яцека Денеля, «Пой о садах» Павла Хюлле, «Восток» Анджея Стасюка и «Якубовы книги» Ольги Токарчук. Финальная семерка будет объявлена в начале сентября, а имя победителя мы узнаем 17 октября во время торжественной церемонии в музыкальном театре «Капитоль» во Вроцлаве.

В конце марта в Лодзи открылся фестиваль «Лабиринт знаков 2015. Умберто Эко в Лодзинском университете». Фестиваль продлится до 7 июня. Запланировано более 20 мероприятий, в том числе дискуссии, касающиеся творчества Умберто Эко, городские игры, ночь литературы, творческие мастерские для учащихся лицеев, ярмарки, семинар для учителей. 24 марта Лодзинский университет присвоил автору «Имени розы» титул почетного доктора. Состоялась также Международная семиотическая конференция «Знак — мысль — слово — дело» с

участием писателя. На 6 мая запланирована польская премьера последнего романа Умберто Эко «Нулевой номер» (в польском переводе «Тема на первую страницу»). Действие романа разворачивается в 1992 году. Главный герой — пятидесятилетний сеньор Колонна, который в течение года наблюдает за работой редакторов одной из газет. Как пишут в аннотациях: «работа над очередными номерами обнажает механизмы лжи и манипуляции, которые пользуются СМИ».

2 марта в Варшаве вручали польские кинопремии «Орел». Главным победителем оказался фильм Лукаша Пальковского «Боги» — рассказ о профессоре Збигневе Религе. Картина получила семь «Орлов», в том числе за лучший фильм, за режиссуру, за лучшую мужскую роль первого (Томаш Кот) и второго плана (Петр Гловацкий). «Боги» были также награждены «Орлом зрителей». Четыре статуэтки получил «Город 44» Яна Комасы, посвященный молодым участникам Варшавского восстания. Зато почти провальным оказался «Джек Стронг»: фильму о Рышарде Куклинском пришлось довольствоваться только одной премией из 11 номинаций — за главную женскую роль для Маи Осташевской.

Лауреатом «Орла» за совокупность творческих достижений стал популярный и любимый народом актер, незабываемый Густлик из сериала «Четыре танкиста и собака», Францишек Печка (р. 1928, деревня Годов в Верхней Силезии), снимавшийся также в фильмах «Жизнь Матеуша», «Трактир». В последние годы публика могла его видеть в сериале «Ранчо» и в новом фильме Яна Якуба Кольского «Сердце, сердечко». «Орлы» — это статуэтки, которые ежегодно присуждаются в различных категориях Польской киноакадемией, объединяющей свыше 600 представителей отрасли.

В Национальном музее в Гданьске показано 180 работ выдающейся польской фотохудожницы Зофьи Рыдет (1911–1997). Это работы из самого известного ее цикла «Социологический срез», реализованного в 1978–1990 годах. Цикл насчитывает 30 тысяч фотографий, посвященных жителям польской деревни. Художница исходила с фотоаппаратом Сувальщину, Кашубию, Люблинщину, Подгалье, Келетчину, Силезию и окрестности Жешува. Она запечатлела на снимках исчезающий мир. «Социологический срез» считается одним из крупнейших фотографических проектов XX века. Следует добавить, что работу над главным делом своей жизни Зофья Рыдет начала поздно — в возрасте 67 лет.

— Работы из этого цикла повторяют определенную схему и формулу: художница портретирует людей как они есть, в неожиданных ситуациях, никоим образом ранее не подготовленных, не ангажированных. Такой прием документирования жителей в их микромире содержит в себе большой потенциал знаний для антропологов, этнографов, социологов, культурологов, — говорит подготовившая гданьскую выставку куратор.

Экспозиция сопровождается документальным фильмом «Бесконечность далеких дорог, подсмотренная и подслушанная Зофьей Рыдет в лето господне 1989» авторства Анджея Ружицкого. Выставку можно посетить до 3 мая.

Поразительное открытие в Кракове. Во время реставрации часовни Мук Господних в базилике отцов францисканцев удалось раскрыть стенные росписи XVII и XVIII века, чего абсолютно никто не ожидал. В одном из нефов часовни после снятия слоя испорченной штукатурки обнаружилось живописное изображение женской фигуры. Самая старая из фресок представляет сцену распятия Христа. Решение о дальнейших реставрационных работах будет принято после Пасхи. Часовня с конца XVI века по 1905 год принадлежала Архибратству Мук Господних, основанному в 1595 году краковским епископом Мартином Шишковским. Здание неоднократно страдало от пожаров.

Прощания

3 марта в Варшаве в возрасте 84 лет умер Войцех Гелжинский — репортер, автор свыше 60 книг, преимущественно о Третьем мире. В своих репортерских поездках он посетил 85 стран, что было бы невозможно без сотрудничества со Службой Безопасности, в чем он признался. В периодической печати В. Гелжинский неоднократно высказывался на общественные и политические темы, касающиеся Польши. Среди его книг «До самых дальних границ» (1972), «Революция во имя Аллаха» (1979), «Игра за Гималаи» (1980), «Я был гостем Хомейни» (1981), «Ужас и идиллия» (2001), «Шайтан возвращается в Иран» (2001), «Ржачка, лажа, маргиналия» (2007). Его последняя книга носит название «Полмира — мои!» (2012). О ней писал Войцех Ягельский: «Войцех Гелжинский, несравненный рассказчик и путешественник, в этот раз приглашает на экскурсию по своей собственной жизни, интересной и яркой, как дальние края, по которым он бродил и которые описывал». В период военного положения Гелжинский перешел в самиздатскую прессу. В 1989–1992 годах работал в еженедельнике «Тыгодник Солидарность». Был ректором

Высшей школы коммуникации и СМИ им. Ежи Гедройца в Варшаве (1995–2006). Связан с масонством, в последнее время с «Великим Востоком Польши».

4 марта в Залесе-Гурном умер Збышко Семашко, легендарный фотограф Варшавы, известный, прежде всего, знаменитыми фотографиями 50-х, 60-х и 70-х годов, которые он выполнял для еженедельника «Столица». Семашко (р. 1925, Вильно) запечатлевал восстановление важных для столицы мест, таких как Королевский замок, Большой театр или Старе Място (Старый Город). Он показывал процесс создания новой Варшавы — района Муранов, Маршалковского жилого района и Восточной стены. Год назад вышел его альбом «Варшава Семашко. Фотографии из Национального архива цифровых материалов». Из 6 тысяч фотографий мастера, хранящихся в архиве, для альбома было отобрано около двухсот. «Мы найдем здесь, — писали издатели альбома, — иконические уже фотографии передовиков, отстраивающих Старе Място, толп, разбирающих на субботниках руины на площади Дзержинского, фотографии возводящейся Восточной стены. Фотографии с Замковой площади, еще без Королевского замка, и новенькие дома на Коле, Белянах и Мокотове. Прекрасно представлены здания, которые сегодня по большей части обезображены или разрушены: «Суперсам», Павильон химии, культовые кинотеатры и железнодорожные вокзалы, запечатленные в самые лучшие периоды их существования. Мастер сумел собрать все самое интересное и красивое, что только есть в Варшаве. Ему было 89 лет.

17 марта в возрасте 79 лет умер Гжегож Морицинский — поэт и художник, творчество которого тесно связано с традициями искусства «Молодой Польши». Он родился в 1936 году в Августове, в 1941–1946 годах семья Морицинских была в ссылке в Сибири. В 1956 году он окончил Варшавскую академию изящных искусств, где одним из его педагогов был Артур Нахт-Самборский. Во время военного положения художник присоединился к Движению независимой культуры и выполнял эскизы листовок для «Солидарности». Весной прошлого года ретроспективная выставка «Зеркала тишины. Живопись и поэзия Гжегожа Морицинского» прошла в Варшаве в Музее литературы им. Адама Мицкевича.

О ШОПЕНЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Концерт для критика без текста

Необязательно быть поляком, чтобы быть в общих чертах в курсе национального «мифа Шопена», чтобы привязывать его к неброской красоте «фольварков, парков, рощ, могил», тосковать вместе с ним по оставленной где-то родине, по тому, что когда-то было жизнью, молодостью, а стало воспоминанием... . Во всяком случае, в России музыка Шопена подавалась всегда «вкупе» с его местом в Большой Истории. Истории, которая в тот или иной момент отрезала от родины людей той части Европы, в которой в очередной раз бушевала реакция (фраза возникала в учебниках с дурацкой повторяемостью). Истории, которая заставляла их скитаться в другой ее части, славящейся просвещенностью, терпимостью, традициями вольнолюбия — и красотой «мейнстримной», то есть не подпадающей под определение «неброской». А значит, красотой не той, не родной, что составляло дополнительную причину для ностальгии.

Миф Шопена — эмигранта, скитавшегося по всяким Парижам, со всей таинственной — психологической? — невозможностью вернуться на родину, настолько понятен, в том числе и в России, что чем-то странным может показаться заявление, что это миф не всеобщий, раз, и, два, что поляки могут воспринимать его как сугубо польский. Именно как к комплексу национальной культуры обращаются к нему, однако, создатели спектакля «Шопен без фортепиано» — Михал Задара и Барбара Высоцкая.

Данное в анонсе описание этого проекта, впрочем, предполагает скорее эксцентричный формальный эксперимент. На сцене, в сопровождении «взаправдашнего» оркестра (на премьере это была «Sinfonietta Cracovia» под управлением Яцека Каспшика, на декабрьском спектакле оркестром Большого театра дирижировал Бассем Акики) исполняются два концерта Шопена для фортепиано: так, что фортепиано все время молчит, вместо него солирует, произнося текст, Барбара Высоцкая. Текст произносится, как утверждают знатоки, в точном соответствии с ритмом партии фортепиано (нота — слог, как я понимаю). Спектакль «Шопен без фортепиано» был впервые представлен в марте 2013 года и получил огромный резонанс. Понятно, что, в силу своей

специфики, с тех пор он был показан бесчисленное количество раз, собрав множество фестивальных призов.

На декабрьский, даже не очень афишируемый и не привязанный ни к какому фестивалю спектакль в Большом театре все билеты тоже были распроданы задолго. Публика — самая разная, в основном все же «концертная», а не «театральная». Диковинка? Концептуальная шутка? Отчасти, конечно, эффект построен на этом — посмотреть, а как это вообще возможно? А справятся ли? Не много ли на себя берут? Вопросы такого рода, однако, отступают на второй план довольно быстро. Как ни смешно, отсутствие фортепьяно — которое неизбежно осмысляется, как отсутствие играющего на инструменте самого автора — не мешает. Что это?

Доказательство того, что Шопен присутствует, даже отсутствуя? Задара и Высоцкая одерживают победу (концерт, оказывается можно слушать и без «Шопена»), одновременно бросая своей культуре вызов: миф Шопена несется вперед, уже даже без самого Шопена. Чтобы его — Шопена — заново услышать, надо его на время «отключить». Надо сделать так, чтобы он перестал «вступать» автоматически, на таком-то такте своего концерта. «Зачем мы его из года в год играем?» — такой вопрос задается уже вполне открыто где-то к концу спектакля (понятно, под «Шопена» можно подставить любого национального композитора, ставшего культовым выразителям сантиментов — надежд и чаяний — своего народа. «Если в начале новостей звучит Шопен, значит, плохо дело», — это все нам тоже переводить не надо).

Конечно, Шопен — это отнюдь не только этот национальный миф, и создатели спектакля прекрасно это понимают. Фактически, текст — это каталог всевозможных подходов к чтению Шопена, и не только Шопена, а музыки вообще. Рефлексия над ними, их конфронтация, их накладывание друг на друга, как «уровней прочтения».

Первый уровень — этим спектакль открывается — это уровень формальный; звучат названия нот, аккордов, номера тактов... Игра повторений и обрывов, логики и «обманутых ожиданий». Все то, что связывает Шопена-мелодиста и Шопена — предшественника музыки XX века, приучающего слушателя любоваться красотой разрушения когда-то формально-правильных кристаллов. Лаборатория алхимика.

Другой уровень — врывается тоже почти сразу, репликой из Ярослава Ивашкевича: «Повторяющийся в базах аккорд звучит почти что как аккомпанемент к «*Priere d'une vierge*», а на фоне

этого аккорда слышна мелодия, напоминающая те, которые импровизируют варшавские юноши, моясь в ванной».

Музыкальная среда, непосредственные ассоциации, проклятая «жизнь», которая волей-неволей протискивается в любую лабораторию. Но и это еще сказано сидя за роялем. За роялем, на котором разбросаны партитуры, музыковедческие работы, наверняка еще — и издания писем и биографий. В какой-то момент исполнительница, в своем вечернем платье, заберется на сам рояль, чтобы зачитывать «из разбросанного». В какой-то момент — отойдет к микрофону в противоположной части сцены. Это — момент официоза, стихов, сложенных в честь поэта и родных березок, стихов, может и не всегда плохих, но безнадежно деформированных этим микрофоном и атмосферой «культурно-массовой работы».

В какой-то момент — артистка садится на правый край сцены, отвернувшись от оркестра, бросая реплики как бы через плечо... Это монолог Пианиста. И приземленный, низводящий все на уровень концертно-гастрольной рутины — и невероятно возвышенный: исполнитель признается в каком-то непостижимом отождествлении с произведением...

Наконец, уровень (авто)биографический — он, кажется, нигде не локализован... Впрочем, это наверняка не один уровень, а несколько. Грубоватый молодой человек, с удовольствием сыплющий колкостями в приватной переписке... (мы привыкли, чтобы этот молодой человек представлял женственно-изнеженным; у Барбары Высоцкой, понятное дело, получается все ровным счетом наоборот). Переписка — это прочитано от первого лица. Точнее — сыграно. Практически — перевоплощение...

«Шопену кажется, что вся семья его истреблена! Что сестры его — изнасилованы!..» Это — уже надрывный крик, вырывающийся из самого фортепиано. Быть может, это то, что вчитывает пианист в наиболее драматические пассажи. Быть может — действительно, кошмар, фантазм самого Шопена, запечатленный в похожих словах в его «штуттгартском дневнике». В определенном смысле — ошибка его эмигрантского воображения, дорисовывающего «ужасы» там, где (кстати, где? — на родине, на благовременно оставленной родине), скорее всего, расцветает всего лишь конформизм, депрессия и апатия. В то же время — фантазм, легитимизирующий патологическую боязнь хоть раз опять вступить на родную землю. (В то время как совсем не истребленные родители будут его об этом умолять). Заметим, что крик звучит уже от третьего лица. Это наваждение, это то,

что преследует воображение, возникает откуда-то — никак не изнутри. (Может, это все-таки наша ошибка? Может, это наше воображение — дорисовывает? Ведь никак не могут ни чувства эмигранта, ни «ошибка эмигранта» содержаться ни в первом, ни во втором концерте, написанных до эмиграции! В то же самое время... Да, особых «ужасов» в Варшаве после падения восстания и занятия столицы царскими войсками не было. Не было — в 1831 г. Но ведь были — до этого. «Как Суворов Прагу...» Выражение о беспощадном штурме правобережной части Варшавы (а имеется в виду именно эта «Прага») вошло даже в русский язык. А какое воспоминание должны были сохранить об этом кровавом событии поляки! Вроде бы Шопен имел право — «вчитывать»... Если не в свою до-эмигрантскую музыку, то в строки газетных новостей, доносящих о том, что происходит у него на родине).

В третьем лице — и горькие заметки «биографа»: перечисляющего города, моря и озера; столицы и курорты — все те места, где Шопен не находил себе места; подытоживающего: выехав за границу, чтобы развивать свое искусство, начать новый этап своей жизни, Шопен только и делает что умирает. Наконец — и это опять в первом лице: «Не хороните меня живым! Раскройте мое тело, вырвите мое сердце, положите в банку с водкой, и пошлите в Варшаву как подарок! Там уже есть мой разбитый вдребезги рояль!»

Фраза, которую договариваем мы, наследники мифа. Фраза, которую Шопен произнести не мог. Хотя бы потому, что история с выброшенным из окна роялем произошла спустя много лет после его смерти. Именно из того здания, в котором сестра композитора хранила его инструмент, во время восстания 1863 года было совершено нападение на царского наместника Берга. В ходе карательной операции казаков из огромного дома выбрасывали все, не пощадили и рояль. «Поэзия коснулась мостовой» — написал тогда поэт Норвид.

Событие, произошедшее спустя 14 лет после смерти композитора, но как бы доказывающее «верность мифа», окончательно связывающее его с главным нарративом польской национальной истории — истории восстаний и их подавления. Беспомощности возвышенных порывов духа против грубой силы, «поэзии» — против «мостовой».

Быть может, это и есть квинтэссенция того мифа, против которого восстают создатели спектакля. Сумеют ли они его переиначить, наполнить другим — не мартирологическим — содержанием?

...

Можно возразить — что в живом исполнении и живом восприятии все вышеуказанные уровни сосуществуют. Это так, и это не совсем так. Сосуществуют, но одновременно — находятся в конфликте. То, что мы слышим и видим в спектакле — конечно, «препарация».

Тема, впрочем, вполне в духе романтической/постмодернистской иронии возникает в связи с неизбежным мотивом «сердца Шопена». С одной стороны, в определенный момент нас посвящают в подробности процедуры, на которой композитор настоял, желая гарантировать себе уверенность, что не будет погребен заживо. С другой стороны... Сколько лет я даже не задумывалась, может ли за всей историей захоронения сердца отдельно, в Варшаве, — стоять что-либо другое, нежели патетический патриотизм. История Польши полна героических усилий возвращения останков великих эмигрантов на родину. Из уст в уста передавалось завещание Шопена: «Паскевич / царский наместник/ не разрешит забрать меня в Варшаву, отвезите туда хотя бы мое сердце». Хотя бы! Легендарен и факт, что и сердце приходилось везти конспиративно...

На этом фоне предположение, что просьба об извлечении сердца была изречена, чтобы «умереть со стопроцентной гарантией», выглядит как-то эгоистично. Но... «Не хороните меня живым!» — эта реплика, мало того, что заставляет отступить на второй план патриотические мотивы композитора. Повторенная, она явно намекает, что культура — своими ритуалами, заново и заново хоронит своего кумира. А он жив!

В какой-то момент крышка рояля (на котором, как мы помним, лежали ноты и музыковедческие работы) поднимается. В какой-то момент — именно на ней трепещет видеопроекция. Это оттуда — звучат слова о сердце и о разбитом вдребезги рояле. Конечно, раскрытый рояль — уподоблен грудной клетке. Его музыка — «вырезанная» из фортепианных концертов — уподоблена его живому сердцу. Создатели спектакля совершают эту brutальную операцию, чтобы дать нам почувствовать, что же на самом деле происходит с «сердцем Шопена».

...

Наконец, понимаешь фразу, прозвучавшую в самом начале спектакля — «Нигде так не важно повторение, как в музыке».

Фразу, кстати, тоже повторяющуюся. Когда терпеливо, когда — иронично, когда — чуть ли не с остервенением.

Постулируя очевидный тезис о важности повторений, исполнительница почти сразу «вчитывает» в него вроде бы отвлеченное — и вроде бы столь же очевидное — философское содержание: «Нам надо укорениться в этом мире, за что-то зацепиться...» Все спокойно и элегично — как в начале первого фортепианного концерта... Лишь потом — эта тема вернется, в своем полном отрицании, в своем полном разоблачении: «Именно потому, что мы так же ни в чем не укоренены, как Шопен, мы так хорошо его понимаем. Его отчуждение — это наше отчуждение, его одиночество — это наше одиночество, его отверженность от всего мира — это наша отверженность от всего мира.» Звучит вроде бы как крик отчаяния «неукорененного человека». На самом деле — признание неукорененности оказывается чем-то гораздо более здоровым и плодотворным, чем «работа укоренения» — в данном случае укоренения в Шопене. И не только потому, что «Шопен принадлежит миру», а не какой бы то ни было одной стране. Насильственное, навязчивое «укоренение» оборачивается «зарытием в землю», «захоронением», а не «укоренением», если продолжить заложенную в словах метафору.

...

В спектакле прозвучали и другие, еще более колкие диагнозы о последствиях «укоренения Шопеном». Не думаю, что стоит их повторять. Хотя бы до того момента, когда наша собственная культура не решилась на подобный жест по отношению к ее собственным кумирам. Подкрепленный высочайшей культурой и эрудированностью.

Для справки: авторы множества спектаклей в драматическом театре, Михал Задара и Барбара Высоцкая, не впервые сотрудничают с Большим театром. Михал Задара режиссировал здесь оперу «Орестея» Ксенакиса, Барбара Высоцкая — «Упадок дома Ашероу» Филиппа Гласа и оперу Паскаля Дюсапена «Медея-материал». Музыкант по первому образованию, выпускница Высшей музыкальной школы во Фрайбурге, она также поставила «Документальную оперу о Круглом Столе» одного из основателей «Варшавской осени» Тадеуша Вилецкого. В «Шопене без фортепиано» создатели спектакля использовали материал своих многочисленных встреч с исполнителями и исследователями музыки Шопена.

Концерт для критика с текстом

А может, все-таки? Может, все-таки пренебречь своей боязнью быть неправильно понятой? На эту мысль толкает меня, уже по написанию рецензии, текст «Шопена без фортепиано», полученный от агентства «Centrala».

Теперь я смогу проверить свою память. Память... О ней много говорится в этом тексте. Она возникает уже в самом начале, в связи с экзистенциальным измерением «повторения»: «Повторение — в жизни, искусстве, литературе, философии, музыке — основано на существовании и функционировании памяти, которая, будучи самым ценным нашим богатством, в то же самое время может стать источником духовных мук».

Благодаря мотиву памяти «повторение» — с присутствующим в нем нюансом «обустройства в этом мире» — получает новое осмысление: «мы жаждем повторения, ведь мы тоскуем по постоянству, тоскуем по укорененности / мы жаждем повторения, как присутствия прошлого / мы жаждем повторения, чтобы укрепиться в ощущении нашей идентичности / жаждем повторения для усиления нашего бытия».

Это — о памяти как сокровище. Но тотчас же мы увидим и другую сторону укорененности — в образе Шопена, сливающегося с фортепиано. Эпизод из выступления 15-летнего Фредерика — слишком углубившегося в свою музыку. Слушатели боятся, что юноша упадет в обморок, но никто не решается прервать его игру. Пока один из них в конце концов не отрывает его рук от рояля, «чтобы этот инструмент не высосал из него всей жизни — что в конце концов все равно произошло». Шопен — укоренен в своем рояле? И может быть, только в нем одном...

Тут — конец *Allegro Maestoso*, т.е. первой части Первого концерта. Просматривая текст, понимаешь, что «уровни прочтения», где-то отчаянно переплетаясь, существуют подчас отчетливо раздельно. Так, вторая часть — Романс (*Largetto*) — целиком отдана письмам Шопена. Как если бы мы вдруг полностью оказались по ту сторону зеркала. Как если бы за музыкой мы вдруг услышали вполне конкретные «жалобы (больного)» (насморк, головная боль, харканье кровью, «не могу здесь дышать», «задыхаюсь, кашляю, весь сонный/ ничего не делаю, ничего мне не хочется»....), увидели «выползающие из-за наполовину открытой крышки рояля — проклятые видения», наконец, столкнулись бы со Смертью — образом, который, при его симптомах, не мог не преследовать композитора. Этот образ то метафизический («смерть — лучшее, что может сделать человек / а что же наихудшее?

рождение / как прямая противоположность наилучшему / я прав в своем гневе, что пришел в этот мир / и кому какой прок с того, что я жил / небо прекрасно, как твоя душа; земля черна, как мое сердце») , то это образ гротесковый: «три врача со всего острова / один нюхал, что я нахаркал / другой простучал место, откуда я харкал/ третий тер и слушал, как я харкал / один сказал, что я сдох, второй, чтодохну, а третий, что сдохну»... Или — просто описание своего погружения в бесчувствие: «Снаружи я весел, а внутри что-то меня приканчивает — какие-то предчувствия, беспокойства, сны или бессонница, тоска, равнодушие, желание жить, а через секунду — желание умереть....»

Парадные стихи о Шопене, сентенции типа «Шопен — это то, что соединяет с родиной разбросанных по всему миру поляков, судьбы которых сложились так же, как и его», «Шопен — это символ...» и т. д. — это начало третьей части, Рондо а ля Краковяк. И конечно, тут появляется, контрапунктом, именно то, что, собственно, создатели спектакля хотят сказать. Сцена у Адама Мицкевича, возмущающегося тем, что Шопен, вместо того, чтобы вести за собой массы, тешит нервы аристократов и фланирует по парижским бульварам: «Мицкевич кричит, а Шопен играет все тише, все слабее. Сгибается и скрючивается, как если бы хотел исчезнуть, срастись с роялем...»

Наконец, приговор: «Шопен не принял навязываемой ему роли пророка фортепиано. Шопен — это не музыка прекрасной польской природы, а, наоборот, музыка перманентного разрыва с Польшей. Музыка человека, который после этого разрыва никогда уже себя заново не собрал, который бесконечно убегал из города — в предместье, с континента — на остров, с острова — обратно в город, ища тишины и покоя. И зная, что уже никогда их не найдет». «Выезжая из Варшавы, Шопен освобождается и создает вещи невероятно оригинальные. Он становится современным человеком, полным движения и жизни. Он становится... хозяином своей жизни и творчества — но платит за эту свободу очень дорого. До конца жизни в нем поселятся отчуждение, нервность и изумление. Он будет человеком, который постоянно думает о смерти и болезни. Который с момента выезда из Варшавы безуданно пишет о том, что умирает, поддыхает, раскладывается».

И это все — перемежается все теми же «фиалками и ландышами» парадных стихотворений, Шопеном, который «спрятал в цветах пушки», Шопеном как «символом скорби по утраченной отчизне и надежды на ее воскресение»...

Наконец, финал: «Что сделала наша культура из Шопена? Наша культура, которая с трудом способна различить что-либо кроме дворянских усадеб, берез, ручейков и восстаний? Она не допустила мысли, что Шопен — это современник Маркса, Бакунина и Бодлера. /.../ Традиционный сентиментальный польский антиинтеллектуализм сделал из Шопена певца провинциализма.... Этот так называемый здоровый польский консерватизм, неотъемлемой чертой которого является предположение, что все это только выдумка — Европа, культура, теории французских философов, визуальные искусства, общественное развитие, что ничего такого там нет, а на самом деле существует только плотно закрытая комната, береза, рояль, ручеек и это бессмертное... отсутствие мысли». Преувеличение? Огромное! Доказательств противоположного — великое множество, в том числе сам этот спектакль, его создатели и его публика. И все же по большому счету — сказано верно. И не только по отношению к польскому антиинтеллектуализму...

...

Второй концерт — наподобие Первого — открывается формальным анализом, который, однако, очень скоро надстраивается над тем, что было сказано в первой части спектакля. Так, очень быстро мы видим «молодого парня, у которого невероятные идеи о том, как можно играть на фортепиано / такие, каких ни у кого до него не было / когда он приехал в Париж / рецензенты писали, что приехал дикий варвар с востока, который эпатирует диссонансами / если сыграть это медленно — ну просто варшавская осень» („Варшавская осень» — один из самых важных в мире фестивалей современной музыки, проводимых в польской столице с 1956 года).

И быстрый прыжок к рефлексии по поводу культуры вообще: «каждая новая культура представала на первый взгляд как отрицание предшествующей / казалась самой себе отрицанием культуры». Не проводя навязчивых параллелей, создатели спектакля, конечно, обозначают и свое собственное место: соавторов сегодняшней, живой культуры, противопоставляемой «системе культуры, которая стремится только к самовоспроизведению». К такой системе, в конце концов, относится и так называемый культ чистой музыки: «Музыка, подчеркивая, что является искусством асемантическим, чистым, утратила возможность критической мысли о самой себе, возможность рефлексии над самой собой». Это, пожалуй, уже новый уровень, ведь во время Первого

концерта речь шла скорее о вполне конкретной семантической перегрузке музыки Шопена; во Втором, скорее, речь идет уже не о массовых манипуляциях Шопеном как «символом», а об обратном процессе: о другой крайности, о понимании уже скорее элитарном, запрещающем «вчувствования» и «вчитывания». Можно сказать, что и сам спектакль — ответ не только поколениям, которые, начиная с «великой эмиграции», с Мицкевича, внушали мысль о идеологической подоплеке шопеновской ностальгии, т. е. заставляли слышать эти самые «укрытые в цветах пушки», но и поколению «Варшавской осени» — интеллигенции времен ПНР, которая, борясь с навязчивой идеологизацией эпохи социализма, отстаивала понятие «чистой музыки». «Шопен без фортепиано» заново заявляет возможность о музыке говорить — и не только на уровне формальном, но и привлекая и биографию, и «вчувствование».

Что не противоречит тому, что дальнейшая рефлексия в спектакле идет скорее на уровне формы: «собственно вся первая часть это / это одни сплошные вопросительные знаки / вопросительные знаки и не до конца определенные ответы»... И не противоречит констатации ближе к концу этой части: «Фортепиано играет мелодию такого типа, которую можно пропеть, которая ассоциируется еще с человеком, вокально, но потом уже человеком быть перестает... становится только фортепиано. Рояль, который был выразителем человеческих эмоции, в этом моменте становится выразителем уже не человеческих, а пианистических эмоций, стихии — уже не человека, а одного только этого инструмента»...

Пожалуй, это уже переход ко второй части — *Larghetto* — в которой мы, парадоксальным образом, слышим только человека — скрывающегося за фортепиано, сливающегося с ним Пианиста. Возможно, интервью было сделано прямо во время его игры?

По секундам расписана третья часть — наиболее гетерогенная, в которой соединяются все прозвучавшие до сих пор мотивы. Это здесь — крик: «Откройте мое тело...», это здесь — описание препарации, это здесь, наконец — цитаты из обращения к «гражданам и гражданкам Польской Народной Республики» генерала Войцеха Ярузельского, объявляющего о введении военного положения 13 декабря 1981 года. Это для него Шопен — служил фоном. Сейчас «Шопен» прорастает, переиначивает, перелицовывает возвышенную фразеологию «спасения отчизны»:

«Государственные структуры перестают работать

Вопрос подлинного обличья нашей современной национальной музыки остается открытым»

Травестация? Опять «Шопен — как символ»?

«Мы — суверенная страна.

Из этого кризиса мы должны выйти своими собственными силами. /.../

Безусловно, самым важным вопросом для будущей польской музыки

является новое открытие Фридерика Шопена

надо, наконец, достать его мумию из-под накопившийся за два столетия

сентиментальной риторики,

понять себе реально и практически те пути,

которые ведут к независимости польской музыки, пути, по которым никто за ним пойти не хотел или не смог»

Шопен на службе у Ярузельского? Ярузельский на службе у Шопена? Роли бесконечно меняются, «Шопен» то побеждает «Ярузельского», то становится его жертвой. Только что наметившаяся фразеология «культурных перемен» становится добычей политической демагогии. В тексте царит хаос и распад, витают обрывки только что оптимистических утверждений: о том, что «фортепианный радикализм» Шопена противится любым иерархиям, несет в себе зерно анархии... Анархия на лицо — переплетаются образы разбитого рояля, раскрытого тела, общественного хаоса, «Шопен если б еще жил, то бы пил»; фразы остаются незаконченными, сплетаются между собой, пока не останется только одно:

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫМ

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫМ

Финал, поклоны, аплодисменты. У борьбы с «традиционным здоровым польским консерватизмом» тоже есть своя традиция. «Шопен без фортепиано» внес в нее свою лепту. Хочется верить, что не напрасно.

P.S. «Только борясь за наше прошлое, сможем мы создать наше сегодня, исполняя тот завет, который был дан в каждом произведении Шопена, и в этом тоже: культура может быть

чем-то иным, чем декорацией жизни / культура может быть
единством жизни, мысли, воображения и желания»

«МИЛОСТЬ» — МУЗЫКАЛЬНОЕ «СОЧЕТАНИЕ НЕСОВМЕСТИМОГО»

«Милость» (пол. «любовь») была, — вспоминает Рышард «Тымон» Тыманский — стилистическим мезальянсом, когда в рамках одного квинтета объединились совершенно противоположные тенденции. Миколай Тшаска — любитель регги и художник, я — постпанкер и перформер, Мацей Сикала — джазовый академист, Лешек Можджер — классический академист, а также Ольтер — умелец на все руки, у которого не было проблем с какими-либо музыкальными направлениями. Группа была тем самым сочетанием несовместимого.

В 2013 году на экраны вышел документальный фильм режиссера Филипа Державского «Милость». Фильм рассказывал о встрече участников группы «Милость» — группы-первооткрывательницы, заложившей музыкальные и идеологические основы стиля «ясс»^[1]. Музыканты попытались возродить группу, чтобы отправиться в ностальгический концертный тур и выпустить по его итогам прощальный альбом. Однако реанимировать пациента не удалось. В том же году вышла книга «AD/HD» — автобиография Тымона Тыманского в виде развернутого интервью, которое взял у музыканта Рафал Ксенжик (в том же формате были выдержаны и две предыдущие публикации — о польском саксофонисте Томаше Станько и звезде польского панк-рока Роберте Брилевском). Кроме того, в конце 2012 — начале 2013 гг. фонд «А КуКу Штука» выпустил книгу Себастьяна Рерака «Нахлебавшись жидкого гелия. История ясса». В конце 2014 года состоялась премьера документального фильма Бартоша Падуха «Тотарт», рассказывающего об одноименной группе артистов-перформеров из Гданьска, творчество которой было одним из важнейших источников вдохновения для группы «Милость». Такая бурная издательская и кинематографическая деятельность во имя увековечивания наследия «пионеров» ясса недвусмысленно подсказывает, что хорошо бы поглубже заглянуть в историю группы и мысленно вернуться в середину тусклых 80-х годов прошлого века, окунувшись в творческий водоворот, зачинщиками которого были Рышард «Тымон» Тыманский, Миколай Тшаска, Томаш Гвичинский, Ежи

«Маззолл» Мазолецкий, Яцек Ольтер, Лешек Можджер и Мацей Сикала.

80-е годы — это время расцвета независимой польской музыки. Это эпоха двух революций — панк-революции и революции стиля ясс. У истоков первой из них в конце 70-х стояли варшавские группы «Кризис» и «Тильт», гданьский коллектив «Дедлок» и группа «КСУ» из Устшик-Дольных. Вторая волна панк-рока в Польше пришлась на 1980–86 годы. О ней следует писать в первую очередь в контексте фестиваля в Яроцине в 1984 году. В среде панк-рокеров об этих нескольких фестивальных днях до сих пор ходят разные истории — когда правдивые, а когда и не очень; концерты же групп «Секера» и «Дезертер» и вовсе стали легендой. Шло время, и в Польше всё популярней становилась музыка «новой волны». В музыкальной журналистике это направление принято делить на разные стили, такие, как пост-панк, колдвейв и альтернатива. На Поморье эстафету от «Дедлока» приняли коллективы, которые принято относить к так называемой «альтернативной сцене Тригорода».

В 80-е годы историческая роль Тригорода^[2] (где и появилась группа «Милость») не ограничивалась деятельностью «Солидарности». Независимая музыкальная сцена здесь развивалась быстрыми темпами, в основном благодаря наличию порта, а также мультикультурным корням Гданьска. Моряки привозили виниловые пластинки и музыкальное оборудование, недоступные для жителей других городов. Именно тогда появились такие группы, как «Аптека», «Панцерне роверы», «Белизна», «По просту», «Бум вакаце в Риме», «Шелест спадаённых паперкув», «Дети капитана Клосса». Каждая из этих групп выработала свой собственный музыкальный стиль, явно заигрывая при этом с авангардом. Все это повлияло на эклектичность здешней сцены, а также на восприятие творчества этих коллективов за пределами родного города.

В 1984 году шестнадцатилетний Рышард Тыманский, будущий лидер «Милости», основал пост-панковскую группу с хорватским названием «Сни средством за укланяне» («ССЗУ»). Музыка группы отражала дух времени — в песнях чувствовалось влияние «Джой Дивижн». Одновременно Тымон участвовал в перформансах группы «Тотарт», основанной студентами филфака Гданьского университета, в которой верховодили Збигнев Сайнуг, Артур «Кудлатый» Коздровский и Павел «Коньо» Коннак.

«Тотарт» был группой молодых людей, разочаровавшихся в окружающей действительности, измученных социальной апатией, столь характерной для эпохи «военного положения» в Польше. На выступлениях «Тотарта» Збигнев Сайнуг декламировал свои стихи, а прочие члены группы устраивали хеппининги, вовлекая в них зрителей, которые иногда возмущались, а иногда были искренне заинтересованы. Группа «Тотарт» находилась под большим влиянием эстетики дадаистов и арт-движения «флюксус», объединяя творческих людей из разных областей искусства — музыкантов, поэтов, художников. В ходе выступлений участвующие в перформансах артисты иногда швыряли в публику собственные фекалии, мочились на импровизированной сцене, разрисовывали себе лица.

В 1988 году группа «ССЗУ» прекратила свое существование, на ее прощальном концерте Тыманский изменил название коллектива на «Милость». Через неделю из группы ушел Петр Мерта, решивший бросить музыку и сосредоточиться на изучении медицины. Зато к группе присоединился кларнетист Ежи Маззолл.

Сначала группа занималась в основном музыкальными импровизациями на границе фри-джаза и фри-рока. Музыкантов вдохновляло творчество и артистическая философия Джона Колтрейна, Орнетта Коулмана, Альберта Айлера, Фрэнка Заппы, Капитана Бифхарта и Чарльза Айвза. Именно в честь колтрейновского «A Love Supreme» — одного из важнейших альбомов в истории музыки — Тыманский и назвал группу «Милость». Чуть позже группа прекратила отношения с «Тотартом», объясняя это своим желанием сосредоточиться на творческой работе, идущей вразрез с тотартовской деструктивностью. После встречи с ламой Оле Нидалем Тымон и Тшаска начали практиковать буддизм, Маззолл заинтересовался христианством. Духовность и бунт, джаз и панк-рок стали идеологической и художественной канвой существования группы «Милость».

80-е годы прошлого века оказались далеко не самым лучшим периодом в истории польского джаза — вряд ли за все то время вышло хотя бы пять удачных альбомов. Из «музыки на экспорт», которой польский джаз стал благодаря польскому кинематографу и творчеству Кшиштофа Комеды, он превратился в музыкальный фон на банкетах. Музыкантов в первую очередь интересовали гонорары, а закрытое джазовое сообщество всячески тормозило творческие инициативы, которые позволили бы польскому джазу выйти из состояния

стагнации. «Милость» могла разве что пойти по стопам играющей авангардный джаз ченстоховской группы «Тай Брейк», но из-за конфликта с музыкальной средой и Польским издательским агентством этому коллективу не разрешили выпустить собственную пластинку.

В 1990 году из «Милости» ушел Маззолл. Поводом для расставания с группой стала идея Тымона, предложившего исполнять джазовые стандарты, чтобы лучше овладеть музыкальной техникой. Мазолевскому же, увлеченному свободными импровизациями музыкантов Питера Броцмана, такой подход оказался чужд, и он основал собственную группу. Вскоре после него группу покинул ударник Петр Дудзинский, решивший сосредоточиться на изучении математики. Место за барабанами занял Яцек Ольтер.

Встреча с Ольтером значительно ускорила развитие музыкальных навыков Тшаски и Тыманского. Яцеку было неважно, что играть, свинг или фри-джаз — в свои 18 лет он умел сыграть всё. Благодаря ему Тымон мог развиваться как композитор и не переживать, сможет ли группа реализовать его сложные идеи в области аранжировки. «Милость» отправилась в свой первый концертный тур в Югославию в следующем составе: Тыманский — контрабас, Тшаска — альт-саксофон, Томаш Гвицинский — гитара, Яцек Ольтер — ударные. По возвращении в Польшу группу ожидали очередные метаморфозы. Взяв за образец квартет Колтрейна, Тыманский решил, что место Гвицинского займет пианист, исполняющий классику — Лешек Можджер. В обновленном составе «Милость» в 1992 году приняла участие в фестивале «Jazz Juniors» в Кракове, на котором заняла второе место, а Ольтер и Можджер получили по специальному призу жюри. Наградой музыкантам стала возможность записать пластинку в профессиональной студии в Щецине.

Дебютный альбом группы, без обиняков озаглавленный «Любовь», содержит десять произведений. По названиям некоторых из них можно судить об источниках вдохновения участников коллектива. Альбом открывает композиция «Luke the Skywalker», посвященная герою «Звездных войн», вернувшему равновесие Силе, рыцарю-джедаю, ученику мастера Йоды (имя последнего, скорее всего, взято из санскрита, где «yoddha» в переводе означает «воин»), в образе которого Джордж Лукас воплотил черты мастеров дзен. Кроме того, на пластинке есть такие треки, как «Bluesin' for Lennie Tristano», «Мой папа — Бодхисаттва» и «Колтрейн», свидетельствующие о глубоком интересе участников группы к

дзен-буддизму и американскому джазу рубежа 50-х и 60-х годов XX века. «Зуд плазмы / Смола» стала первой в ряду многочисленных композиций, которым Тыманский сознательно давал абсурдистские названия, что со временем стало отличительным знаком группы. В среде музыкантов, играющих «ясс», дебютный альбом группы восприняли как предательство идеалов — написанная Тымоном музыка по духу оказалась близка джазовому мейнстриму. Однако в музыкальном плане альбом способен опрокинуть любые критические построения свежестью материала и энтузиазмом, с которым он был записан. Несмотря на использование довольно распространенных приемов, группе удалось создать произведение, одинаково ценимое как тонкими знатоками-меломанами и музыкальными журналистами, так и менее требовательными слушателями.

В 1993 году коллектив сыграл на фестивале «Jazz Jamboree». «Милость» выступила после квартета Томаша Станько, а сразу после нее на сцену вышла группа идола наших героев — Орнетта Коулмена. В концертном составе не оказалось Тшаски — его место занял тенор-саксофонист, виртуоз академического джаза Мацей Сикала. Разрыв Миколая Тшаски с группой продолжался полгода, причиной было неприятие музыкантом новых композиций, которые предлагал Тымон — недостаток исполнительской техники не позволял Тшаске расправить крылья. Музыкант уехал в Швейцарию, играл там на улице и активно совершенствовался, а вернувшись в Польшу, основал группу «Лосскот» («Гррохот»).

В апреле 1994 года квинтет «Милость» с Тшаской и Сикалой на саксофонах записал свой второй альбом «Танец дракона»^[3], считающийся лучшим в дискографии группы. Альбом символизировал возвращение к стилю, благодаря которому коллектив прославился в самом начале своего существования. В первую очередь, эта работа производит впечатление куда более зрелой, нежели дебютная пластинка. Композиции гораздо разнообразнее, их корни уходят не только в американский джаз середины прошлого века, в них чувствуется как влияние классической музыки, так и этнические мотивы африканского, балканского и азиатского происхождения. Благодаря мягкой манере игры Яцека Ольтера на ударных, в том числе на африканских гонгах, нежным звукам фортепиано Лешека Можджера, в которых переплелись элементы классической и джазовой традиций, сдержанным, виртуозным аккордам Мацека Сикалы, пылким импровизациям Миколая Тшаски, а также замысловатым аранжировкам (взять хотя бы пущенные в обратную сторону записи клавишных, которые зазвучали,

словно бандонеон) и мелодекламациям Тымона сказочный музыкальный мир, создаваемый группой «Милость», оказался в состоянии вместить авангард, фри-джаз и классику, идеально используя индивидуальные предпочтения и разносторонние навыки членов коллектива.

В год выхода «Танца дракона» произошла встреча, в возможность которой никто бы не поверил, если бы она не случилась на самом деле. В концертный тур вместе с группой «Милость» отправилась мировая знаменитость — американский трубач Лестер Боуи из «Art Ensemble of Chicago». Польские музыканты были его горячими поклонниками. Сыграть на одной сцене и в одной группе с артистом такого уровня — для ребят это было все равно, что найти «философский камень», превращающий металл в чистое золото. С результатами этого сотрудничества мы можем ознакомиться на двух альбомах, концертном и студийном.

Первый из них, на котором было записано выступление музыкантов, состоявшееся 19 ноября 1994 года в клубе «Эскулап», назывался «Not Two!» («Не два!»), содержит восьмидесятиминутный импровизационный материал. Лестер Боуи не страдал «звездной болезнью» и легко согласился исполнить композиции Тымона. Благодаря Боуи Тыманский стал более либерально относиться к произведениям других участников группы, поэтому в концертный сет коллектива вошли «Танец Миколая» Мацека Сикалы и «Парни на дамских велосипедах» Миколая Тшаски. Название альбома откровенно намекает, что «Милость» и Лестер Боуи на этом альбоме составляют единый творческий организм.

Второй альбом, названный «Talkin' about Life and Death» и записанный в 1997 году в студии Польского радио в Гданьске, был выпущен фирмой Тымона «Бёдро Рекордс» в декабре 1999 года. Пластинка содержит композиции Тыманского, Лестера Боуи, Лу Рида, Чарльза Айвза и Джона Колтрейна. В связи с тем, что на сессию звукозаписи было отведено слишком мало времени, не удалось записать запланированные композиции «Бони М» и «Секс Пистолз». Это зрелый альбом, записанный прекрасно осведомленными о своем высоком уровне музыкантами. Премьеры пластинки не дождался Лестер Боуи, умерший от рака 11 ноября 1999 года в возрасте 58 лет.

В перерывах между концертными турами с Лестером Боуи, в 1996 году «Милость» записала альбом «Asthmatic», название которого в пародийном ключе отсылает к пластинке «Astigmatic»^[4], одному из самых известных и лучших

альбомов в истории польского джаза, записанному группой Кшиштофа Комеды. Насмешливый тон, заданный на обложке, отчетливо различим и в звучании материала, подчеркнутом смелыми аранжировками. Этот альбом балансирует на стыке красоты и уродства, а его обаятельная, виртуозная и многожанровая музыка соседствует с откровенно экспрессивными произведениями, такими, как «Говно-блюз». Мастерство смешалось здесь с гротеском, серьезность с насмешкой.

В 1996 году у Яцека Ольтера было диагностировано маниакально-депрессивное заболевание. Во время турне по Венгрии он почти не спал, переживал приступы панической атаки, ни с кем не шел на контакт. Вернувшись в Польшу, Рышард и Миколай отвезли Ольтера в психиатрическую лечебницу. Терапия не принесла ожидаемых результатов, и Ольтер из яркого, эмоционального ударника превратился в подавленное, одурманенное лекарствами привидение, замкнутое в себе и своем депрессивном мире. Но пока он мог играть, ситуация еще была под контролем. С Яцеком на ударных группа в 1997 году записала музыку к фильму Олафа Любашенко «Афера». Альбом оказался неудачным. Группа просуществовала до начала 2001 года. 6 января Яцек Ольтер выбросился из окна восьмого этажа высотного дома в Гданьске. После распада группы каждый из музыкантов пошел своим путем.

Рышард «Тымон» Тыманский с основанной в 2002 году группой «Tymon & the Transistors» играет рок-н-ролл. Он также успел поиграть в составах временных джаз-бэндов, несколько раз выступив с Джоном Зорном. Написал музыку к фильму «Свадьба» Войцеха Смажовского, работал на радио и телевидении, писал музыку к театральным постановкам, был режиссером, автором сценария и исполнителем главной роли в фильме «Польское дерьмо».

Лешек Можджер добился большого коммерческого успеха в составе трио «Можджер, Даниэльссон, Фресцо», выступал с Дэвидом Гилмором. На сегодняшний день его дискография насчитывает свыше восьмидесяти альбомов. В 2012 году он был председателем жюри международного конкурса пианистов «Montreaux Jazz Competition», проходящего под патронатом Квинси Джонса. С 2011 года Можджер является организатором весеннего джазового фестиваля «Enter Music Festival» в Познани.

Мацей Сикала преподает музыку, а также работает сессионным музыкантом, приняв участие в записи более чем сорока альбомов.

Миколай Тшаска после распада группы «Милость» посвятил себя свободной музыкальной импровизации. Записывался с Питером Броцманом. Вместе с Рафалем Рогинским и Маце Моретти выступает в играющей смеси фри-джаза и хасидской музыки группе «Схофар». Совместно с женой основал собственную фирму грамзаписи «Kilogram records». Написал музыку к фильмам «Плохой дом», «Роза», «Гайцы» и «Песни пьющих» Войцеха Смажовского.

Пути музыкантов пересеклись еще раз в 2006 году, в рамках проекта «Яцек Ольтер и 50 музыкантов», посвященного памяти выдающегося ударника. Несмотря на неудачную попытку возрождения группы и отсутствие «правильной химии» в отношениях между Можджером, Тыманским, Тшаской и Сикалой, «Милость» стала прекрасным началом для музыкальной карьеры нескольких незаурядных личностей.

-
1. Ясс — музыкальный жанр, основанный на смешении джаза, панк-рока, импровизации и этно-музыки. В Польше главным идеологом стиля ясс (пишется также «yass» или «jass») является Рышард «Тымон» Тыманский. Кроме него ведущими представителями этого направления считаются также Томаш Гвичинский и Ежи Маззолл. Прим. автора.
 2. Тригород — городская агломерация на севере Польши, включающая Гданьск, Гдыню и Сопот. Прим. ред.
 3. Танец дракона — распространенный в Китае обряд, связанный с празднованием Нового года и символизирующий перемены, радость, энергию и начало карнавала. Прим. автора.
 4. Если в первом случае название недвусмысленно намекает на астму, то во втором — на дефект зрения, мешающий больному видеть четкое изображение. Прим. пер.

АФРИКАНСКАЯ РУСЬ, ДЕКАДЕНТСКАЯ ЕВРОПА И ПОЛЬША

— В второй половине 2014 года в книжных магазинах России можно было увидеть множество книг по русской истории. Вроде бы все понятно. Каждый может найти свое, было ведь и так и сяк, и плохо и хорошо. Но когда я слушаю влиятельных политиков современной России или «геополитиков» типа Александра Дугина и Александра Проханова, то мне кажется, что они говорят в стиле Кириллова из «Бесов» Достоевского. Им «все хорошо». Если кто-то разmozжит голову в отмищение за обиду ребенка, это будет так же хорошо, как если бы этого не делать, точно так же «как если кто-то с голоду умрет, а кто обидит и обесчестит девочку». В этой идеологии Иоанн Грозный хорош, но и митрополит Филипп, убитый этим русским царем, тоже хорош. Сталин – очень хороший, но и царская семья во главе с императором Николаем Вторым, казненная по приказу большевиков, тоже хорошая. Все смешалось в сегодняшней России.

— Люди, которые делают у нас политику, совершенно не обязательно читают книги, где ставится много сложных и критических вопросов по истории. А когда читают, то подбирают те книги, в которых история выстраивается по их схемам. Мы историю создаем в зависимости от режима, нашего мировоззрения, споров и борьбы между идеологиями. Мы очень мало знаем о своей истории, все очень идеологизировано, начиная с Николая Карамзина, который фактически написал историю России под династию Романовых. И дальше тоже все подстраивалось под какую-то систему.

— Но все-таки Карамзин сурово оценивает Ивана Грозного, а сегодня некоторые хотели бы канонизировать этого грозного царя.

— Иван Грозный не принадлежал к роду Романовых, поэтому его еще можно было осудить... Я думаю, что история работает в России на государство, а не государство — на историю. Этатизм, который был когда-то характерен для маленькой части истории Франции, в России превратился в доминанту всего исторического процесса. Государство здесь всегда право, а

тот, кто командует государством, тот не только царь, но еще и повелитель истории.

— *Истории как науки о прошлом?*

— Как науки, и вообще, как течения времени. У нас совсем другое представление о времени, чем в Европе, и другое представление об истории. Самый большой конфликт между поляками и русскими видится там, где речь идет об осмыслении истории. Поляки хорошо знают и ценят свою историю. Для поляков очень важно картезианское знание, знание разума. Для русского значение имеет прежде всего «пассионарность», пламенность отношений, зажигательность. Вещи совершенно непере译имые, а если и переводимые, то непонятные для европейца. Граница между Европой и Востоком проходит по маленькой речке Буг, которую я так много раз переезжал на машине. И я могу сказать совершенно объективно, что там и здесь мышление разное. Мы друг другу дали слишком много интеллектуальных кредитов доверия. Поляки говорили, что за всеми нашими бедами стоит испорченная машина Европы, испорченный механизм, а мы, т.е. наша культура, утверждали перед лицом Европы и Польши, что понятие «смысл жизни» для нас важнее, чем понятие «история».

— *В этом «смысле жизни» есть какая-нибудь человеческая личность?*

— Тут все может быть: и личность, и отсутствие ее. И Бог, и атеизм... Но сама история, как определенная последовательность осмысления событий, она русского человека не очень волнует. Отсюда — весь этот скандал. Вообще, наша история — это скандал. Вы правильно заметили, что Сталина могут любить или не любить. Половина страны его сейчас любит, а половина — не любит. И все эти люди живут вместе, но никакого диалога между ними практически нет.

— *То есть нет одной России, существуют две России?*

— Нет, «Россий» даже больше, «Россий» несколько... Самая большая проблема России в том, что у нас огромная разьединенность людей. По ходу истории, в течение всех этих исторических переворотов получилось так, что мы растеряли большое количество ценностей. Последние две потери произошли в течение одного века. В 1917 году рухнули классические и во многом органические ценности России, не всегда хорошие, не всегда плохие, но рухнула просто целая стена. А в 1991 году, с распадом Советского Союза, рухнули

другие ценности, которые кому-то были интересны, кому-то — нет.

— *Но вы же не плакали после падения Советского Союза?*

— Я не плакал, но я признавал, что эти ценности тоже формировали меня...

— *А какие это были ценности, что вы потеряли?*

— Для меня лично эти ценности носили прежде всего негативный характер, это был псевдосоциализм, псевдогосударство, потому, что за этим фасадом в СССР скрывалось все то же самодержавие, только еще более радикальное.

— *Вы тоже, как Солженицын, жалели, что Украина отделяется?*

— Нет, я не жалел, наоборот, я считал, что это положительное движение. И сейчас тоже так считаю. Я болею за Украину, хочу, чтобы она ушла в Европу, поскольку вижу, что если Украина отойдет от имперской России, то у нас не будет шансов на повторение Советского Союза и империи. Я — человек совсем не имперский, я — антиимперский.

— *А вы надеялись в 1991 году, что Россия пойдет демократическим путем?*

— Была надежда, но у меня в «Энциклопедии русской души» есть такая фраза, очень обидная, что в России надежда умирает первой. И она действительно быстро умерла. Но был когда-то один короткий момент в моей жизни, когда я даже отождествлял себя с государственной системой России. Это было начало Ельцина.

— *А когда ваша надежда умерла?*

— Надежда умерла уже с началом первой чеченской войны. Это была первая смерть надежды, а потом пришла целая череда этих смертей и разочарований.

— *А, раньше, как вы принимали перестройку Горбачева?*

— Ой, это был замечательный период, эмоциональный, это действительно была весна. У меня были связаны руки, я диссидентствовал, что оборачивалось массой неприятностей и для меня, и для семьи. Об этом мой роман «Хороший Сталин». И буквально с осени 1985 года я стал чувствовать, как появляются солнечные лучи, как они согревают мое лицо.

Запахло весной... И я помню этот 1988 год, хотя, в общем, в плане экономики и будущего, ничего хорошего не произошло. Просто вдруг оказалось, что вокруг так много свободы. Было такое ощущение свободы, что в воздухе появилось совершенно не русское измерение. Это было счастье какое-то. Я помню, как в мае 1988 года мы хоронили нашего последнего философа, с которым я дружил....

— *Алексея Лосева?*

— Да, Лосева. Я тогда на могиле на Ваганьковском кладбище сказал, что это самый свободный год России за долгое-долгое времени. По-моему, так и было, потому что даже при Ельцине не было уже такой свободы.

— *Я впервые был в Москве осенью 1992 года, я тогда уже неплохо знал русский Париж, встречался там с 1987 года с Натальей Горбаневской, Андреем Синявским, Владимиром Максимовым, Ириной Иловайской-Альберти. Жил я в 1992 на Старом Арбате, рядом со Смоленской площадью. Мы ведь и сегодня, разговаривая в вашей квартире, находимся очень близко от этого места. Когда я выходил на Старый Арбат и смотрел на книги, которые раньше мог привозить в Краков только из Парижа, книги Соловьева, Бердяева и других, мне хотелось кричать от радости.*

— Мне тоже хотелось....

— *Вы говорили о «кредите доверия» для России со стороны Польши. Я это понимаю так, что русские диссиденты, в том числе и вы, радовались, когда поляки, например, Анджей Дравич, Виктор Ворошильский утверждали, что Россия отнюдь не обречена на коммунизм. В 1992 году, мне, ученику Дравича и собеседнику русских эмигрантов в Париже, тоже казалось, что связанные с Россией надежды сбываются прямо на наших глазах. Я верил Солженицыну и считал, что царская Россия и СССР — это две разных структуры, а коммунизм, хотя и победил в России, совсем не был здесь исторической необходимостью, но только одним из вариантов развития событий.*

— Я когда-то назвал Октябрьскую революцию 1917 года закономерной случайностью...

— *Но Горбачев и другие всегда считали, что возврат к демократическим принципам — это осуществление принципов ленинизма. Ленин, мол, стремился только к хорошему, а Сталин все это испортил.*

— Да, была у нас такая прослойка интеллигенции, которая сейчас уже почти вся вымерла.

— Но сейчас в России, как мне кажется, дело обстоит намного хуже. Власть и мушкетеры часто критикуют Ленина, зато Сталина ставят на пьедестал. Так же думает и немалая часть народа, даже среди писателей сейчас много сталинистов, что в упомянутом 1992 году было почти невозможно. Сталинисты тогда систематически уходили в царство теней, а новые, как нам наивно казалось, не рождались... Сейчас, однако, многие в России говорят, что Ленин разрушил империю, а Сталин ее возродил. Рассуждения в таком духе приводят к выводу, что Ельцин — наследник плохого Ленина, а Путин — наследник хорошего Сталина. Культ Сталина соединяется таким образом с культом империи Романовых, рождается связь между Россией Путина, СССР времен Сталина и царской Россией петербургских времен. Мы в Польше часто рассматриваем это как опасную для нас попытку возрождения российско-советской империи, которая нас уже дважды поработала, а теперь, может быть, захочет сделать это в третий раз.

— Когда в XX веке два раза рухнули миры, то люди остались без ценностей. Без царских и без советских. Каждый в одиночку создавал для себя эти ценности. И сейчас нельзя найти в России двух похожих людей, которые имели бы те же самые ценности. Отсюда эти бесконечные русские разговоры. Потому что нет общей основы. Она разбита, а это дает возможность изображать все, что угодно. Самая большая наша беда — это не проблема власти. Это проблема народа. Политическая незрелость и архаические ценности народа легко поддаются манипуляции на уровне понятий XVII, XVIII и XIX веков. Сейчас идет возрождение скорее не сталинизма, потому что сталинизм тоже трансформировался в определенный миф, идет возрождение самодержавия с его черной сотней и ненавистью к либерализму. Эта ненависть очень четко провоцировалась при Александре III, а фундамент был заложен уже при Николае I. Так что все это еще досоветская матрица.

— Где здесь Сталин?

— Сталин вписывается сюда как бог, национальный русский бог. Грузин как русский бог — это, конечно, парадоксально, но он вписывается в такой расклад. Он неподвластен нашему суду, спас страну от своего учителя, от Ленина, развил ее. Затем вновь спас во время войны и превратил в державу, которой боятся. А желание, чтобы нас боялись, — это очень важная часть архаического сознания. «Чтобы нас боялись, чтобы нас соседи боялись, чтобы мы свое мировоззрение, лучшее, самое

лучшее в мире, могли навязывать разным людям... всяким там украинцам, к примеру...»

— *«А они нас не боялись в лихие 90-е», да?*

— Да, 90-е годы — это тот самый период, когда, по мнению таких вот русских националистов, упала Российская империя.

— *Проханов откровенно говорил еще в 2009 году, что будут войны, во время которых Россия должна отвоевать все то, что потеряла после 1991 года. Он напоминает немецкого реваншиста после Первой мировой войны, после Версаля. Все это серьезно или нет?*

— Трудно сказать, что у него всерьез, что нет. Мне кажется, однако, что есть в нем какая-то чертовщинка от героев Достоевского. Свидригайлов такой.

— *Бес или мелкий бес?*

— Мелкий, пока у него нет власти. Будет власть, будет — большой. Но его, Проханова, власть тоже боится. Я же говорил, что таких славянофилов, даже мошенников и националистов, власть в России никогда не любила. Она хотела сама быть славянофилом, националистом и даже немножко мошенником. А одиночки, выступающие с инициативами, как, например, Василий Розанов, всегда жаловались, что власть их не любит. Они всегда были этакими полудиссидентами. Другое дело, что сейчас власть достигла пика самодержавности, возникло поколение Крыма. Все в стране решает один человек, нет никакой коллегиальности при решении серьезных вопросов. На этом пике взгляды таких националистов, как Проханов, оказываются максимально приближены к идеологии власти. Их слова неожиданно перестали быть просто словами, они наполнились кровью. Дугин призывает убивать радикальных либералов, и Проханов вместе с ним.

— *Хороший Сталин и хорошие сталинисты.*

— Сталин для них — просто чистый бог, правда, 1937 год они убирают, они игнорируют все, что связано с реальной историей. Они оставляют только то, что связано с величием, с божеством.

— *С Победой?*

— Конечно, и всем остальным... Эта тема народная, которую только Ортегга-и-Гассет позволил себе затронуть в «Бунте масс». Тогда интеллигенция услышала народ, а потом все пропало. Потом, когда пришли либеральные времена,

выяснилось, что в сознании народа все перемешалось. Там есть и элементы XVII века, и что-то коммунистическое, и что-то православное. Вот разгадка того, о чем вы говорите! В одной точке все сходится. Эта масса нуждается в лидере. Такую массу мы уже видели в начале XX века, когда она родилась и укрепилась в Черной сотне, которую поддерживал даже царь. То же самое происходит и сейчас. Надо заново посмотреть на эти наши массы с точки зрения книги Ортеги-и-Гассета. Я написал недавно для немцев в «Шпигеле», что за кулисами столкновения России и Украины лежит европейская система ценностей. Она пришла с Запада и дошла до востока Украины и именно здесь вспыхнула эта искра, началась война.

— *А в России нет таких ценностей?*

— Таких очень, очень мало! Обычно идет какая-то бестолковщина, непонятливость такая. Это критическая масса, чего не видят ни либералы, ни консерваторы, ни коммунисты.

— *Тогда опять нужна революция сверху?*

— Да, реформа должна прийти сверху, если говорить жестко, то должен прийти такой Петр I, преобразователь. Но такого не предвидится, потому что Путин первый раз за всю русскую историю понял, что надо все «зачищать» под свою смерть. Он поэтому запрещает всякие политические инициативы. Он — очень ловкий тактик.

— *Страшный пессимизм...*

— К счастью, есть одна спасительная деталь, которая вообще характеризует архаическое сознание. Способность к возрождению самым необычным образом. Поэтому Россия обладает способностью возрождаться в самые неожиданные моменты. Это и сентиментально, и метафизично. Вообще, все это похоже на африканскую деревню, только под снегом, в тайге. Я часто бывал в Африке, когда мой отец был послом Советского Союза в Сенегале. Поэтому я давно с большим интересом отношусь к Африке, и мне кажется, что есть очень много общего между Россией и Африкой, что не должно звучать обидно, потому что этот архаический континент имеет то, что современные народы утратили. Когда Джон Керри говорит Путину, что мы живем в XXI веке и нельзя так поступать, например, с Крымом, то он забывает, что русский народ живет сейчас и в XVII, и в XVIII, и в XIX веке. У нас нет понятия времени. Так же, как в африканской деревне. Зато у них, у африканцев, есть общение с духами и убеждение, что они лучше всех. Когда я разговаривал в Мали с людьми,

представляющими духовную культуру Африки, они начинали меня ненавидеть за то, что я, европеец, в состоянии вести с ними разговор. А я говорил не как европеец, а как русский...

— *Как европеец вы не имели бы права?*

— Да, я не имел бы права, я был бы хуже. Они считают, что европейцы богаты, что у них материальные блага, но при этом европейцы для них — пустые люди, абсолютные роботы. И когда приходит белый человек и начинает говорить на их языке, вникать в их понимание мира, африканцы чувствуют угрозу.

— *А почему в России люди так думают о себе, за какие заслуги, за Победу?*

— Здесь намешано очень много всего. Вы помните, в «Акимудах» я пишу, что после рождения ребенка его полгода нельзя фотографировать, потому что родители боятся сглаза. И другие подобные истории. В этой книге я рассказываю и о русском бунте. Показываю, куда он может привести. Это, к сожалению, не предпоследний или последний суд, это вечный суд.

— *Цикл?*

— Да, цикл. Русский народ, который знает истину, как африканские народы, превращается в некое метафизическое коллективное существо. Некоторые обижаются, мол, Ерофеев сравнил русских с африканской деревней, какой ужас! Тут, однако, ничего обидного нет. Так, впрочем, думаю не только я, но и приехавшие сюда европейские послы, у которых есть опыт работы в маленьких африканских странах... Они тоже часто сравнивают африканскую деревню с Россией. К сожалению, Европа этого не понимает. Европа потеряла живую метафизику.

— *Это мнение русского народа о Европе?*

— Да нет, это также и мое мнение!

— *Но вы имеете в виду современную Европу?*

— Да, современную. Она живет по инерции. Из поколения в поколение будет все хуже и хуже. Нет ничего нового, что появилось бы вместо старых религиозных философий и представлений. Приходят лишь бюрократы из Брюсселя, интересующиеся только «философией безопасности»: этого нельзя, курить нельзя, много пить нельзя... Надевайте

презервативы и шлемы для безопасности, боритесь с агрессией. Европа теряет свою привлекательность. Она и раньше ее теряла, но делала это красиво, а сейчас — нет. Она перестает быть привлекательной даже для русских интеллектуалов, потому что не на что опереться. Можно опереться на великие корни Европы, на великий дух Европы, можно опереться и на поляков, на их чувство сопротивления. Но это все в прошлом. Я лично смотрю на Европу с сочувствием, потому что европейская цивилизация мне близка, можно даже сказать, что моя повседневная жизнь связана с европейской семиотикой. То, что европейское — это мое. Но опора находится «там», в «когда-то», то есть в прошлом.

— То есть правы все те русские, которые сегодня так критикуют Европу?

— Нет, они неправильно критикуют Европу, неправильно потому, что эти европейские ценности надо собирать и пытаться каким-то образом заставить их работать... В 90-е годы Россия повернулась к Западу своим европейским лицом: Гайдар, Чубайс, Немцов... И закрыла свое темное азиатское тело. А сейчас, когда все ликуют по поводу присоединения Крыма, эта азиатская часть развернулась.

— В XXI столетии всегда так было, по-азиатски? А Медведев? Связывали ли вы с ним какие-то надежды?

— Да, я связывал. Я тогда пошел против либералов, когда все они говорили, что это ерунда... Я встретился с Медведевым в одной либеральной тусовке, так сказать, однажды пообедал да поужинал, еще до того, как он стал президентом... В маленьком кругу писателей мы могли говорить с ним достаточно откровенно... Я увидел, что это человек вполне либеральных взглядов, это было видно. Он пытался что-то сделать, но...

— Он же начал этот процесс, может быть, еще не десталинизации в умах, но хотя бы официальной критики Сталина.

Он начал не только это. Он инициировал разрушение конструкции ГУЛАГ-а, полиции, которая тоже является частью ГУЛАГ-а, что ему не удалось из-за большого сопротивления, к тому же все знали, что он — временщик, он — только на час.

— Путин как-то не поддерживал его в этих антисталинских высказываниях...

— Путин разделил Сталина пополам. Он его отрицает как человека, который устроил 1937 год...

— *То есть отрицает всю внутреннюю политику?*

— Да, вообще внутренняя политика Сталина не пользуется симпатией Путина, зато внешняя — принимается полностью. И, к сожалению, это тоже связано с поляками, там много неприятных моментов. Например, муссируется версия, что поляки тоже виноваты в начале Второй мировой войны. Но, в общем, вам это понятно.

— *А скажите, нынешний Путин — это другой Путин, чем в начале своего президентства в 2000 году? Или он сразу был таким, как сегодня? Прислушивался ли он когда-нибудь к либеральным советчикам?*

— Дело в том, что первые четыре года он был актером. И довольно неплохим актером. Я писал несколько раз довольно резкие статьи о том, что Путина вообще нету, а вместо него есть некая пустая бутылка, в которую можно вливать разные идеологии. В общем, он никогда не был настоящим европейцем, в нем всегда сильно чувствовалось его образование и воспитание в КГБ.

— *Это на всю жизнь остается?*

— Там было, видимо, и КГБ, и несчастное детство, такое бедное ленинградское детство. А эти комплексы не изживаемы. Он получил очень высокий кредит доверия у Запада, с самого начала своей работы, видимо, из-за того, что работал вместе с Собчаком. И вообще придерживался умеренных взглядов, именно поэтому Ельцин назначил его и.о. президента. Потом начался конфликт Путина с Западом, но он долго был только внутренним, болезненным, но внутренним. И Запад в Путине уже разочаровался, и Путин — в Западе, но все молчали. Скандал произошел только с началом протестного движения здесь.

— *В 2011 году?*

— Да, вначале была Болотная площадь. Это движение единогласно было принято на Западе. Все его поддерживали: и немцы, и американцы, и французы, и поляки, естественно. Путин понял, что дружба Запада с ним, все эти его поцелуи с Меркель и прочее, — все это фальшь, на самом деле его хотят убрать и поставить на его место кого-нибудь другого. А когда у человека тяжелое детство, он очень сильно реагирует на

предательство. Он теряет голову, он считает, что его фактически приговорили к смерти.

— *Смерти политической или реальной?*

— Он мог повторить судьбу Каддафи.

— *В вашей книге «Акимуды» я нашел фрагмент, где говорится, что война начинается в голове. Как вы думаете, что в голове Путина? Он остановился теперь или есть опасность? Крым он уже взял, хотя раньше никто этого и не мог предвидеть.*

— Кое-что подозревать можно было сразу. Как только Путин пришел к власти — поменялся ветер. Раньше это был теплый ветер, а с приходом Путина сразу же стал дуть холодный. Мне рассказывали, что в Кремле в 90-е годы все ходили в американское посольство на День независимости, кушать хот-доги и пить пиво. В 2000 году, когда он был на посту всего лишь три-четыре месяца, все собрались, пришли к нему и говорят: «Мы идем в американское посольство». А он так на них посмотрел и ответил: «Это не на-а-а-ш праздник». Такие маленькие замечания уже демонстрировали, что пришли другие ценности. И все, что можно взять, надо брать, потому что там — враги.

— *Что будет дальше с Украиной?*

— На Украине случилась удивительная вещь. Никто же не подозревал, что украинцы продержатся всю зиму, что Майдан переживет зиму, а зима в Киеве выдалась тогда очень холодная. То, что там случилось, говорит о силе европейских ценностей, о том, что украинцы отстаивали европейские ценности (ценности в классическом виде, а не те, которые сейчас). Украинцев тоже ждет, наверное, какое-то разочарование. Но европейская цивилизация не раз оказывалась в тупике, а потом двигалась дальше. В этом смысле ничего страшного не предвидится. Оказалось, что эти классические европейские ценности столь сильны, что украинцев даже нельзя купить за материальные ценности. Даже за 15 миллиардов долларов, которые Путин обещал Януковичу, — нельзя. Не продается она. А Россия без Украины не может быть империей, не получается. Разговор идет о будущем вообще. Не только Украины, но и России. После того, как случился переворот и майдановцы пришли к власти, Кремль понял, что все теряет. И надо было что-то делать... Они конечно поняли, что это потеря навсегда. Скорее всего, навсегда. И тогда они взяли Крым и очень ловко стали раздувать военный конфликт на востоке. Это довольно жесткая игра, там течет кровь.

— *А что будет с Крымом после «воссоединения»?*

— Это роскошный кусок земли. В Серебряном веке все туда ездили, русская культура стала более теплой из-за Крыма. Волошин, Ялта Чехова и Горького, Крым Толстого. И царь там жил по четыре месяца. Теперь не знаю, сейчас должна произойти какая-то трансформация Крыма. Это уже совсем другой вопрос. Я думаю, что Украина не согласится на это, но, с другой стороны, Америка уже согласилась с тем, что Крым будет русским. Сейчас разговоры идут о том, что случится с востоком, Луганском, Донецком, которые, как мне кажется, останутся в Украине.

— *Что тогда будет с русскими «добровольцами», вождями «Новороссии», типа Борода или Стрелкова, которые уже научились воевать и убивать во имя империи? Когда их принужденно вернут на родину, не захотят ли они и в самой России повоевать немного?*

— Так ведь не только они. Я недавно ехал в такси, водитель включил радио «Комсомольская правда», очень реакционное. Я сказал таксисту: «Что вы слушаете, это ведь уже вчерашний день. Путин с Порошенко договаривается». А он: «Как так, а??? Он договаривается с фашистами и бендеровцами?». То есть, они уже настолько далеко запустили пропаганду...

— *Обычные люди пошли даже дальше чем власть?*

— Да, пошли дальше. Сегодня в аэропорту в Черногории, откуда я только что приехал, я видел очень милых украинцев из Харькова. К ним подошел такой здоровый русский, как говорится, словно из Черной сотни, и спрашивает: «Ну как там изнутри? Вы будете к нам присоединяться, вы отколаетесь от Украины?»... Типа такой русский боевик... А они спокойно отвечают: «Нет, у нас в городе нормально».

— *Откуда русские боевики в Черногории?*

— Туда же без визы можно. Там полно русских, все там отдыхают. Я был в городе Тиват на Адриатике, при границе с Хорватией, рядом с Дубровником, там аэропорт. А этот «русский боевик» в аэропорту, в черногорском Тивате, подумал, что все украинцы с востока хотят в Россию, что только силой их удерживают в Харькове. Это пропаганда советского типа. Харьковские украинцы, которые так спокойно ему отвечали, мне в чем-то напоминали поляков из 1980 года, которые тоже так спокойно реагировали на брежневскую пропаганду. Все-таки это продвижение ценностей идет с

Запада на Восток, а не наоборот. Тут Россия ничего Западу противопоставить не сможет.

— *А что ждет Россию в ближайшие два-три года?*

— Нельзя ничего предвидеть. То, что Крым отобрали, можно было только виртуально представить. Будущее этой страны нельзя предвидеть. Она стоит на одном человеке. Ясно только, он уже не развернется на Запад, так как Запад потерял к нему доверие.

— *Если Путин останется, то будет ли в Европе холодная война?*

— Будет изоляция. Но он почувствовал угрозу и в самой России. Угрозу, исходящую из правого сектора. Рогозин и другие люди хотели бы дальше толкать поезд в сторону войны, но Путину этого не надо. Поэтому он сейчас будет их потихоньку изолировать. Когда вы пришли, у меня было российское телевидение. Теперь уже начинают приходить, а еще недавно, когда я подписывал письмо против аннексии Крыма, ко мне никто в течение двух месяцев ни с радио, ни с телевидения не приходил. Просто была тишина в телефоне. А в последнее время, после выборов Порошенко, началась....

— *Оттепель?*

— Это не оттепель, это такая микрооттепель. Они поняли, что им нужны какие-то люди, с которыми можно вступить в диалог. Раньше им такие были не нужны, раньше это была армия, которая шла и брала Крым. Может быть, этот пик пройден. Но на востоке Украины еще долго будет течь кровь. Этот процесс не остановить, потому что этим людям с оружием сдаваться невыгодно. И в Россию пустят не всех из них. Там будет беда.

— *А что Россия делает с телами своих людей, которые погибли на востоке Украины?*

— А этого никто не знает. Те, которые погибли в Грузии во время войны в 2008 году, тоже как бы исчезли.

— *Благодарности никакой нет со стороны государства?*

— Это только потом... Здесь считается, что на войне гибнут только враги. Точно такая же тактика была во Второй мировой войне. Власти скрывали все потери, и только после выяснилось, какое огромное количество людей погибло...

— Давайте перейдем в другую, современную область. Вы верите в то, что проповедовал Солженицын, который утверждал, что в России должны возродиться земства, что люди в регионах сами должны управлять своей судьбой?

— Я думаю, что-то в этом есть, потому что земство в России — это одно из самых лучших учреждений, которое создало государство. Но я слабо представляю себе, что в XXI веке мы вернемся именно к этой идее. Вот к чему-то похожему... У нас, однако, очень плохое политическое сочинительство, и Путин, скорее, политический тактик, а не стратег. Он вдруг увидел щель, в которую можно было запустить руку, и взял Крым. Тут, кстати, есть разные правды. Мы вот строили с женой два дома в украинском Крыму, в Коктебеле, и я видел, как украинцы очень небрежно относились к своему Крыму... Дороги были плохие... Украина совершенно не считалась с тем, что ей достался роскошный кусок земли. Вообще Крым — это Италия, а если брать южное побережье — это лучше Италии! Я через несколько часов улечу на Капри, там ничуть не лучше, чем в регионе, скажем, Карадага, около Коктебеля.

— А какая самая большая беда сегодняшней России?

— В России всегда самая большая беда была с населением... Это очень тяжелый случай! Потому что так долго лишать народ политического воспитания, сдерживать политические инстинкты — это ведет, с одной стороны, к нравственному разложению, потере ценностей, с другой же, к разложению чисто физическому: везде водка, пьянство страшное. Наш народ находится в очень тяжелом состоянии, а власть этим пользуется.

— Это своего рода оправдание жестокости власти в России? Она нужна, потому что народ такой?

— Да, они нужны, потому что, например, защищают границы. Ведь нельзя же отдать Кавказ, Курильские острова, пятое, десятое.

— То есть, они в глубине души презирают русский народ, которым они управляют?

— Все русские консерваторы презирали народ.

— Но ведь, если и вы так критически относитесь к русскому народу, то тогда, может быть, прав Путин, держащий все железной рукой?

— Я так не думаю. Русский народ перед реформой Петра I тоже находился в беспросветном состоянии, но пришел Петр Великий и твердой рукой развернул Россию к Европе. На целых два столетия. Поэтому я не считаю, что если такая беда с народом, то вообще ничего нельзя сделать для России. Тут просто должен прийти Петр I.

— *Не Путин?*

— Путин — совсем не Петр I. Никакой он не царь. Он просто ловкий тактик. Однако вся беда в том, что народ еще более темный, чем Путин. И это актуально даже сейчас, после взятия Крыма, после большого количества кремлевского государственного вранья об Украине. Я скажу страшную вещь: Путин и его команда либеральнее 80% русского народа. То есть, если организовать совсем свободные выборы, то мы получим таких националистов и таких фашистов!

— *Вы имеете в виду свободные выборы без фальсификаций?*

— Да, если не брать Москву и Петербург, где, однако, тоже половина населения выступит очень резко, шовинистически. В других местах народ будет выступать жестче, чем Жириновский. Это Черная сотня, у народа очень много от Черной сотни.

— *И долго еще так будет? Эта стагнация после крымской эйфории надолго?*

— Я думаю, что в далеком будущем, в совсем далекой перспективе, проблема Крыма решится таким же образом, как в Евросоюзе решилась проблема Эльзаса. Какая разница, во Франции он или в Германии? Приезжай и пей там пиво или вино. Но до этого далеко. Россия еще очень далека от реформ.